

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

208

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
В СОТРУДНИЧЕСТВЕ С РИМСКО-ГЕРМАНСКИМ ЦЕНТРАЛЬНЫМ МУЗЕЕМ, МАЙНЦ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Издаются с 1939 г.

208

СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

МОСКВА ВО "НАУКА" 1993

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И.Т. КРУТЛИКОВА

Редакционная коллегия:

О.С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
В.И. ГУЛЯЕВ, А.Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю.А. КРАСНОВ, В.В. КРОПОТКИН,
И.Т. КРУТЛИКОВА (ответственный редактор),
В.П. ЛЮБИН, В.М. МАССОН, Н.Я. МЕРПЕРТ, Р.М. МУНЧАЕВ,
В.В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д.Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

доктора исторических наук А.В. ЧЕРНЕЦОВ, Б.А. ТИМОЩУК

Редактор издательства
Л.И. ТОРМОЗОВА

Средневековая археология Восточной Европы. М.: Наука. 1993. — 128 с.,
Ср. 75 ил. — (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 208).

ISBN 5-02-010100-1

Сборник содержит новые сведения о средневековой археологии Восточной Европы. Рассматриваются вопросы духовной и материальной культуры — распространение христианства в Древней Руси, христианские и языческие верования, святилища, храмы. Публикуются исследования древних городов и поселений, материалы по нумизматике и письменности, предметы ремесла и торговли.

Для археологов, искусствоведов, этнографов, историков.

С 0504000000 -005 Без объявления
042(02)-93

ББК 63.4

СТАТЬИ

В.В. СЕДОВ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В 988 г. Киевская Русь официально признала христианство в качестве государственной религии. Это событие стало эпохальным поворотом в истории восточного славянства. Великий князь Владимир Святославич таким образом осуществил крупную политическую реформу, которая укрепила русскую государственность и вывела Русь на арену европейской истории. Принятие христианства способствовало упрочению многих сторон внутренней жизни древнерусского общества и вело к активному развитию материальной и духовной культуры восточного славянства, став мощным импульсом в творческом усвоении культурных богатств, выработанных в христианском мире, который, как известно, наследовал опыт тысячелетней цивилизации античности.

Распространение христианства в восточнославянской среде было не одноактным процессом, а растянулось на несколько столетий. До конца X в. вся жизнь славян, их хозяйственная деятельность, быт, культура и искусство были неразрывно связаны с язычеством, глубоко пронизаны языческим мировоззрением. Славянское язычество по своему содержанию, повериям и обрядности существенно отличалось от христианских религий и миропонимания. Смена мировоззрений, затрагивающая основные моменты духовной жизни, быта и хозяйственной деятельности восточного славянства, могла протекать лишь постепенно, в течение жизни нескольких поколений.

В 988г. имело место крещение всего лишь жителей столицы Руси — Киева, в основном, по всей вероятности, княжеско-дружинного и раннефеодалного сословия. Во втором городе Руси — Новгороде посланный в следующем году (или через два года, как свидетельствуют разные списки русских летописей) князем Владимиром воевода Добрыня встретил сопротивление горожан. Так, Иоакимовская летопись сообщает: "Когда в Новгороде узнали, что Добрыня идет крестить, то собрали вече и поклялись все не пускать его в город, не давать идолов на ниспровержение"¹. И только силой дружинников новгородцы все же были крещены, языческие идолы их были разбиты или сожжены.

К концу X в. процесс распространения христианства ограничился в основном Киевом и Новгородом. Есть известия, что присланный из Царьграда митрополит Михаил с епископами в составе дружины Добрыни ходил на север и крестил народ. Однако у нас нет каких-либо фактов, свидетельствующих о христианизации населения вне двух крупнейших русских городов того времени. Непосредственным следствием принятия и распространения христианства было, конечно, построение церквей. "Повесть временных лет" сообщает, что Владимир Святославич тотчас после крещения распорядился строить церкви и ставить их там, где прежде стояли языческие идолы². Но при этом названа только единственная церковь, выстроенная в это время, — деревянный храм Василия в Киеве на холме, где прежде стояли идолы Перуна и других языческих

богов. Под 989 г. "Повесть временных лет" (в других летописных списках — под 990 или 991 г.) сообщает о закладке в Киеве первой каменной церкви Богородицы (Десятинной), для строительства которой были приглашены мастера из Византии. Строительство было завершено в 996 г.³ Небольшие христианские общины существовали в Киеве и Новгороде еще до официального крещения в 988 г. В Киеве христиане, очевидно, группировались вокруг церкви Ильи, упоминаемой в летописном тексте договора 944 г. В Новгороде при подходе к нему дружины Добрыни горожане разрушили церковь Преображения, которая, очевидно, принадлежала ранним новгородским христианам. Под 989 г. в Третьей Новгородской летописи упоминается церковь Иоакима и Анны. На Пeryни, где находилось языческое святилище словен ильменских, первая церковь была выстроена только в XII в. Имеется еще летописное известие о том, что в 992 г. Владимир Святославич с епископом крестил людей в Червенской земле и построил там город Владимир и в нем деревянную церковь Богородицы⁴.

Этими данными и исчерпывается информация о распространении христианства на Руси в первые десятилетия после официального крещения. Очевидно, в начале XI в. в большинстве древнерусских городов массы населения оставались язычниками. Недаром митрополит Иларион, современник Ярослава Мудрого, назвал русских христиан малым стадом Христовым⁵.

Христианство на первых порах охватило прежде всего городское население и в свою очередь способствовало бурному росту городов и развитию городской жизни. Если к концу X в. на Руси, по подсчетам М.Н. Тихомирова, было 25 городов, то в первой половине XI в. к ним прибавляется еще 13, а к концу этого столетия количество городов достигает 89⁶.

История храмового строительства свидетельствует о медленном распространении христианской религии в древнерусском городе. Так, к середине XI в. на Руси, судя по прямым известиям летописей и данным археологии, было только 10 городов, в которых имелись церкви. Это — Киев (три каменных храма), Новгород, Чернигов, Тмутаракань и, вероятно, Переяслав Южный (по одной каменной церкви, число деревянных подсчитать не удается). Деревянные храмы имелись во Владимире Волынском, Вышгороде, Ростове, Белгороде и, вероятно, в Полоцке. Во второй половине XI в. зафиксирована стройка еще 18—19 каменных церквей: в Киеве-8, Переяславе-5 и одной в Новгороде, Полоцке, Смоленске, Вышгороде, Новгороде-Северском и, вероятно, в Минске⁷. Таким образом, к концу XI в. археология и письменные памятники фиксируют 13 городов с христианскими храмами (рис. 1).

Правда, нельзя не отметить, что археология выявляет в основном каменное строительство, а на Руси в XI в. строились и деревянные церкви. Однако нет никаких оснований предполагать более широкое территориальное церковное строительство. Исследуя формирование церковной организации на Руси, Я.Н. Шаповв показал, что кроме киевской метрополии, в первой половине XI в. на Руси существовали епископские кафедры лишь в пяти городах — Новгороде, Чернигове, Переяславе, Полоцке и Белгороде⁸. Во всех этих городах в XI в. имелись каменные храмы. Исключением является Белгород, где археологическими раскопками выявлены следы каменного строительства с XII в. (церковь Апостолов, но ранее на этом месте стояла деревянная церковь). С конца XI в. в состав древнерусской церковной организации входили архиепископия в Тмутаракани, где остатки каменного строительства того времени выявлены археологами.

Во второй половине XI в. епархии во главе с епископом были основаны в Юрьеве на р. Рось и в Ростове Великом. Первый из этих городов археологически пока не изучен. Первая каменная постройка в Ростове — Успенский собор был заложен, как сообщают летописи, в 1161—1162 гг., вместо стorerшей "чудной" церкви.

Важнейшим источником изучения деталей распространения христианства среди восточного славянства, особенно для сельских местностей, являются курганы, исчис-

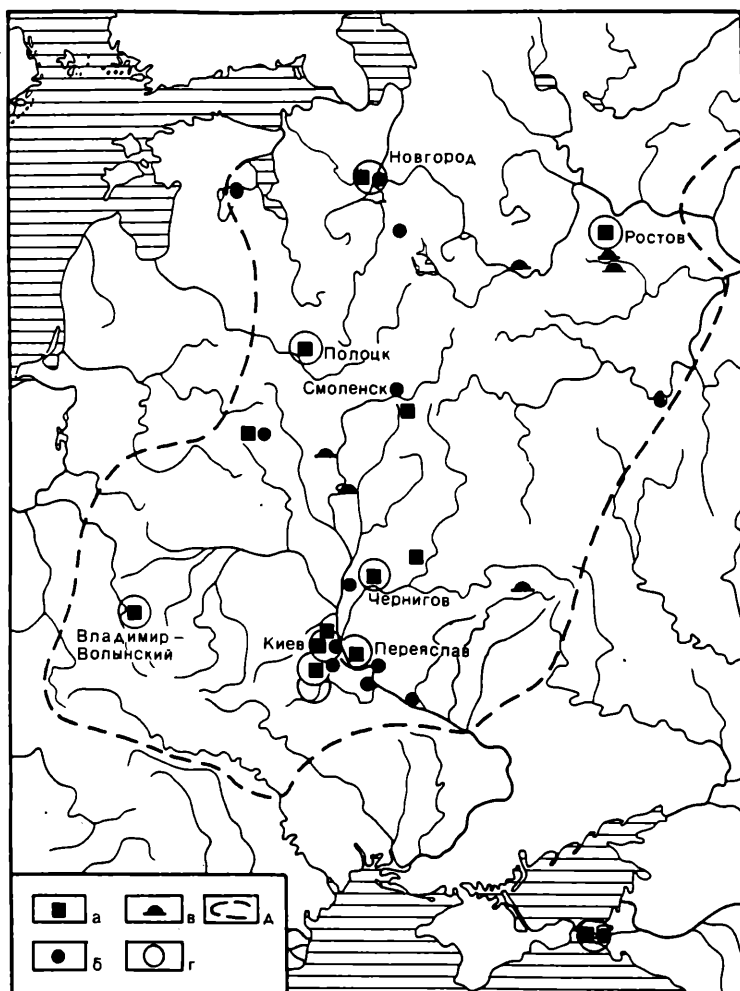

Рис. 1. Строительство церквей и распространение христианских символов в XI в.

a — города, в которых письменными источниками и археологическими материалами зафиксировано строительство церквей в конце X—XI в.; *b* — поселения с находками крестов и образков того времени; *v* — могильники, в курганах которых обнаружены крестики и образки; *g* — епископии; *d* — граница Древнерусского государства

ляемые десятками тысяч⁹. Как известно, в последних веках I тысячелетия — самом начале II тысячелетия н.э. захоронения по обряду кремации умерших в курганных насыпях постепенно сменяются ритуалом труположения в таких же насыпях. Обычно те и другие курганы образуют единые могильники, функционировавшие в течение нескольких столетий. Некоторые исследователи склонны объяснять смену обрядности проникновением в восточнославянскую среду христианского мировоззрения. Однако детальное изучение этого процесса заставляет отказаться от мысли о непосредственной связи смены обрядности воздействием христианской религии.

Еще Л. Нидерле обращал внимание на то, что обряд труположения получил распространение в ряде областей расселения раннесредневековых славян явно в дохристианский период. Переход от трупосожжения к труположению происходил и в таких глухих местах восточнославянского ареала, как, например, в Верхнем Поднепровье и Волго-Окском междуречье, где никак невозможно допустить проникновение

христианства уже в середине X в. в массы сельского населения. В южнорусских же землях первые труположения в курганах относятся к IX в., т.е. за два столетия до "крещения" Руси. Анализируя Киевский некрополь, в котором к концу XIX в. сохранилось до 280 курганов, М.К. Каргер убедительно показал, что никаких признаков христианской обрядности в труположениях IX—X вв. здесь не обнаруживается: "Все основные черты погребального обряда, как в рядовых захоронениях, так и в захоронениях знати, характеризуют киевский некрополь этого времени как языческий"¹⁰. Тем более, представляется недопустимой мысль о победе христианского мировоззрения в сельских местностях Среднего Поднепровья. Основную массу курганных захоронений IX—X вв. по обряду труположения несомненно следует связывать с языческим населением.

Смена обряда кремации на ингумацию под курганными насыпями отражает, нужно полагать, не распространение христианского мировоззрения, а какие-то серьезные изменения в мифологических представлениях, результат развития духовной культуры языческих славян.

Многу была высказана мысль о том, что изменение погребальной обрядности, о которой идет здесь речь, обусловлено глубоким проникновением в славянскую духовную жизнь некоторых иранских мифологических представлений¹¹. Как известно, среди скифов бытовало представление о посмертном существовании умерших, об их взаимодействии с живыми, о влиянии на земную жизнь сородичей. Поэтому скифо-сарматское население Северного Причерноморья не сжигало тела умерших, последние оставались "жить" навечно погребенными в курганах, в которых иногда устраивались камеры наподобие жилищ. Скифы большое значение придавали пребыванию умерших в курганах, которые служили объектами почитания. Постепенное распространение обряда труположения в восточнославянской среде и стало результатом глубокого проникновения в славянское язычество североиранских представлений о загробной жизни.

По-видимому, обряд труположения последних веков I тысячелетия н.э. в славянской среде был прямым продолжением обрядности антов V—VII вв., которой был свойствен биритуализм¹². О широком распространении в антской среде обряда труположения косвенно свидетельствует то, что среди славян, пришедших в VII—VIII вв. к берегам Адриатики, в Сербию и Словению, господствовал обряд ингумации. В свою очередь биритуализм антов восходит к черняховской обрядности, ритуал ингумации в которой является скифо-сарматским наследием в условиях славяно-иранского симбиоза, имевшего место в Северном Причерноморье¹³.

Среди языческих богов, идолы которых были поставлены Владимиром Святославичем в Киеве, два — Хорс и Самаргл — имеют иранское начало¹⁴. Вероятно, именно к IX—X вв. в силу новой исторической ситуации элементы скифо-сарматского мировоззрения существенно проявились в духовном мире языческих славян Юго-Восточной Европы.

Курганный обряд погребения сам по себе является языческим, и только его исчезновение может быть показателем христианизации населения.

Можно утверждать, что христианское мировоззрение одержало победу над язычеством в XI в. лишь в крупных городах Руси. Именно в это время большинство старых могильников Киева было заброшено, возникают новые, христианские, расположенные обычно около церквей. Таковы кладбища, выявленные раскопками 1838 и 1910 гг. в усадьбе Софийского собора и вокруг церкви Ирины с бескурганными захоронениями и иногда в каменных саркофагах. Появляются христианские кладбища и за городским валом¹⁵. Такая же картина наблюдается в Чернигове. Курганный обряд захоронения исчезает здесь, кажется в начале XI в. Лишь около окрестных сел известны курганные захоронения в течение всего XI столетия¹⁶. К началу XI в. относятся поздние захоронения в известном курганном некрополе Гнездова близ Смоленска. К середине XI в. прекращает функционировать курганный могильник в Пскове, который к концу этого столетия нивелируется и застраивается¹⁷. Вместе с тем какая-то часть

населения Переяслава Южного продолжала хоронить умерших в курганах в XI и даже в начале XII в.¹⁸ В XI—XII вв. активно функционировали курганные кладбища Суздаля, Изборска и других городов¹⁹.

Еще одним показателем весьма постепенного распространения христианства на Руси являются находки крестиков и образков в культурных слоях древнерусских поселений и в погребальных памятниках (см. рис. 1). Так, один из христианских символов, датируемых преимущественно XI в., — нагрудные кресты с так называемым грубым изображением Христа, изготовленные из серебра или бронзы, встречены лишь в 11 памятниках Руси²⁰. Происходят они преимущественно из городов, реже из курганов, расположенных на важных торговых путях — днепровском и волжском. Мысль о раннем распространении христианства узкой полосой, прилегающей к водному пути из Киева в Новгород, высказывалась еще историками XIX в. Другие типы крестиков XI в. найдены в Киеве, Новгороде, Минске, Рязани, Воине и в единичных курганах. Образки этого времени, кроме того, происходят из Тмутаракани и из одного кургана Суздальского ополья, раскопанного еще А.С. Уваровым (с. Городище). Таким образом, крестики и образки встречены менее чем в двух десятках из нескольких тысяч курганов XI в., оставленных сельским населением Руси²¹.

В XII в. процесс христианизации населения Руси протекал более активно, но весьма неравномерно в различных ее землях. Можно полагать, что в это время городское население окончательно становится христианским. Об этом свидетельствует и храмовое строительство, и исчезновение курганного обряда в городских некрополях.

Если в течение всего XI в. на Руси было выстроено 25—26 каменных храмов, то в первой половине XII в. их строится 38, а во второй половине еще 112 церквей. К середине XII в. насчитывалось 19 пунктов с каменным церковным строительством, а к концу столетия их было уже 37 (рис. 2). В 30—40-е годы XII в. основывается епископия в Галиче. К середине этого столетия их на Руси было уже 12, в том числе восемь приходилось на южнорусские земли, свидетельствуя о том, что здесь вытеснение язычества было более интенсивным.

В христианизации восточного славянства важная роль принадлежала городам. Там, где их число было большим и располагались они плотнее, процесс освоения новой религии протекал активнее (в том числе в окрестных сельских регионах). География древнерусских городов XI — первой половины XII в. отчетливо показывает, что основная масса городов строилась в плодородных районах южнорусских земель²².

Курганных захоронений XII в. в Южной Руси еще много, но заметно меньше, чем курганов предшествующего столетия. В течение XII в. число курганных погребений постепенно уменьшается, а к концу этого столетия в южнорусских землях почти полностью исчезает обычай сооружать курганы. Это — яркий показатель завершения христианизации сельского населения южнорусских земель.

В лесной зоне восточнославянского расселения — в Новгородской, Смоленской, Полоцкой, Ростово-Суздальской и Рязанской землях, а также в ареале вятичей в первой половине XII в. городов было очень немного, и в сельских местностях безраздельно господствовал курганный обряд погребения со всеми его языческими элементами. Умерших помещали на материке в основаниях курганных насыпей с вытянутыми вдоль тела руками. Они сопровождались глиняными сосудами и большим числом разнообразного вещевого инвентаря. Правда, следы культа огня становятся заметно слабее. Очевидно, что воздействие христианства на сельское население Северной Руси в это время было еще мало заметным. Судя по свидетельству жития Авраамия Ростовского, еще в конце XI — начале XII в. в Чудском конце Ростова стоял идол Велеса, а летописец прямо говорит, что в его время вятичи сохраняли языческие обычаи.

Ситуация начала меняться с середины XII в. Как известно, в 30-х годах этого столетия Киевская Русь распалась на полтора десятка княжеств. Создалась возможность создания крепкой власти и государственности в отдельных землях Руси. В их

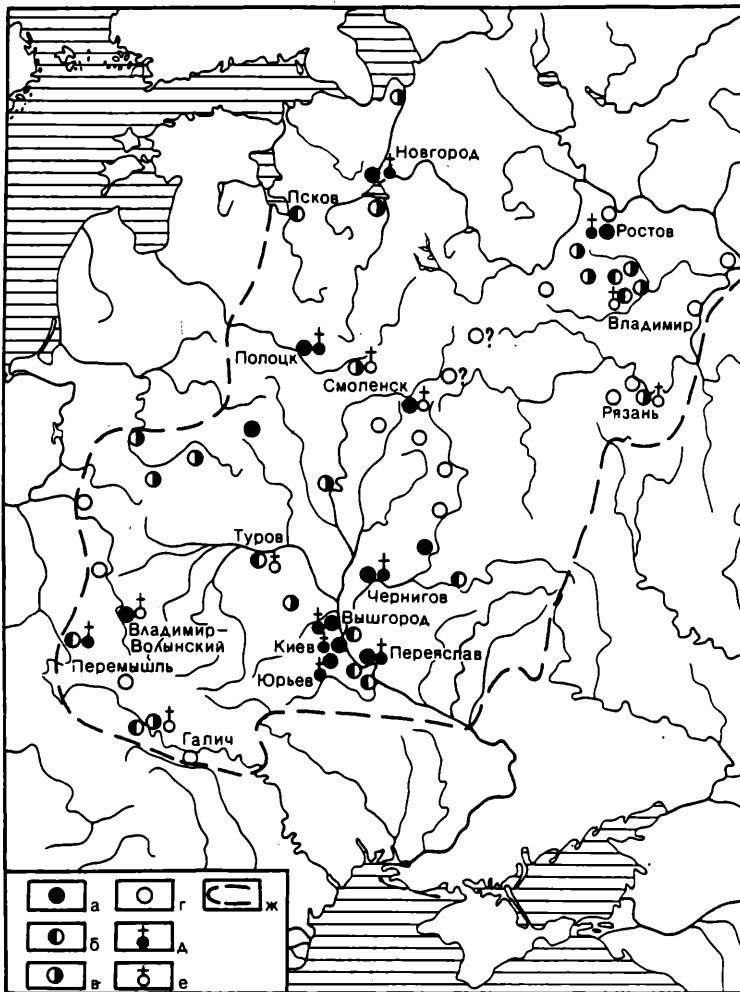

Рис. 2. Строительство церквей в XII — начале XIII в.

а — поселения, в которых церкви существовали с конца X—XI в.; б — поселения, где впервые были построены церкви в первой половине XII в.; в — поселения, в которых церкви возникли только во второй половине XII в.; г — поселения, в которых церкви впервые зафиксированы в первой трети XIII в.; д — епископии, основанные в X—XI вв.; е — епископии, основанные в XII — начале XIII в.; ж — граница Древнерусского государства

стольных городах возникали свои художественные направления, издавались свои уставные грамоты, велелись свои летописи; появляются новые епископии. Так, в 30-х годах XII в. основывается епископия в Смоленске, в конце этого столетия — в Рязани, а в начале XIII в. — в Суздале. Во второй половине XII в. основная часть городов основывается уже в севернорусских землях. Выше 2/3 каменных храмов, построенных на Руси во второй половине XII в. — первой трети XIII в., приходится уже на ее северные земли (см. рис. 2).

Процесс выделения самостоятельных земель со своими стольными градами и епископиями привел к активному распространению христианского мировоззрения среди основной массы древнерусского населения лесной зоны Руси. Только воздействием новой религии можно объяснить изменения в курганной обрядности, наблюдаемые повсеместно начиная с середины XII в. Если прежде умершие погребались прямо в основаниях курганов, то теперь получает широчайшее распространение ритуал захо-

ронений в грунтовых ямах, а сами курганные насыпи становятся все меньше и меньше. Для умершего сначала вырывалась четырехугольная могильная яма, в которой и совершалось захоронение. Глубины могильных ям различны — от 0,1—0,2 до 1,5 м, при этом неоднократно подчеркивалось, что мелкие ямы являются более ранними, а более поздние достигают значительных глубин. Налицо явная эволюция обрядности от языческой к христианской.

Изменяется положение рук погребенных. Если при захоронениях на материке под курганами умерших клали, как правило, с вытянутыми вдоль тела руками, то у погребенных в могильных ямах под курганами руки нередко сложены на груди или животе. Иногда согнутой была только одна рука, которая лежала на груди или животе, а вторая оставалась вытянутой. Правда, часть ямных труположений сохраняет старое положение рук — вытянутое.

В курганах с ямными погребениями следы культа огня встречаются уже крайне редко. Заметно уменьшается число вещевого инвентаря, сопровождающего погребенных. Это преимущественно украшения или металлические принадлежности костюма. Обычай ставить глиняные сосуды в ногах или головах погребенных исчезает вовсе.

В курганах второй половины XII — начала XIII в. больше встречается крестиков и христианских образков. Правда, более значительная часть их происходит из городов (рис. 3).

Христианские символы — крестики и образки свидетельствуют об исключительно сложной ситуации, имевшей место при распространении христианства в языческой среде. Так, известны курганные захоронения с крестиками на груди, которые сопровождалась орудиями труда и довольно богатым инвентарем. Это говорит о неполной христианизации умерших, возможно, о сложении переходного периода, в котором наблюдается своеобразный сплав языческого и христианского мировоззрения. Вместе с тем часть крестиков использовалась в качестве украшений наряду с другими элементами женского металлического убора, и говорить в таких случаях о воздействии христианской религии не приходится²³.

В курганах второй половины XII — начала XIII в. выделяются и собственно христианские захоронения, число которых очень невелико. Обычно в таких погребениях обнаруживается крестик или образок на груди при отсутствии каких-либо иных вещевых находок. Таковы, в частности, отдельные курганные захоронения при селах Городище, Старово, Кабанское, Васильки и Ненашевское, раскопанные А.С. Уваровым в Северо-Восточной Руси. К числу таких же курганных погребений принадлежит одно из захоронений в Акатово в Подмоскovie. В Костромском Поволжье в одном из курганов у д. Боровиково был захоронен мужчина с нательным крестом на шерстяном шнурке и бронзовым перстнем на руке. Кажется, что такое использование религиозных символов свидетельствует о том, что под курганными насыпями погребены христиане. Это был еще первый этап христианизации сельского населения, когда новая религия была воспринята только отдельными представителями общины, а другая часть ее стойко сохраняла старые языческие традиции, в том числе и курганный обряд погребения. В Костромском Поволжье встречены при раскопках также курганные погребения с крестиками на груди, но сопровождающиеся богатым инвентарем, в том числе орудиями труда. Это указывает на то, что в XII — начале XIII в. христианизация отдельных представителей сельской общины была неполной, это еще был переходный период от язычества к христианству.

В первой трети XIII в. наблюдается дальнейшее воздействие христианства на погребальную обрядность сельского населения Северной Руси. Курганы этого времени содержат в основном ямные захоронения, процент погребенных со сложными на груди или животе руками возрастает, заметно увеличивается число безынвентарных труположений. Еще во второй половине XII в. в отдельных погребениях в курганах появляются железные гвозди от гробов. Число погребенных в гробах заметно увеличивается в начале XIII в.

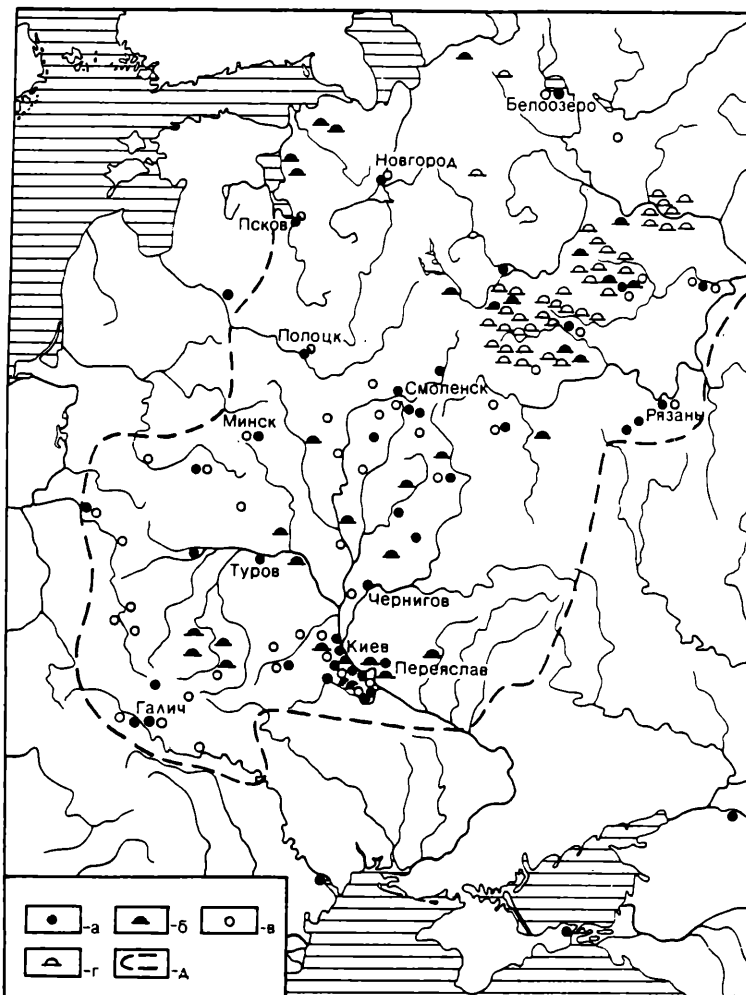

Рис. 3. Распространение христианских символов в памятниках XII — первой трети XIII в.
а — поселения с находками крестов и образков XII в.; *б* — курганные могильники с погребениями XII в.; сопровождающиеся христианскими символами; *в* — поселения с находками крестиков и образков второй половины XII — первой трети XIII в.; *г* — курганные могильники, в которых встречены крестики и образки второй половины XII — первой трети XIII в.; *д* — граница Древнерусского государства

Продолжается активное строительство каменных церквей. Ко времени татаро-монгольского нашествия на Руси было 53 населенных пункта с каменными храмами. В середине XIII в. наблюдается очень быстрое исчезновение обряда погребения под курганными насыпями. Конечно, этот процесс начался раньше и протекал постепенно, он нуждается в специальном анализе. Второй половиной же XIII в. датируется полное повсеместное исчезновение этой языческой обрядности. Усиление позиций христианства в это время обусловлено поражением Руси при нашествии татаро-монгольских орд. Ордынское иго стало вытеснять языческие обряды.

Исключение составляет Новгородская земля, непосредственно не затронутая татаро-монгольскими погромами. Здесь в XIII—XV вв. получил распространение жальничный обряд погребений, сочетавший в себе язычество с христианством, а на окраинах Новгородской земли, например на Ижорском плато, продолжал функционировать в XIII—XIV вв. и отчасти в XV в. курганный обряд захоронений (вместе с жальниками).

- ¹ Соловьев С.М. Сочинение. М., 1988. Кн. 1. С. 177.
- ² Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1. С. 81.
- ³ Там же. С. 83, 85.
- ⁴ ПСРЛ. СПб., 1862. С. 64.
- ⁵ Голубинский Е.Е. История русской церкви. М., 1901. С. 207.
- ⁶ Данные летописей и археологии о церковном строительстве в домонгольской Руси собраны в кн.: *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X—XIII вв. // САИ. Л., 1982. Вып. Е1—47.
- ⁷ Шапов Я.И. Государство и церковь Древней Руси X—XIII вв. М., 1989. С. 33—48.
- ⁸ Тихомиров М.И. Древнерусские города. М., 1956. С. 36.
- ⁹ Информация, полученная при раскопках около 40 тыс. курганов, обобщена в кн.: *Седов В.В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М., 1982.
- ¹⁰ Каргер М.И. Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 203.
- ¹¹ Седов В.В. Восточнославянское язычество накануне "крещения Руси" (Погребальный обряд) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 48—50.
- ¹² Седов В.В. Погребальный обряд славян в начале средневековья // Балто-славянские исследования. М., 1990.
- ¹³ Седов В.В. Славяне и иранцы в древности // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Междунар. съезд славистов: Докл. сов. делегации. М., 1978. С. 227—240.
- ¹⁴ Васильев М.А. Боги Хорс и Семаргл восточнославянского язычества // Религия мира. История и современность. Ежегодник 1987 г. М., 1989. С. 133—156.
- ¹⁵ Голубева Л.А. Киевский некрополь // МИА. 1949. № 11. С. 103—118.
- ¹⁶ Рыбаков Б.А. Древности Чернигова // Там же. С. 51—53.
- ¹⁷ Лабутина И.К., Кильдюшевский В.И., Урьева А.Ф. Древнерусский некрополь Пскова (По раскопкам 1976 г.) // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 69—77.
- ¹⁸ Русанова И.П. Курганы полян X—XII вв. // СЛИ. 1966. Вып. Е1—24. С. 23, 24.
- ¹⁹ Сабурова М.А., Седова М.В. Некрополи Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91—130; Седов В.В. Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники Европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. С. 91—106.
- ²⁰ Седов В.В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 63—67.
- ²¹ К тому же некоторые из курганных захоронений с находками христианских символов не могут быть признаны христианскими, поскольку в них крестики входили в состав богатых шейных ожерелий и сопровождалась вещевым материалом, не свойственным христианским погребениям.
- ²² Седов В.В. Начало городов на Руси // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. 1, вып. 1. С. 12—31.
- ²³ Информация о находках крестиков в курганных захоронениях восточных славян содержится в работах: *Мальм В.А.* Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968. С. 113—117; *Фехнер М.В.* Крестовидные привески "скандинавского типа" // Там же. С. 210—214; *Беленькая Д.А.* Кресты и иконки из курганов Подмосковья // СА. 1976. № 4. С. 88—98; *Рябиниц Е.А.* Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л., 1986. С. 74—76; и др.

Д.А. БЕЛЕНЬКАЯ

МЕДНАЯ ПЛАСТИКА ГОРОДОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ (XIII—XV вв.)

В археологических коллекциях древнерусских городов особое место занимают меднолитые кресты-тельники. Являясь своеобразным ключом к обширным, чаще беспаспортным музейным коллекциям, предметы эти служат объективным источником для изучения древнерусского ремесла.

История изучения медной пластики насчитывает многие десятки лет. Первая попытка научной систематизации меднолитых изделий сделана при издании коллекции Б.И. и В.Н. Ханенко в самом конце XIX в.¹ Подробное описание 310 предметов, составленное В.В. Хвойко, больше 80 лет является одной из основных работ по медному литью. К 20-годам XX в. относится важная для датировок медного литья статья Н.Ф. Романченко о старицком медном литье². В ней опубликован хорошо датированный монетами комплекс из крестов-тельников и небольших иконок. Опреде-

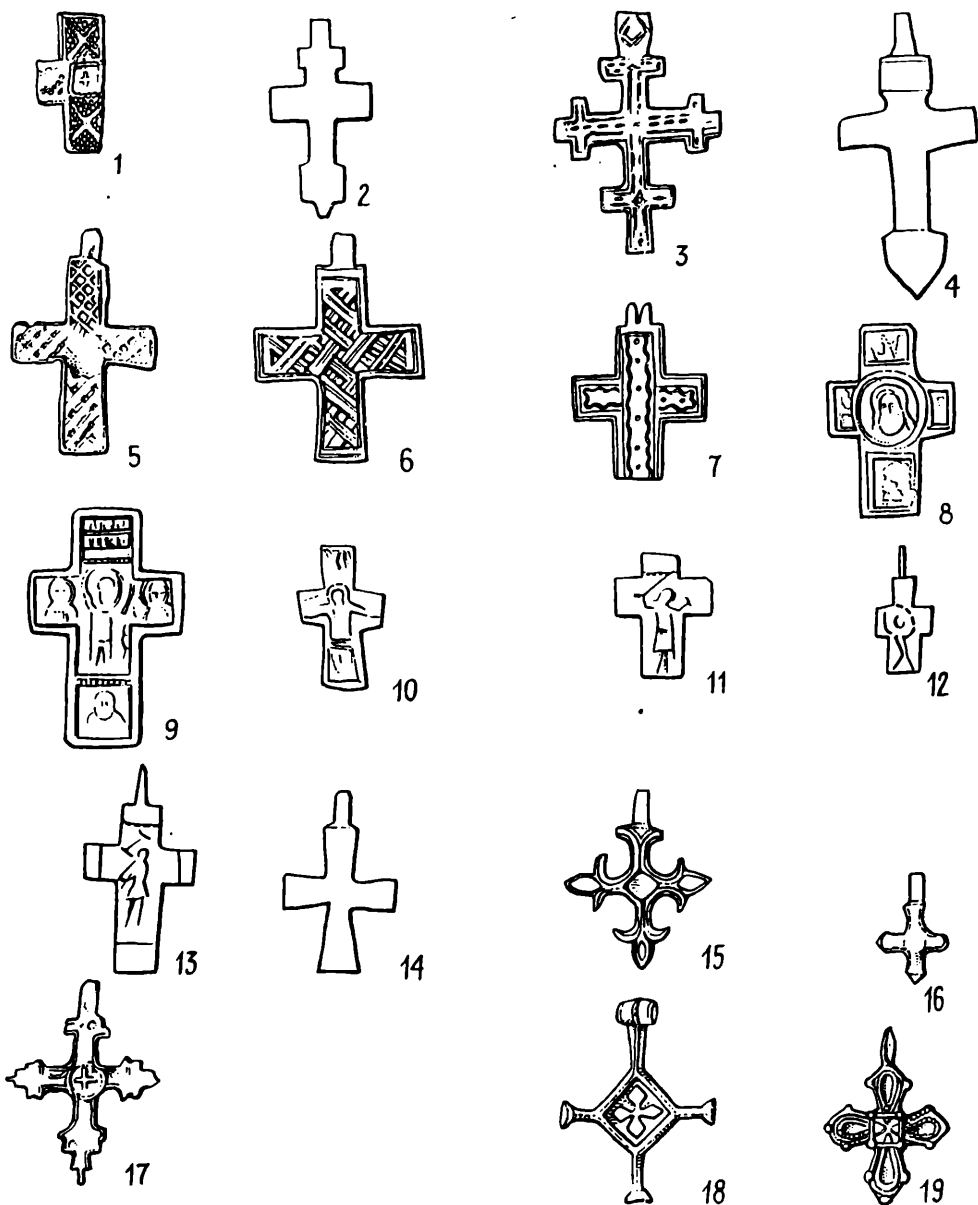

Рис. 1. Кресты различных типов (1—19)

ленной вехой в изучении литья была работа В.Н. Перетца о датировке древнерусского литья³, в которой рассмотрены два основных вопроса: библиография и методика датировок. Новой ступенью в изучении древнерусского ремесла явилась монография Б.А. Рыбакова "Ремесло Древней Руси"⁴, который обобщил все опубликованные ранее материалы и проанализировал многочисленные музейные коллекции. Это позволило разработать целый круг вопросов, таких, как, в частности, тема медного литья, методика выявления изделий одной мастерской и методики изучения сбыта по археологическим материалам.

Большое значение для исследования медной пластики имеет монографический труд Т.В. Николаевой, посвященный систематизации и изучению всего объема древнерусской мелкой пластики⁵.

Историография целого раздела мелкой пластики — медных литых тельников — носит своеобразный характер. С одной стороны, ни одна публикация музейных коллекций, особенно в XIX в., не обходилась без упоминаний небольших медных крестов. С другой стороны, специальных работ, посвященных публикациям коллекций медных тельников, очень немного. Особое место занимает в этом списке уже упомянутая статья Н.Ф. Романченко о старинном литье. Впервые в 1959 г. и позже, в 1981 г., появились публикации М.В. Седовой, посвященные новгородским ювелирным изделиям, в частности новгородским тельникам⁶. В 1974 г. вышла статья Л.В. Алексеена о белорусской литой пластике⁷. В 1978 г. были опубликованы М.Д. Полубояриновой медные кресты с территории Золотой Орды, где сложился своеобразный комплекс медного литья⁸. К 1971 г. относится статья автора о крестах и иконах из курганов Подмосковья⁹. Рязанское медное литье подробно охарактеризовано в статье В.П. Даркевича и В.Г. Пуцко¹⁰.

Цель настоящей работы — попытаться обобщить доступные сведения о медных тельниках второй половины XIII—XV вв. В основу деления крестов-тельников на типы взят как наиболее стабильный признак — форма средокрестия¹¹.

Источником для работы послужили изданные коллекции медного литья, публикации археологических материалов из городов Московской Руси, материалы фондов Государственного Исторического музея, Русского музея, Эрмитажа, Музея истории и реконструкции Москвы, музеев Суздаля и Н. Новгорода. В группу источников включено небольшое количество литейных форм, относящихся к XIV—XV вв.

Общее количество рассмотренных крестов не превышает 130.

Тип. 1. Кресты с прямым средокрестием.

Подтип 1. Крест-тельник с прямоугольными концами, орнаментом из ложной зерни в виде треугольников на лопастях креста (рис. 1, 1). Отлит из оловянисто-свинцового сплава в двусторонней форме, найден в Новгороде, длина 26 мм, датируется 40—60-ми годами XIV в.¹² Близкой аналогией новгородскому кресту являются очертания креста одной из серенских литейных форм¹³. Определенное сходство новгородский крест имеет с крестом-тельником из Старой Рязани, датируемым XIII в.¹⁴, и крестом, изображенным на литейной форме из Белоозера¹⁵.

Видимо, время бытования креста — XIII—XV вв. (рис. 2). Происхождение формы, возможно, связано с каменными крестиками-"корсунчиками", имеющими на концах орнаментированные золотые и серебряные обкладки. "Корсунчики" неоднократно встречены в слоях XIII в. на территории древнерусских городов¹⁶. Трудно определить степень популярности данного креста, так как, с одной стороны, это довольно редкая находка, с другой стороны, известные литейные формы свидетельствуют о реальности многократных отливок и к тому же происходят из городских слоев, где, безусловно, существовала широкая ремесленная база. Новгородская находка из слоя XIV в. является иллюстрацией известного мнения о сохранении ремесленных традиций, прерванных в Северо-Восточной Руси в середине XIII в.

Подтип 2. Крест-тельник восьмиконечный, бронзовый, Отлит в двусторонней литейной форме. Размеры 38—35 × 22—18 мм (рис. 1, 2).

На территории Великого Посада Москвы обнаружено два подобных креста, отличных в одной форме. Размеры их 35 × 18 мм. Оба найдены в 1949 г. на раскопках в Зарядье и стратиграфически датируются XIV в. (см. рис. 2).

Подобный же восьмиконечный крест плохой сохранности обнаружен в слое подмосковного городища Кунцево¹⁷. Похожий по очертаниям крест, но сделанный из серого мрамора, происходит из слоя кладбища XIII—XIV вв. в Гродно¹⁸. Интересно, что по форме и размерам рассматриваемая группа крестов очень напоминает восьмиконечный крест, помещенный в центре крестов-мошечников XIV в., связываемых Т.В. Николае-

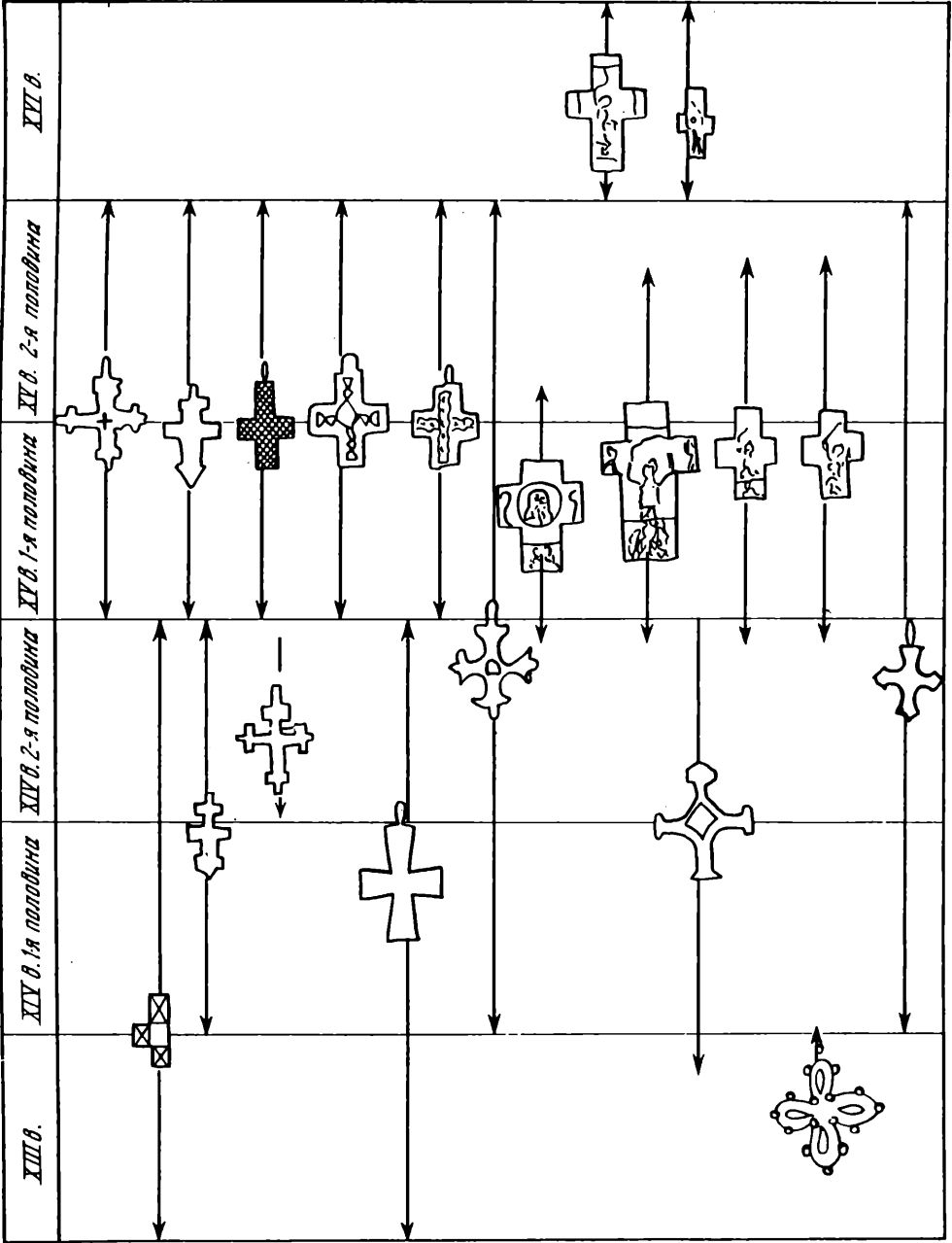

Рис. 2. Хронология крестов различных типов

вой с московскими великокняжескими мастерскими¹⁹. В основе пободного сходства, видимо, лежит своеобразная связь произведений прикладного искусства, предназначенных для класса феодалов, и изделий для простых горожан; связь, отражающая единство определенных творческих традиций.

Подтип 3. Крест-тельник 12-конечный, так как на концах перекладин креста помещены дополнительные перекрестья. Размеры креста 4,6 × 3,2 см (рис. 1, 3). Найден в Новгороде в слое 60—80-х годов XIV в. (см. рис. 2). Он литой, изготовлен в двусторонней форме из оловянисто-свинцовой бронзы. Лицевая сторона сплошь покрыта плоской плетенкой, на массивном ушке помещен крестик²⁰. Аналогичной формы крест-мошевик из коллекции Оружейной палаты относится также к XIV в.²¹

Подтип 4. Крест-тельник четырехконечный, с несколько расширенными верхним и нижним концами; нижний конец заострен, т.е. имеет так называемое килевидное окончание. На лицевой стороне креста изображен семиконечный крест с венком в средокрестье (рис. 1, 4).

Кресты этого подтипа представлены находками: тельник из коллекции старицкого медного литья, датируемый концом XIV — 80-ми годами XV в.²², и литейная форма, найденная в Новгороде в слое XV в., с очертаниями, видимо, такого же тельника. Размеры старицкого креста 46 × 23 мм, креста литейной формы — 35 × 26 мм.

Кресты-тельники и кресты-мошевики с острым или килевидным нижним концом существовали на Руси в разных материалах и разных размерах в XV—XVI вв.²³ Форма креста, представленная в данном случае лишь тельником и литейной формой, видимо, не являлась очень популярной, однако производилась минимум двумя твердыми литейными формами (Новгород и Тверь), рассчитанными на многократное употребление. Данная форма креста-тельника родственна также представленной единичными находками форме креста подтипа 2.

Подтип 5. Кресты-тельники четырехконечные, с прямоугольными концами лопастей, отлиты в трех двусторонних литейных формах. Лицевая поверхность крестов покрыта орнаментом из плетенки. О трех литейных формах говорят не только совпадения в деталях орнамента, но и три варианта размеров крестов. Каждому варианту соответствует один из трех орнаментов.

Два креста первого варианта (41 × 28 мм) найдены в Новгороде²⁴, несколько подобных крестов — в Старице²⁵, один крест — в Латвии²⁶. Орнамент, покрывающий поверхность крестов первого варианта, назван исследователями орнаментом из "четырёхременной плетенки" или "частой плетенки" (рис. 1, 5). В Новгороде кресты эти датируются началом или серединой XV в., в Старице — самым концом XIV — 80-ми годами XV в. (см. рис. 2).

Кресты второго варианта (38 × 29 мм), украшенные орнаментом из крупной плетенки четкого ритмичного шага (рис. 1, 6), найдены в Старице (количество неизвестно), где они датируются концом XIV — 80-ми годами XV в., и в слое XII—XV вв. Кунцевского городища под Москвой. Такой же крест есть в коллекции Исторического музея²⁷.

Кресты третьего варианта длиной 30 мм обнаружены в Твери. Лицевая поверхность их украшена "жгутообразным орнаментом" (рис. 1, 7)²⁸.

Таким образом, время производства крестов данного подтипа очень четко определяется небольшим периодом — от конца XIV до конца XV в. Только на территории Тверской земли найдены кресты всех трех вариантов, здесь же собрано их наибольшее количество. Вполне допустимо предположение о связи производства всех вариантов крестов прежде всего с Тверской землей.

Подтип 6. Крест бронзовый четырехконечный, с прямоугольными концами лопастей, отлит в двусторонней форме. На лицевой стороне в овальном медальоне помещено изображение нерукотворного Спаса с надписью над ним "IC" "XC". На боковых лопастях изображены двое предстоящих, на нижнем конце креста — Никола. На обороте — Архангел Михаил с мечом (рис. 1, 8).

Крест найден в Старице. Коллекция, в составе которой он находится, датируется концом XIV—80-ми годами XV в.²⁹ Размер креста 32 × 21 мм. В собрании Б.И. и В.Н. Ханенко был очень близкий по виду крест с незначительными различиями: на кресте, изданном в Киеве, нет овала вокруг изображения Спаса, размеры его 35 × 22 мм³⁰.

В 1957 г. на территории Зарядья в Москве в слое второй половины XIV в. найден небольшой фрагмент резного кипарисового креста (одна из боковых его лопастей). На лицевой стороне его — изображение Богородицы в традиционной позе деисусного чина. Сохранилась также часть рельефного овала средокрестия. Была у креста и резная оборотная сторона³¹. Все общее, что есть у этого резного фрагмента с медным крестом из Старицы, заставляет видеть в нем не просто аналогю, но и отражение одного из возможных прототипов медного старицкого креста.

Таким образом, археологические данные позволяют отнести крест к концу XIV — началу или первой половине XV в. (см. рис. 2).

На кресте помещено изображение Спаса, Николы и архангела Михаила. Подобное сочетание характерных для Твери местных чтимых святых, культ которых был установлен уже в XIII в.³², позволяет предположительно связать происхождение креста с Тверской землей. В истории прикладного искусства Твери особое место занимает время подъема художественной деятельности при князе Михаиле Александровиче, считавшем архангела Михаила своим личным покровителем³³.

Подтип 7. Медный крест-тельник с прямоугольным средокрестием и прямоугольными лопастями креста. На лицевой стороне средокрестия помещено изображение мученика Никиты, избивающего беса, — один из самых популярных в древнерусской пластике сюжетов. Семь крестов из 18 известных отлиты в односторонних формах и композиционно выполнены значительно проще остальных 11-ти. Последние отлиты в двусторонних формах, на нижней лопасти креста имеют изображение Николая Чудотворца с подписью "КО", на обороте — архангел Михаил, изображенный в рост, с поднятым мечом в правой руке.

Судя по совпадению отдельных деталей и по размерам крестов, вся группа отливалась в пяти литейных формах.

I форма: размеры 23 × 14 мм, двусторонняя. Найдены два экземпляра в Старице и Твери (рис. 1, 10)³⁴. По старицкому кресту форма датируется концом XIV — 80-ми годами XV в.,

II форма: размеры 39 × 25 мм, отлит в двусторонней форме. Найдены два экземпляра в Старице и Твери³⁵. По старицкому кресту форма датируется концом XIV — 80-ми годами XV в. (рис. 1, 9).

III форма: размеры 22 × 27 мм, двусторонняя. Известны два экземпляра, хранятся в ГИМе (один крест в отделе древнерусской археологии, другой — в отделе драгметаллов). По аналогии со старицким крестом может быть датирован XV в. (рис. 1, 11)³⁶.

IV форма: размеры 21 × 10 мм, односторонняя. Известны два экземпляра, один крест происходит из коллекции Шукина и находится в ГИМе (поступил из Киева). В 1978 г. подобный крест был найден у д. Чевкино, в 3 км от Старой Рязани, в размыве оврага. Авторы публикации рязанской коллекции медной пластики относят его предположительно к XVI в. (рис. 1, 12)³⁷.

V форма: размеры 34 × 19 мм, односторонняя. Три креста найдены в Суздале, где датируются, видимо, XVI в. (рис. 1, 13)³⁸.

Итак, общей датой бытования рассматриваемой формы креста является конец XIV—XVI в. (см. рис. 2). Территория, на которой найдены подобные кресты, в основном среднерусские княжества, а точнее — Тверская земля, Суздаль, Рязань.

Тип II. Кресты, средокрестия которых выполнены в виде острых углов. Крест-тельник, четырехконечный, с острыми углами средокрестия и слегка расширяющимися концами лопастей креста (рис. 1, 14).

В Новгороде, в слоях, датированных 60—80-ми годами XIV в., "найден бронзовый

крест со слегка расширяющимися концами. На лицевой стороне процарапаны буквы "IC", "XC", "НИКА"³⁹. Размеры креста 29 × 21 мм. В Подмосковье подобный крест впервые встречен в курганном комплексе второй половины XII в.⁴⁰ Крест аналогичной формы, но отлитый из серебра, обнаружен в Перемышле Московском. Дата слоя XII—XIII вв. Размеры креста 35 × 24 мм⁴¹. Четырехконечный крест-тельник со слегка расширяющимися концами, изготовленный из листовой меди, обнаружен в Дмитрове. Он находился в слое XIII—XIV вв.⁴²

Не будучи широко популярными, кресты этого типа бытуют довольно долго. Видимо, на XIII—XIV вв. приходится время их наибольшего распространения (см. рис. 2).

Тип III. Кресты с округлым средокрестием. Подтип 1. Кресты-тельники с трехлепестковыми кривовидными концами и ромбом в средокрестии (рис. 1, 15). Размеры крестов колеблются от 20 × 25 мм до 25 × 37 мм. Кресты отливались в двусторонних формах, часто встречаются среди русских древностей XII—XV вв., известны по киевским коллекциям⁴³, по материалам владимирских курганов⁴⁴, Серенска⁴⁵, Золотой Орды⁴⁶. Коллекция металлопластики из раскопок Старой Рязани содержит подобные кресты, датируемые XII — первой третью XIII в. Для территории Подмосковья эта форма креста в XII—XIII вв. являлась самой распространенной⁴⁷.

В слоях XIV—XV вв. кресты с кривовидными концами встречены в Суздале, Новгороде, Москве, Городце на Волге, Торжке, Старице⁴⁸. В Латвии в XIV—XV вв. известны подобные кресты как подражание распространенной форме русского креста⁴⁹. За большим диапазоном размеров крестов с кривовидными концами, за имеющимися мелкими различиями в оформлении отдельных экземпляров угадывается многообразие и многочисленность литейных форм, — все это говорит о развитии производства подобных крестов в XIV—XV вв. одновременно в нескольких русских городах (см. рис. 2).

Подтип 2. Крест четырехконечный, бронзовый, с массивным ушком и скошенными в виде треугольников концами лопастей. На лицевой стороне креста — два крестообразно расположенных желобка, видимо, иногда заполняющихся эмалью (рис. 1, 16). Среди крестов из Тверской земли есть находки, украшенные эмалью желтого цвета⁵⁰.

Всего известно около 20 подобных крестов. Один из таких крестов найден в Новгороде, в слое начала XIV в.⁵¹ Среди вещей Егорьевской коллекции из Рязани присутствует точная копия новгородских крестов, датируемая XIII в.⁵² Один экземпляр обнаружен в культурном слое Москвы и датируется последней четвертью XV в.⁵³ Основная масса крестов этого типа связана с Тверской землей. "В Описании Тверского музея" упомянуто восемь крестов из Торжка, Твери и Старицы. В Старице они датируются концом XIV — 80-ми годами. XV в.⁵⁴

Самая ранняя дата креста этого подтипа XIII в. (Рязань). Вся остальная масса крестов датируется XIV—XV вв.

Кресты из Новгорода, Москвы и Рязани совпадают в деталях очертаний и имеют одинаковые размеры — 22 × 14 мм. Есть кресты подобного размера и в Тверской земле. Однако в коллекциях из Торжка, Твери, Старицы подобные кресты имеют разные размеры⁵⁵.

Таким образом, именно в Тверской земле находки подобных крестов наиболее многочисленны и происходят из нескольких литейных форм, в то время как кресты, обнаруженные в сравнительно небольшом количестве в других городах, происходят из одной литейной формы. Можно полагать, что этот тип тельников обязан своим происхождением тверским ремесленникам. В другие города продукция попадала единицами, и, видимо, лишь из одной мастерской.

Подтип 3. Крест четырехконечный, средокрестие близко к овальному, на концах креста фигурные утолщения. В центре средокрестия и на концах лопастей изображены косые кресты (рис. 1, 17). Подобный крест найден в Новгороде в слое середины

XV в.⁵⁶ Длина креста 39 мм. Близкий по очертаниям крест, но с более выраженным овалом средокрестия и меньших размеров (27 × 20 мм) обнаружен в Старице и датируется общей датой коллекции старицкого медного литья концом XIV — 80-ми годами XV в.⁵⁷ Несколько напоминает новгородский и старицкий крест из одного подмосковного кургана, датированный второй половиной XII в.⁵⁸ Судя по двум упомянутым крестам, подобный тип тельников в XV в. производился, видимо, в небольших количествах в нескольких древнерусских городах, и прежде всего в Новгороде и Твери (см. рис. 2).

Тип IV. Четырехконечный крест с ромбом в средокрестии и круглыми утолщениями на концах лопастей креста (рис. 1, 18). В слоях домонгольского времени кресты встречены в Серенске и Ярополче⁵⁹. Они продолжают существовать в XIII и XIV в., однако все известные находки этого времени происходят из Новгорода. Так, крест размерами 37 × 30 мм обнаружен в Новгороде, в слое рубежа XIII и XIV в.⁶⁰ На Кировском раскопе, в слое XIV в. найдена каменная литейная формочка для производства подобных крестов⁶¹. Такой же крест обнаружен на Водянском городище на территории Золотой Орды (см. рис. 2)⁶².

Тип V. Крест с средокрестием, украшенным зернью (рис. 1, 19). Крест четырехконечный, с расширяющимися округлыми лопастями. На средокрестии — квадрат, углы которого украшены зернью. Зернь украшает и концы лопастей. Крест найден в Новгороде, в слое 60—80-х годов XIII в. Отлит в двусторонней форме. Размеры 33 × 22 мм.

Новгородский крест несколько родствен кресту-тельнику XII—XIII вв., украшенному тремя шариками зерни на концах лопастей и в средокрестии, который был распространен на территории Древней Руси (см. рис. 2)⁶³.

Судя по перечисленным примерам, в течение второй половины XIII—XV в. произошла своеобразная смена нескольких типов тельников. Однако самыми популярными неизменно оставались кресты с криновидными концами и небольшие крестики с концами в виде треугольников. Многообразие и сложность форм крестов XIII—XIV вв. сменились в XV в. относительной простотой форм и усложненностью изображений на плоскости креста (будь то орнамент или иконографический сюжет). Постепенно выделяется определенная доля имитации в деле производства тельников. Так, в XIII в. популярен крест, отлитый в имитационной форме и подражающий известному кресту-«корсунчику». Здесь не только совмещение нескольких технологических приемов обработки металла, но и сочетание двух материалов: камня и металла. Своеобразной имитацией в литье является изготовление крестов, подражавших резным изделиям из кости и дерева.

К особенностям производства крестов-тельников относится также и своеобразие новгородского литейного дела, сохранившего многие производственные традиции, утраченные в русских княжествах в середине XIII в. Из четырех домонгольских форм крестов, существовавших в XIV—XV вв., три формы встречены только в новгородских слоях этого времени.

¹ Ханенко Б.И., В.Н. Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1899. Вып. 1; 1900. Вып. 2.

² Романченко Н.Ф. Образцы старицкого медного литья // Материалы по русскому искусству. Л., 1928. Т. 1.

³ Перетц В.Н. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья // Изв. ГАИМК. Л., 1933. Вып. 73.

⁴ Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.

⁵ Николаева Т.В. Произведения мелкой пластики. Загорск, 1960.

⁶ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981.

⁷ Алексеев Л.В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (Кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3.

⁸ Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.

⁹ Бельская Д.А. Кресты и иконки из курганов Подмосквья // СА. 1976. № 4.

¹⁰ Даркевич В.П., Пуцко В.Г. Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970—1978 гг.) // СА. 1981. № 3.

¹¹ Подобный путь классификации использовал А.К. Жизневский при описании Тверского музея.

- 12 *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 54. Рис. 16, 17.
- 13 *Никольская Т.Н.* Древнерусский Серенск — город вятических ремесленников // КСИА. 1971. Вып. 125. Рис. 24, 7.
- 14 *Розенфельдт Р.Л.* Егорьевская коллекция рязанских вещей // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 185. Рис. 2, 17.
- 15 *Голубева Л.А.* Русь и славяне на Белом озере X—XIII вв. М., 1973. Рис. 50, 7.
- 16 *Ханенко Б.И., В.Н.* Древности русские. Рис. 170; *Монгайт А.Л.* Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966—1970 гг. // Археология Рязанской земли. М., 1974. С. 13. Рис. 5; *Шеляпина Н.С.* Археологические наблюдения в Московском Кремле в 1963—1965 гг. // Древности Московского Кремля. М., 1971. С. 121, 122. Рис. 5, 2, 3.
- 17 *Векслер А.Г.* Отчет о работах на Кунцевском городище // Архив ИА. Р. 1. № 4196.
- 18 *Воронин Н.Н.* Древнее Гродно // МИА. 1949. № 41. С. 181. Рис. 99.
- 19 *Николаева Т.В.* Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 140, 157—159. Рис. 45.
- 20 *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 55. Рис. 16, 16.
- 21 *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики. С. 22. Рис. 2, а.
- 22 *Романченко Н.Ф.* Образцы старицкого медного литья. Рис. 2, 16.
- 23 *Николаева Т.В.* Произведения мелкой пластики. С. 276. № 127; *Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Произведения средневековой металлопластики... С. 229. Рис. 3, 1.
- 24 *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 55. Рис. 16, 21.
- 25 *Романченко Н.В.* Образцы старицкого медного литья. С. 39. Рис. 2, 1.
- 26 *Музуревич Э.* Крестовидные подвески XI—XV вв. в Латвии // *Archeologija un etnogrāfija, Rīga*, 1974. XI. С. 237. Рис. 2, 35.
- 27 ГИМ. Отдел драг. металлов. № 2252.
- 28 Описание Тверского музея А.К. Жизневского, с примеч. А.С. Уварова. Археологический отдел. М., 1888. С. 72.
- 29 *Романченко Н.Ф.* Образцы старицкого медного литья. С. 38.
- 30 *Ханенко Б.И., В.Н.* Древности русские. Табл. X, 126.
- 31 ГИМ. Коллекция Московской экспедиции. МЗ-1957, уч. 5 "Б", № 396.
- 32 *Николаева Т.В.* Прикладное искусство... С. 87, 88.
- 33 Там же. С. 98.
- 34 *Романченко Н.В.* Образцы старицкого медного литья. Рис. 2, 11; Описание Тверского музея... С. 73.
- 35 *Романченко Н.Ф.* Образцы старицкого медного литья. Рис. 2, 10; Описание Тверского музея... С. 73.
- 36 ГИМ. Отдел драг. металлов. № 2135.
- 37 *Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Произведения средневековой металлопластики... С. 230.
- 38 ГИМ. Отдел древнерусской археологии. Раскопки 1939 г. Л.А. Голубевой: Оп. 473; Суздаль — 1976; р. III, № 117; Суздаль — 1979: р. VII, № 300.
- 39 *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 55. Рис. 16, 20.
- 40 *Беленькая Д.А.* Кресты и иконки... С. 93.
- 41 Архив ИА. Д. 1092.
- 42 *Никитин А.В.* К характеристике материалов раскопок в Дмитрове (1933—1934 гг.) // Древности Московского Кремля. С. 282.
- 43 *Ханенко Б.И., В.Н.* Древности русские. № 202.
- 44 *Спицын А.А.* Владимирские курганы // ИАК. 1905. Вып. 15, № 225.
- 45 *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. М., 1981. С. 236. Рис. 89, 5.
- 46 *Полубояринова М.Д.* Русские люди... С. 81. Рис. 17, 4, 6.
- 47 *Беленькая Д.А.* Кресты и иконки... С. 92.
- 48 Суздаль: коллекция находок 1979 г. (р VII, № 299); *Романченко Н.Ф.* Образцы старицкого медного литья. Рис. 2, 3, 4; *Даркевич В.П., Пуцко В.Г.* Произведения средневековой металлопластики... С. 239.
- 50 *Романченко Н.Ф.* Образцы старицкого медного литья. Рис. 2, 8.
- 51 *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 54. Рис. 16, 2.
- 52 *Розенфельдт Р.Л.* Егоровская коллекция... С. 185. Рис. 2, 41.
- 53 *Беленькая Д.А.* Остатки металлургического производства в Белом городе (Москва) // КСИА. 1967. Вып. 110. С. 120.
- 54 Описание Тверского музея... С. 74.
- 55 *Романченко Н.Ф.* Образцы старицкого медного литья. С. 39.
- 56 *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 55. Рис. 17, 7.
- 57 *Романченко Н.Ф.* Образцы старицкого медного литья. Рис. 2, 6.
- 58 *Беленькая Д.А.* Кресты и иконки... С. 89.
- 59 *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. С. 237. Рис. 89, 3; *Седова М.В.* Ярополч Залесский. М., 1978. С. 119. Рис. 12, 5.
- 60 *Седова М.В.* Ювелирные изделия... С. 54. Рис. 16.
- 61 *Колчин Б.А., Рыбина Е.А.* Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. М., 1982. С. 220. Рис. 34, 2.
- 62 *Полубояринова М.Д.* Русские люди... С. 81. Рис. 17, 2.
- 63 *Зверуго Я.Г.* Древний Волковьск X—XIV вв. Минск, 1975. № 14; *Загорюльский Э.М.* Возникновение Минска. Минск, 1982. С. 225. Табл. XVII, 12; *Голубева Л.А.* Археологические памятники веси на Белом озере // СА. 1962. № 3. Рис. 18; *Никольская Т.Н.* Земля вятичей. С. 90. Рис. 49, 6, 9; *Нефедов Ф.Я.* Раскопки курганов в Костромской губернии // МАВГР. 1899. Табл. 6, 4.

ИЗУЧЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАХОТНЫХ ГОРИЗОНТОВ В МОСКВЕ И ПОДМОСКОВЬЕ

Земледелие являлось главным направлением хозяйственной деятельности населения Подмоскovie с железного века (по крайней мере с его позднего этапа)¹. До сих пор для изучения земледелия на данной территории привлекались или чисто археологические данные или биоархеологические — карпологические, палинологические². Задача настоящей работы — акцентировать внимание на возможности почвоведения совместно с археологией добывать материалы, характеризующие этот важнейший вид деятельности средневекового населения.

Работа по почвенно-археологической программе, нацеленной на изучение следов древнего земледелия в Подмоскovie, проводилась на ряде участков, расположенных от р. Протвы на юге до Радонежа на севере (рис. 1). Наиболее информативными оказались ключевые участки в районе курганной группы у с. Стрелково (р. Пахра), в долине р. Язвенки (Царицыно, Москва), в историческом центре Москвы, урочище Могилыцы близ Радонежа.

На исследуемой территории наиболее доступными для изучения почвенно-археологическим методом оказались следующие виды пахотных и агрогенных горизонтов.

1) пахотные горизонты, погребенные под различными насыпями (валы городищ, курганы, отвалы межевых ям и пр.);

2) пахотные горизонты, перекрытые агрогенно-делювиальными отложениями или культурным слоем;

3) отложения агрогенно-делювиального происхождения, накопление которых происходило в нижней части пологих склонов из-за эрозии почв, вызванной распашкой;

4) напашки по границам полей (обычно в прибрежной части террас и оврагов), образовавшиеся за счет отваливания земли плугом в одну сторону (обычно вниз по склону) и за счет накопления на этой искусственной границе смытого материала.

Изучение вышеперечисленных горизонтов и отложений может иметь существенное значение для решения многих проблем, связанных с реконструкцией хозяйственной деятельности в прошлом. Перечислим лишь некоторые из них: локализация древних полей, определение их места в системе пространственных связей между основными жизнеопределяющими функциональными зонами исторического ландшафта (поселе-

Рис. 1. Ключевые участки почвенно-археологических исследований

1 — городище Луковня 2; 2 — курганы у с. Кривское; 3 — курганы у с. Стрелково; 4 — Царицыно, долина р. Язвенка; 5 — Казанский собор; 6 — Разинский спуск; 7 — Радонеж, Могилыцы, 8 — заповедник "Коломенское"; 9 — с. Уваровское

ния, хозяйственные угодья, могильники); изучение динамики земледельческой активности по оценке мощности агрогенно-делювиальных отложений и другим признакам; выяснение некоторых технических характеристик древнего земледелия — глубина вспашки, вид орудия (по следу в почве), характер заложения борозд.

Диагностика и характерные признаки древних пахотных и других агрогенных горизонтов

В Подмосковье и вообще во всех земледельческих районах лесной зоны, где распашка подвергалась дерново-подзолистые, подзолистые, светло-серые лесные и другие почвы с маломощным гумусовым горизонтом, пахотные горизонты выражены отчетливо. Они резко ограничены от нижележащих осветленных подзолистых элювиальных горизонтов. По сохранности и информативности выделяются погребенные пахотные горизонты. На поверхности признаки древней распашки в большинстве случаев не сохраняются, иногда лишь прослеживаются относительно молодые (обычно не древнее XVI—XIX вв.) старопашотные горизонты.

Древние погребенные пахотные горизонты по многим признакам сходны с современными, но отличаются малой мощностью а также наличием ряда признаков диагенеза (постгенетического преобразования): переоstructuring, уплотнение, вторичные турбации, которые в большинстве случаев выражены слабо и существенно не меняют их облика.

Профиль исходных дерново-подзолистых почв, наиболее распространенных в районе Москвы и Подмосковья, которые сформировались под лесной растительностью, представлен следующими горизонтами (сверху вниз): гумусовым — A1, мощностью в среднем 5—7 см; подзолистым — A2, 15—20 см; переходным — A2B, 10—15 см; текстурным (иллювиальным) — B, более 1—1,5 м. Переходы от одного горизонта к другому постепенные (рис. 2), гумусовый горизонт в нижней части постепенно светлеет. В результате распашки поверхностный горизонт A1, серого или темно-серого цвета, перемешивается с верхней частью белесого горизонта A2. Возникает пахотный горизонт A1пах или A1A2пах серого цвета, мощностью 7—20 см. Особенности пахотного горизонта: гомогенность, отсутствие структуры, равномерная гумусовая прокраска сверху донизу и главное — резкая нижняя граница, отделяющая его от белесого подзолистого горизонта. После погребения в результате диагенеза пахотные горизонты становятся несколько светлее, приобретают палевый оттенок, слабо уплотняются, но их отличия от гумусовых горизонтов непахотных почв сохраняются.

В качестве примера приведем описание профиля пахотной дерново-подзолистой почвы, погребенной под насыпью одного из Стрелковских курганов XII в.

A1пах	0—8(10) см (от поверхности погребенной почвы). Серый с белесым оттенком легкий суглинок, плитчато-комковатый (слабо оструктуренный), уплотненный. Встречаются корни современных растений. Переход резкий.
A2B	8(10)—15(22) см. Белесые клиновидные легкосуглинистые и бурые, в виде останцов тяжелосуглинистые зоны плитчатой и ореховатой структуры. Уплотнен. Встречаются корни и мелкие (1—2 мм) железо-марганцевые конкреции. Переход постепенный.
B1t	15(22)—45 см. Бурый тяжелый суглинок, ореховато-призматический, уплотнен, встречаются мелкие Fe—Mn конкреции; на поверхности педов (структурных отдельностей) глинистые кутаны (натёки). Имеются вертикальные трещины с белесым легкосуглинистым заполнением. Переход постепенный.
B2tg	45—90 см. Бурый ореховато-призматический тяжелый суглинок, плотный, на педях глинистые и Fe—Mn кутаны.

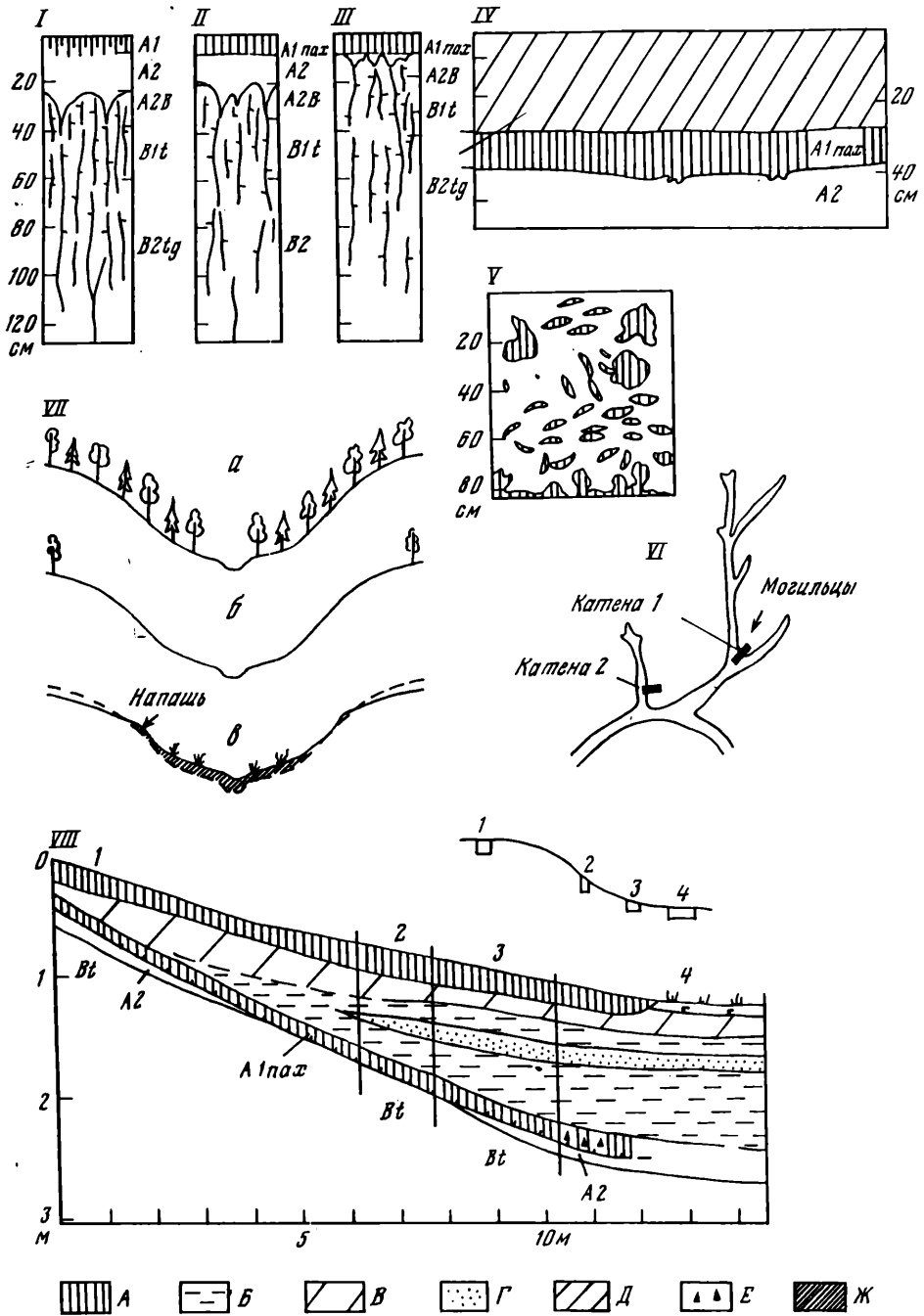

Рис. 2. Почвенно-археологические разрезы

I — типичный фоновый профиль дерново-подзолистой почвы; II — профиль погребенной почвы с пахотным горизонтом под курганом в группе "Дубки", Царицыно; III — профиль погребенной почвы с пахотным горизонтом под курганом 5 в группе у с. Стрелково; IV — профиль основания культурного слоя и пахотного (огородного) горизонта под Казанским собором в Москве; V — следы лопат в осьювании пахотного горизонта под Казанским собором; VI — схема расположения разрезов в Могилецком овраге близ Радонежа; VII — реконструкция профиля балки в районе Катены 2 в Могилецком овраге (а — доантропогенный этап; б —

Верхняя часть профиля погребенной почвы (горизонты A1+A2) укорочена на 10—20 см. Вероятно, это связано со смывом в результате древней распашки. Об этом также свидетельствует меняющаяся мощность верхних горизонтов: местами горизонт A2 полностью смыт (спахан), местами сохранилась его нижняя часть. Подобные изменения мощности верхних горизонтов характерны для современных пахотных почв и происходят в результате переноса материала пахотного горизонта с повышений в понижения микрорельефа при распашке. Таким образом, по данным изучения почв, погребенных под Стрелковскими курганами, выявлены признаки древнего пашенного смыва с пологого склона, на котором расположены курганы, а также локального смыва в микропонижениях. Достаточно сильное развитие данных процессов в период до сооружения курганов указывает на значительную длительность существования пашни. Можно полагать, что Стрелковские курганы возникли на заброшенном поле, почвы которого потеряли плодородие в результате смыва. Судя по наличию в пахотном горизонте мелкофрагментированной позднедьяковской керамики, распашка участка началась еще в I тысячелетии н.э.

Диагностическим признаком смыва является также бурая окраска пахотного горизонта, возникающая при припахивании материала горизонта Bt.

В нижних частях склонов и в понижениях микрорельефа нередко встречаются намытые почвы. Они имеют хорошо сохранившиеся подпахотные горизонты A2—Bt и увеличенную мощность верхнего намытого слоя. Примером могут служить почвы под агрогенными делювиальными отложениями, залегающими в ложбине с пологими склонами в верховьях Голосового оврага в Коломенском (Москва). Профиль намытой почвы представлен следующими горизонтами: сверху залегают мощный горизонт A1пах — современный огородный (0—30 см), представленный темно-серо-бурым суглинком. Ниже до глубины 55—60 см лежит более светлый гомогенный серовато-светло-бурый суглинок — агрогенный нанос. Еще ниже залегают дерново-подзолистая почва, имеющая хорошо развитые горизонты A2—Bt. Гумусовый горизонт погребенной почвы не отличается от делювия, который по мере накопления проходил этап распашки.

Погребенные пахотные горизонты обычно имеют хорошо выраженную нижнюю границу и плохо выраженную верхнюю. Это связано с тем, что делювиальные агрогенные отложения представлены смытым материалом аналогичных пахотных горизонтов. Курганные насыпи, особенно их нижние слои, часто сложены из пахотного горизонта, тогда как в верхней части насыпи лежит материал более глубоких горизонтов A2—Bt, взятый из выемки. Подобный перевернутый почвенный профиль иногда прослеживается и в толще агрогенного делювия. Это зависит от того, на какую глубину смыты почвы, расположенные выше по склону.

Под напашами верхняя граница погребенного пахотного горизонта обычно не видна. Под культурным слоем она в некоторых случаях выражена отчетливо, хотя и менее четко, чем его нижняя граница.

Морфологическая выраженность верхней границы погребенных подкурганых пахотных горизонтов зависит и от мощности перекрывающей насыпи, так как основными диагенетическими процессами являются почвенные, наиболее интенсивно протекающие в верхней (50—70 см) толще почвенного профиля, формирующегося на поверхности кургана. В качестве примера приведем результаты исследования почв, погребенных под курганом в могильнике "Дубки" XII—XIII вв. в Царицыно.

← —————
склоны и днище распаханы в XIV—XV вв.; в — современное состояние); VIII — катена 1 в Могилецком овраге;

A — пахотный горизонт; B, Ж — делювиальные отложения (смыв со склона); B — делювиальные отложения с включением угольничков и пещины из культурного слоя; Г — опесчаненные прудовые отложения; Д — культурный слой; E — включения керамики

Под остатками центральной бровки вскрыт профиль пахотной дерново-подзолистой почвы. Исходная мощность кургана в его центральной части составляла более 1 м. Здесь хорошо сохранилась нижняя граница пахотного горизонта. Переход от пахотного горизонта к подпахотному А2 очень резкий, менее 1 мм. Лишь местами отмечаются нарушения этой границы в виде вертикально вытянутых пятен, представляющих собой заполнения ходов червей и корней, по которым гумусированный материал проникает вниз, а безгумусовый материал из подпахотных горизонтов — вверх в горизонт А1пах. Верхняя граница пахотного горизонта в центральной части кургана не видна. Насыпь имеет слоистое строение. Ее ядро состоит из материала пахотного горизонта. Ближе к краям насыпи он становится тоньше и исчезает. Здесь на поверхности погребенной почвы лежит материал более светлой окраски, представленный смесью горизонтов А1пах, А2 и А2В. Поэтому положение верхней границы погребенного пахотного горизонта становится заметным. Однако мощность курганной насыпи убывает и поэтому усиливается проработка погребенной почвы почвообразовательными процессами. Нижняя граница погребенного пахотного горизонта значительно сильнее турбирована — больше средних и крупных ходов корней и червей, а на сохранившихся участках переход составляет 2—3 мм. Такая размытость границы связана с действием тонких корней и почвенной мезофауны (клещи, ногохвостки, коллемболы).

Еще сильнее турбирована нижняя граница пахотного горизонта, обнаруженного между курганами на останце исходной поверхности, сохранившейся между курганными ровиками. Переход от старопахотного горизонта к подзолисту составляет около 1 см, еще больше ходов червей и корней.

Деятельность почвенной фауны, в основном дождевых червей здесь на дневной поверхности проявляется также в виде процесса направленной зоотурбации. Установлено, что ежегодно черви выбрасывают на поверхность почвы значительное количество копролитов (мелкозем почвы, пропущенный через их кишечник). В результате этого древняя дневная поверхность оказывается погребенной под копрогенным слоем почвы, порой достигающим значительной мощности³. В связи с этим мощность старопахотных горизонтов, лежащих на дневной поверхности, также увеличивается. Так, мощность старопахотного горизонта на останцах между курганами могильника "Дубки" увеличилась до 13 см.

Следует отметить, что верхние горизонты погребенных почв испытывают некоторое уплотнение под давлением насыпи. Однако исследование объемной плотности с помощью бурика Качинского показали, что увеличение плотности верхних горизонтов не превышает 10—20%. Поэтому уменьшение мощности исходного горизонта А1пах в результате уплотнения под насыпью обычно составляет не более 2 см.

Одним из ярких диагностических признаков пахотных горизонтов является наличие борозд и других следов сельскохозяйственных орудий по нижней границе горизонта А1пах. В литературе имеются сведения о древних следах пахотных орудий, сохранившихся под курганами бронзового века⁴. В исследованных нами объектах следы сельскохозяйственных орудий были зафиксированы в погребенном пахотном горизонте под Стрелковскими курганами и в огородном горизонте, обнаруженном под 2-метровым культурным слоем при раскопках Казанского собора в Москве.

Погребенные пахотные горизонты: некоторые особенности средневековой техники земледелия, локализация полей

Рассмотрим материалы в хронологическом порядке. Информация о пахотных горизонтах, датирующихся временем, предшествующим славянской колонизации Подмосковья, очень скудна. В нашем распоряжении имеются данные лишь по двум разрезам: погребенные пахотные горизонты были обнаружены под внутренним валом городища Луковня 2 на р. Пахре близ г. Подольска и под одиночными, возможно,

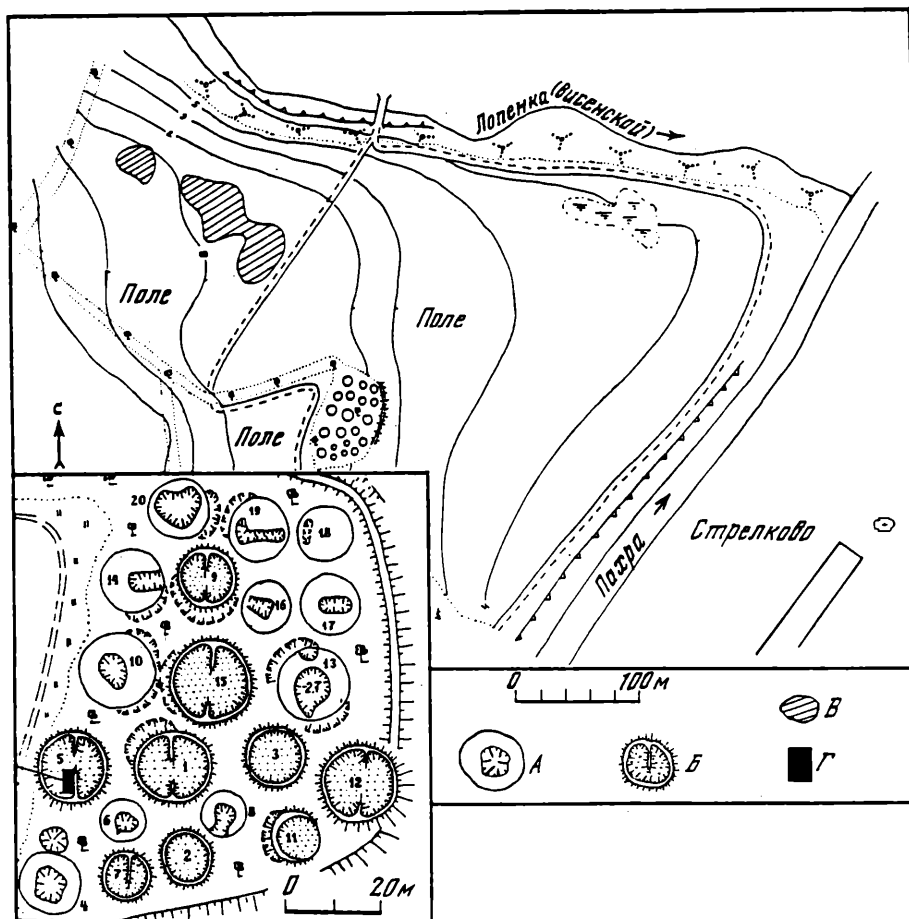

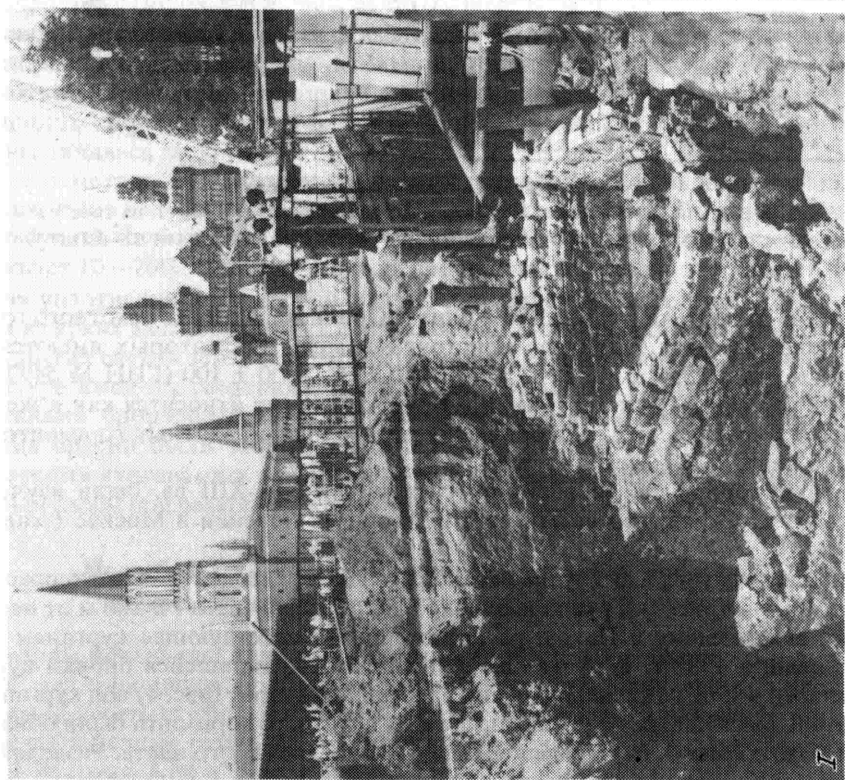
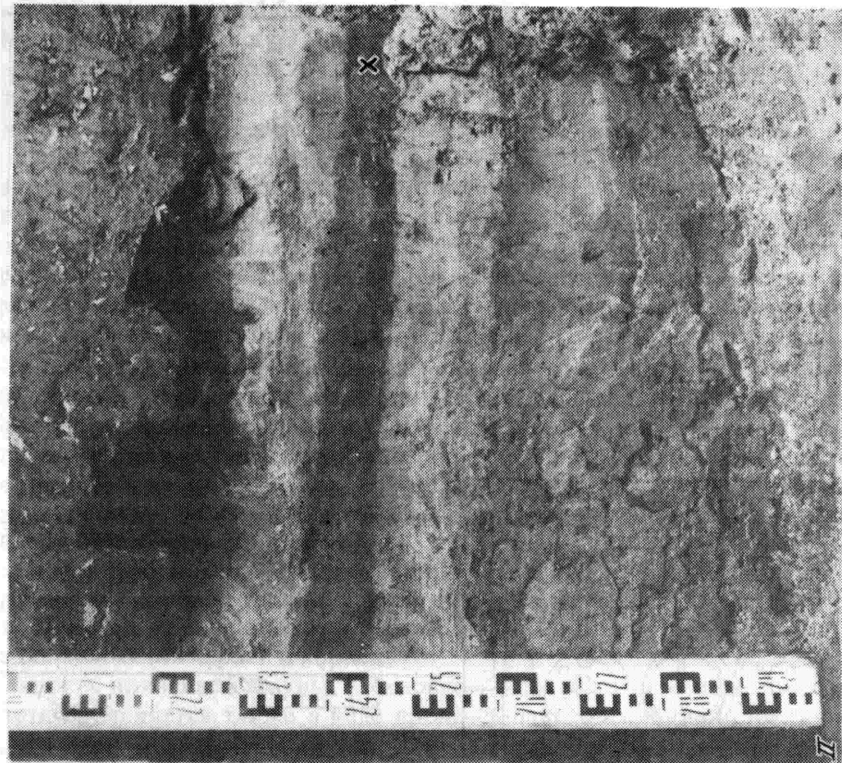
Рис. 3. Курганы и селище близ с. Стрелково

А — курганы, раскопанные колодезём; Б — курганы, раскопанные в 1967 г. "на снос"; В — темноокрашенный культурный слой; Г — раскоп 1988 г., где был выявлен пахотный горизонт

мощными курганами у с. Кривское близ г. Обнинска. Возраст пахотного горизонта на городище Луковня 2 древнее конструкций вала, для которых имеются радиоуглеродные даты 2350 ± 80 , 2240 ± 50 , 2240 ± 80 , 2000 ± 100 (ГИН № 5447—5450). Пахотные горизонты под курганами в Кривском могут относиться как к железному веку, так и к средневековью, в обоих случаях толщина пахотных горизонтов составила всего лишь 7—8 см (см. таблицу).

Пахотные горизонты древнерусского времени XI—XIII вв. были изучены под курганами у с. Стрелково на Пахре и в долине р. Язвенки в Москве (усадьба Царицыно).

Стрелковская курганная группа расположена на невысокой (6—7 м) террасе левого берега р. Пахры (рис. 3). Группа неоднократно обследовалась⁵. В 100 м от нее, ближе к ручью, впадающему в Пахру, расположено соответствующее курганам селище. Проведенные в 1988 г. вертикальные зачистки сохранившейся бровки кургана 5, раскопанного в 1967 г., выявили четкий пахотный горизонт (рис. 4) под курганом. При горизонтальной зачистке на уровне основания пахотного горизонта были обнаружены и следы борозд (рис. 4, III) в виде параллельных полос серого цвета. Разделяющие их полосы белесого цвета означают повышения между бороздами. Борозды сохранились

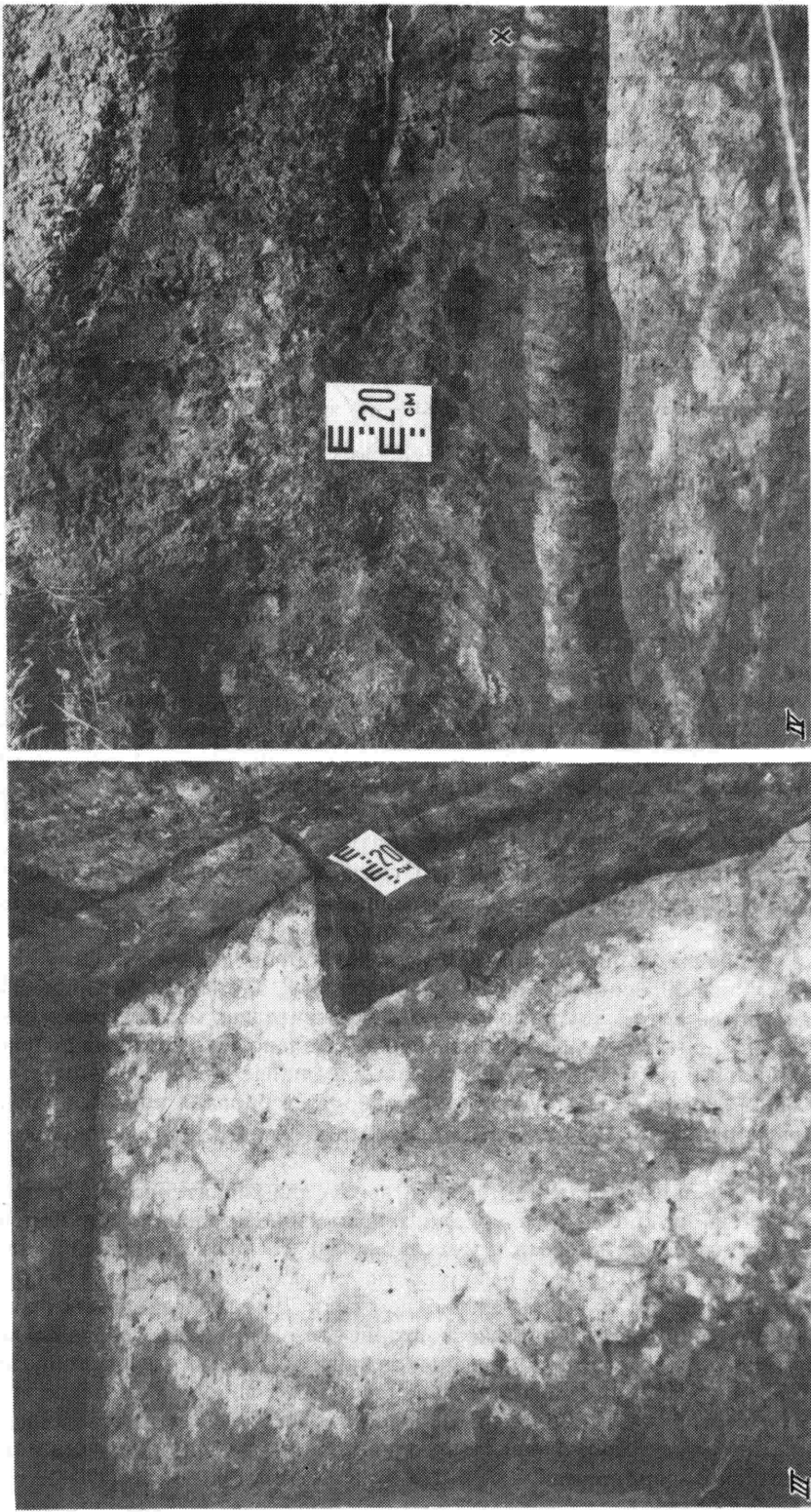

Рис. 4. Древние пахотные горизонты, зафиксированные археологически

I — раскол на Красной площади, где под слоем XIII—XIV вв. был обнаружен пахотный горизонт, на переднем плане остатки раската 1636 г.; *II* — пахотный горизонт (на фото помечено крестиком) древнее XIII в. на Красной площади; *III* — следы борозд в погребенном пахотном горизонте под курганом 5 XII в. у с. Стрелково; *IV* — профиль пахотного горизонта под курганом у с. Стрелково

Таблица

**Мощность пахотных горизонтов, погребенных под древними насыпями
и отложениями (дерново-подзолистые почвы на суглинках)**

№	Название объекта	Мощность (см)	Возраст	Примечания
1	Луковня 2, вал городища	8	V в. до н.э.	
2	Кривское, курганы дославянские	7—8	Конец I тыс. н.э. (?)	
3	Стрелково, курганы древнерусские	8	XII—XIII вв.	По нижней границе Апах следы борозд
4	Царицыно, курганы древнерусские	8	XII—XIII вв.	
5	Москва, Казанский собор, под культ. слоем 2 м	12	До XIV в.	По нижней границе Апах следы лопаты
6	Москва, Разиинский спуск, под культ. слоем 2,5 м	10	До XIII—XIV вв.	
7	Радонеж, под агрогенным делювием	10	XIII—XIV вв.	
8	Дьяково, Москва, под прудовым валом	25—30	XVII—XVIII вв.	Царские сады, сильно окультуренная почва
9	Уварово (близ Обнинска), под парковым курганом	17	XVIII—XIX вв.	Парковый курган на господской вспашке
10	Москва, ул. Островского, под культ. слоем 1,5 м	11	XIV—XV вв.	

только под центральной частью кургана. Ближе к его краю (передний план на рис. 4, III) они исчезают, так как мощность насыпи здесь невелика (менее 50 см) и интенсивно протекают почвообразовательные процессы. Видны трещины усыхания, заполненные гумусированным материалом, которые образуют в плане полигональную сеть. Переоформление и вымывание гумусированного материала из насыпи по трещинам и порам приводят к формированию на месте погребенных горизонтов А1пах и А2 современного горизонта В1t. Исследования в Стрелкове позволили получить информацию по целому ряду параметров: глубина вспашки — 8 см, расстояние между осями борозд 25 см, ширина борозд — 10—12 см. Борозды имели плоское дно. Последние два параметра важны для выяснения типа и размера пахотного орудия.

В долине р. Язвенка, особенно на ее левом берегу, элементы исторического ландшафта домонгольского времени сохранились в удивительно малопотревоженном виде. Всего здесь на протяжении 2 км долины было выявлено пять поселений и девять курганных групп этого времени (рис. 5). Разрезы, сделанные в поврежденных полях насыпей курганов (группы 2, 3, 7, 8), и в особенности в бровках курганов группы "Дубки" (8), раскопанных в 1944 г. А.В. Арциховским⁶, позволили зафиксировать пахотные горизонты мощностью 8 см.

Ситуация, прослеженная в долине Язвенки, важна для характеристики топографической приуроченности полей древнерусского времени и выяснения их пространственного соотношения с поселениями и могильниками. На рис. 5, III представлена обобщенная картина: поля, по всей вероятности, тянулись от поселений вверх по склонам, достигая отметок 25—30 м над уровнем реки. До водораздельных вершин поля, видимо, не доходили. Закономерно повторяемое расстояние в 200—300 м от курганных могильников до поселений, расположенных обычно на низких террасах у самой воды, и планиграфическое их соотношение, а также наличие пашни под всеми исследованными курганами, позволяет предположить, что курганы насыпались на дальнем (если смотреть от поселения) краю пашни, оконтуривали наиболее интенсивно эксплуатируемую территорию.

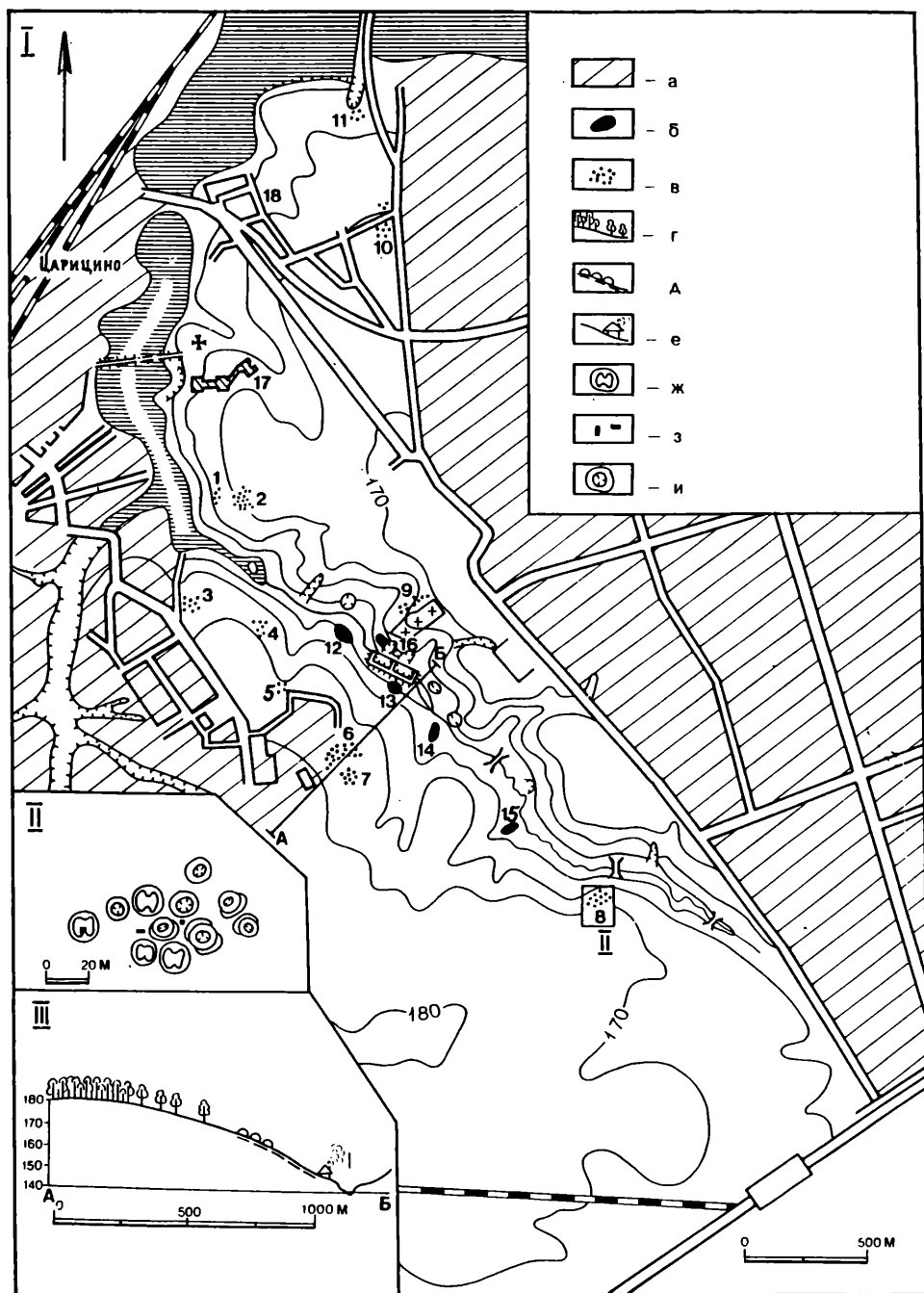

Рис. 5. Древнерусские поселения и могильники в долине р. Язвепка (Москва)

I — расположение поселений и могильников; *II* — план группы 8 "Дубки"; *III* — реконструкция профиля ландшафта древнерусского времени

а — городская застройка; *б* — древнерусские поселения; *в* — группы курганов; *г* — лес; *д* — поля и курганы; *е* — поселение; *ж* — курганы, раскопанные "на снос" в 1944 г.; *з* — почвенные шурфы 1989 г.; *и* — ограбленные курганы

1-8 — существующие курганные группы; *9-11* — уничтоженные курганные группы; *12-16* — поселения XI—XIII вв.; *17* — царыцинский дворец XVIII в.; *18* — место шурфа в овраге "Малый"

Как показали раскопки на Красной площади в 1989 г., древнерусские старопашотные горизонты могут быть зафиксированы не только в сельских, но и в городских условиях. В строительном котловане при выходе Ильинской ул. на Красную площадь, под культурным слоем в 2,5 м, нижний горизонт которого датируется по керамике XIII—XIV вв., был прослежен горизонт, по многим признакам сходный с погребенными пашотными горизонтами под курганами XII в. Толщина этого горизонта равнялась 8—10 см, он имел характерную для пашотных горизонтов ровную нижнюю границу (рис. 4). Палинологический анализ образцов из этого горизонта, проведенный В.С. Гуновой (географический ф-т МГУ), показал наличие в нем пыльцы культурных злаков и сопутствующих им сорняков (васильки), хотя необходимо отметить, что пыльца культурных злаков, правда, в меньших количествах присутствовала и в вышележащем культурном слое.

Огородный слой, погребенный под культурными напластованиями XIV—XX вв., был выявлен при раскопках Казанского собора, располагавшегося на пересечении Никольской ул. с Красной площадью. Этот горизонт имел мощность 12 см, нижняя его граница местами резкая, местами нарушенная. При горизонтальной зачистке выявились следы мотыги или лопаты (рис. 2, V). Они имели форму упорядоченно расположенных чечевице- и серпообразных пятен длиной 10—15 см, представляющих собой углубления, оставленные заостренным концом орудия, заполненные материалом пахотного горизонта. На площади около 0,5 м² насчитано более 25 таких пятен.

Наибольшая информация о полях XIV—XV вв. собрана в окрестностях Радонежа — регионе, который был выбран для исследования в силу его уникальной историко-археологической изученности¹. На мысу между двух оврагов, в 1,5 км к востоку от Радонежа, на высоте 4—7 м над поймой при археологических разведках, проведенных С.З. Черновым, было обнаружено селище (д. Могилки письменных источников), функционировавшее во второй половине XIII—XIV и в XVI в. Почвенные разрезы были заложены на склонах мыса, занятого селищем и в соседних балках (подробному описанию этих разрезов посвящена специальная работа⁸). В результате выяснено, что на склонах оврагов и балок под агрогенным делювием залегали пахотные горизонты, датирующиеся по найденным в них фрагментам керамики XIII—XIV вв. Толщина погребенной пашни равнялась 10 см. Важная информация была получена относительно расположения полей. Оказалось, что если поля XIX—XX вв. обычно ограничивались прирочной частью балок (здесь сохранились напаша), то более древние поля XIII—XIV вв. спускались вниз по склону, почти достигая русла ручья, днища балки.

Таким образом, суммируя данные по средневековым пахотным горизонтам XI—XIV вв., можно отметить, что все они имели приблизительно одинаковую мощность 8—10 см, что в два—три раза меньше, чем глубина современной вспашки. Поля, видимо, вплотную примыкали к поселениям, причем даже город, по крайней мере на ранней стадии его развития, также граничил с полем.

Распахивались в основном суглинистые почвы водораздельных склонов и террас, крутизна склона была в меньшей степени лимитирующим фактором, чем в последующее время. Видимо, средневековое население стремилось к получению максимального экономического эффекта за счет как можно более полной распашки ограниченных территорий, что, в частности, обусловило значительное развитие эрозионных процессов.

Агрогенно-делювиальные отложения:

интенсивность хозяйственной деятельности и эрозионные процессы

Как уже отмечалось, агрогенно-делювиальные отложения на склонах и у бровок оврагов могут служить индикаторами интенсивности хозяйственной деятельности. Однако необходимо учитывать, что провести корректное сравнительное сопоставление разных разрезов очень трудно. Дело в том, что мощность делювия зависит

от многих факторов: крутизны склона и его микрорельефа, литологического состава верхних почвенных горизонтов, направления борозд на пашне и др. Несмотря на то, что учет всех вышеперечисленных факторов сложен, это не исключает возможности изучения интенсивности сельскохозяйственной активности по каждому отдельно взятому разрезу, если напластования содержат датирующий материал.

Разрез в Могилецком овраге близ Радонежа, на вершине которого располагалась в XVI в. д. Могилки, представляется в этом отношении особенно интересным. Могилецкий овраг в XVI в. был перегорожен плотиной, и здесь до начала XVII в. существовал пруд, отложения которого, хорошо видные в разрезе (см. рис. 2, VIII), и позволили выделить в делювиальной толще две части отложения: XIII—XV вв. и XVII—XX вв. Сравнение этих горизонтов по толщине указывает на то, что интенсивность эрозионных процессов на данном участке в XIII—XV вв. была не ниже, а возможно, даже несколько выше, чем в последующее время.

Некоторые представления о скорости агрогенной эрозии были получены при исследовании в с. Дьяково (заповедник "Коломенское", Москва). Здесь в ложбине, в верховьях Голосова оврага были зафиксированы делювиальные отложения мощностью 55 см. Исходя из того, что в основании отложений была найдена керамика XVII в., можно предположить, что указанные 55 см накопились примерно за 300 лет.

Два разреза для изучения делювиальных накоплений на бровках берегов оврагов были сделаны в Царицино: один — с правого борта оврага "Малый", в верховьях которого располагалась курганная группа № 10, другой — на левом берегу речки Язвенки, в 200 м выше по течению курганной группы № 8. К сожалению, в обоих случаях не было возможности точно датировать и хронологически дифференцировать напластования, но есть существенные основания предполагать, что они образовались в результате многовековой распашки, начало которой было положено в XII в., длившейся с перерывами до XX в. Зафиксированная мощность делювия равнялась 60—80 см. Верхние 30 см содержали керамику XVIII—XIX вв. Вероятно, нижние 30—50 см отложились за период средневековья. Это предположение хорошо коррелирует с наблюдениями, сделанными в Радонеже и Дьяково.

Полученные данные, хотя и требуют уточнения, но позволяют говорить о высокой интенсивности воздействия средневековой распашки на локальные участки ландшафта (в XI—XIII вв. — в основном на долины и придолинные части водоразделов), а также о том, что следы этого воздействия не стертые современным освоением и могут стать источником для изучения средневекового земледелия.

В заключение необходимо сказать, что курганы, раскопанные "колодцем" или снесенными в ходе раскопок бровками, отнюдь не являются "археологическим браком", а наоборот, сохранили ценную информацию. Это заставляет критически относиться к принятой сейчас методике раскопок "на снос" объектов, содержащих многоплановую историко-природную информацию.

¹ Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. 1971. № 174; Кренке И.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

² Кирьянова И.А. О составе сельскохозяйственных культур Древней Руси X—XV вв. // СА. 1979. № 4; С. 72—85; Гунова В.С., Кренке И.А. Археолого-палеогеографические исследования в среднем течении Москвы-реки // Вестн. МГУ. Сер. 5; География. М., 1985. № 1. С. 57—62.

³ Дарвин Ч. Образование растительного слоя земли деятельностью дождевых червей и наблюдения над их образом жизни // Собр. соч. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 117—238; Александровский А.Л., Мацке-

вой Л.Г. Почвенно-стратиграфические условия залегания мезолита запада Украины // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев, 1989. С. 218—224.

⁴ Limbrey F. Soil science and archaeology. N' Y., 1975.

⁵ Юшко А.А. Покровские и Стрелковские курганы // СА. 1972. № 1. С. 185—199.

⁶ Арциховский А.В. Царицынские курганы // МИА. 1947. № 7. С. 77—81.

⁷ Чернов С.З. Комплексное исследование и охрана русского средневекового ландшафта. М., 1987.

⁸ Александровский А.Л., Кренке И.А., Чернов С.З. Средневековые пруды Радонежа как источник по изучению антропогенных систем // Памятниковедение. Изучение памятников истории и культуры в гидросфере. М., 1989. Вып. 1. С. 94—109.

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОГО СТЕКЛОДЕЛИЯ

В 1989 г. при раскопках, проводимых Московской археологической экспедицией под руководством С.З. Чернова на Красной площади, найден стеклянный предмет, который известен в археологической литературе под названием "гладилка". Это массивный предмет, полусферической формы, диаметром 110 см, высотой 3,8 см. Половина предмета в прошлом была отколота. Стекло прозрачное, желтовато-зеленоватого оттенка без следов окисления (выветривания) внешнего слоя.

Подобные находки известны в Бирке¹, в Шварце Эрде, Уппланде, Голландии, Дании, Германии², Болгарии³, Англии⁴, Франции⁵, Чехии, Словакии, а также в лесной зоне Древней Руси⁶.

Все найденные "гладилки" датируются X в. Московская находка обнаружена среди камней мостовой 1804 г. и использовалась в качестве булыжника.

Известен химический состав семи "гладилок"⁷. Стекло, из которого они изготовлены (кроме новгородской), по своему составу принадлежит к классу $K_2OCaOSiO_2$.

Произведенный качественный и количественный анализ стекла московской "гладилки" показал, что оно относится к классу $K_2OCaOSiO_2$ типу $K_2OCaOMgOAl_2O_3SiO_2$ (анализ производился плазменным, химическим и рентгеновским микроспектральным способом, исполнители: Л.А. Широких и Т.И. Олейникова). Было обнаружено: SiO_2 — 57,7%; Na_2O — 0,6%; K_2O — 7,4%; CaO — 22,9%; MgO — 2,9%; PbO — 0,1%; Fe_2O_3 — 0,9%; Al_2O_3 — 2,8%; MgO — 0,3%.

Ближайшие аналоги по типу стекла — "гладилки" из Штурмена и Хайтхабу, датируемые концом IX—X в. К сожалению, анализы других найденных "гладилок" не опубликованы.

Так как все найденные "гладилки" пока не выходят за пределы X в., московскую находку следует датировать также X в. Место ее первоначального нахождения пока не известно, но можно, вероятно, по архивным материалам узнать, откуда брали камень для мощения Красной площади в начале XIX в., и на том месте попытаться найти поселение или городище со слоями X в. Встает вопрос — откуда в X в. могли привезти на Русь "гладилки"?

Ответ на этот вопрос можно найти при картографировании находок стекла подобного класса и типа, а также стекол, которые по процентному соотношению главных стеклообразующих элементов аналогичны стеклу московской "гладилки". Рис. 1 показывает, что все стекла класса $K_2OCaOSiO_2$ и $K_2OCaOMgOAl_2O_3SiO_2$ обнаружены во Франции, Германии, Польше, Чехии и Руси и ни одного стекла этого класса не обнаружено в странах Средиземноморья, где найдены только натриевые стекла.

Наибольшая концентрация стекол типа $K_2OCaOMgOAl_2O_3SiO_2$ приходится на Германию, Данию и север Польши. Там обнаружены мастерские по производству стеклянных изделий, которые датируются концом IX—X в. Они исследовались в Волине, Щецине, Крушвице, Ополе и т.д., где наряду с готовыми стеклянными изделиями из стекла класса $K_2OCaOSiO_2$ найдены капли стекла и тигли со стеклом того же класса.

О производстве стекла класса $K_2OCaOSiO_2$ в Западной Европе говорится и в сочинении Теофила "Трактат о различных ремеслах" (вторая половина X в.)⁸. Он подробно описывает три типа печей: 1) стекловаренные, 2) обжигательные, 3) плавыльные; состав шихты, состоящей из двух частей буковой золы и одной части песка; этапы варки стекла: 1) спекание, 2) плавление в тиглях и процесс производства различных вещей из стекла.

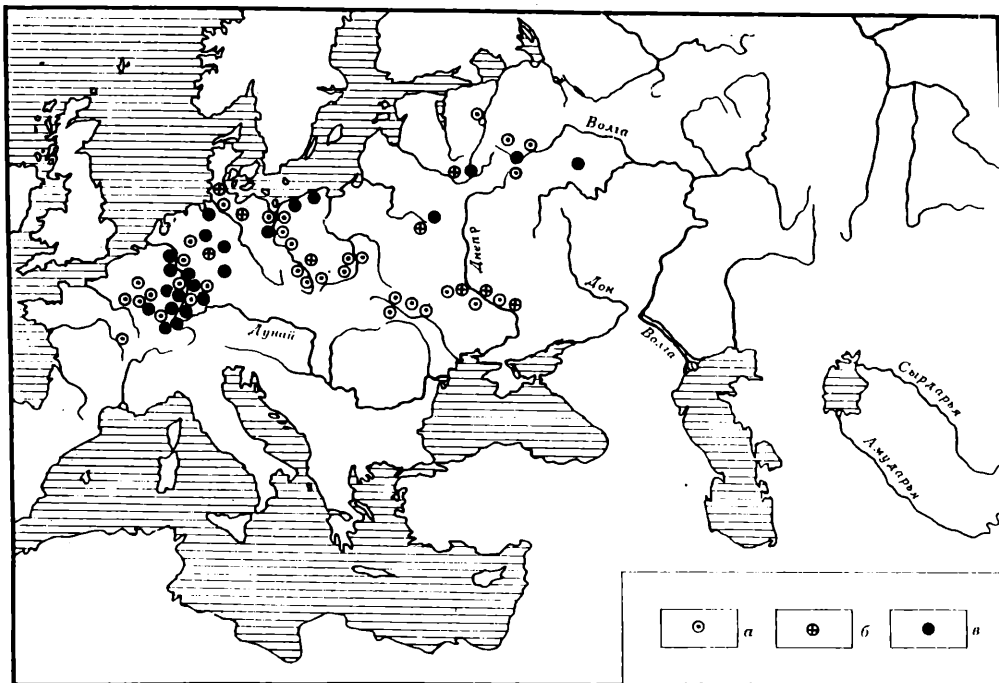

Рис. 1. Местонахождения стекол класса $K_2O CaO SiO_2$ (по публикациям)

а — класс $K_2O CaO SiO_2$; б — тип $K_2O CaO MgO Al_2O_3 SiO_2$; в — химический состав, аналогичный химическому составу московской "гладилки"

М.А. Безбородов предпринял попытку изготовления стекла по рецепту Теофила. Получилось стекло типа $K_2OCaOMgOAl_2O_3SiO_2$, аналогичное стеклу московской "гладилки"⁹ (табл. 1).

В результате сопоставления можно с большей степенью достоверности утверждать, что "гладилка" из Москвы произведена в мастерских Западной Европы в X в. по рецепту: одна часть песка и две части золы бука.

Назначение "гладилок" сейчас не вызывает сомнений¹⁰. Общепринято мнение, что это слитки стекла — полуфабрикат для стекольных мастерских, расположенных в крупных городах Европы и, возможно, Средней Азии, где также найдено стекло класса $K_2OCaOSiO_2$. Места находок "гладилок" на Руси — Новгород, Гнездово, Суздаль, Ростов Великий, Москва — расположены на основных торговых путях и в ремесленных центрах.

Этот полуфабрикат предназначался, вероятно, для небольших мастерских по производству стеклянных предметов для нужд населения определенного района. В Древней Руси к таким предметам следует относить, вероятно, бусы, изготовленные с помощью навивки стеклянной массы на палочку (хотя на сегодня бус такого типа, изготовленных из стекла класса $K_2OCaOSiO_2$, не обнаружено).

Стеклоплавильная мастерская в Галиче, датируемая XI в., использовала по всей видимости, тоже слитки стекла класса $K_2OCaOSiO_2$ ¹¹. О том, что в тиглях не варили, а плавил стекло, говорит находка фрагмента тигля с двумя слоями стекла разного типа.

Можно полагать, что "гладилки", которые широко распространены в Европе от Англии до Ростово-Суздальской земли, изготовлялись в одном или нескольких крупных ремесленных центрах Западной Европы (предположительно в Германии), откуда

Таблица 1

Сопоставление химических составов стекол, изготовленных по рецепту Теофила, московской "гладилки" и "глядилки" по Хайтхабу, %

SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	MgO	PbO
63	0,5	10	14	4	—
По М.А. Безбородову					
58	0,6	8	23	3	Следы
московская "гладилка"					
По Хайтхабу					
60	0,8	11	17	4	—

распространялись в стекольные мастерские, где из них производили разнообразную продукцию. Но кушцы завозили их и в такие земли, где уровень развития ремесла был не очень высокий. В результате этого "гладилки" не находили прямого применения и попадали в могилу со своими владельцами (Бирка) или терялись.

Ю.Л. Щапова считает, что "гладилки" производились в Европе или Сирии¹², но доводы, приведенные ею в статье, неубедительны хотя бы потому, что в этих районах до сих пор не найдено стекло класса K₂OCaOSiO₂, относящееся к X в. В Западной Европе стекла этого класса преобладают. Считать, что все ближневосточное стекло, произведенное на основе золы деревьев, которые росли в высокогорьях, вывозили в Европу, маловероятно.

В связи с изучением "гладилок" снова встает вопрос — было ли собственное стекольное производство на Руси и, если было, то когда могло возникнуть.

Стеклоделие характеризуется следующими находками: 1) изделиями из стекла; 2) стеклоплавильными комплексами (печь, тигли и т.д.); 3) отходами производства (капли и т.д.); 4) литературным (письменным) описанием производства.

На территории Древней Руси найдены: 1) изделия из стекла; 2) стеклоплавильные печи и тигли (фрагменты); 3) письменные источники говорят о производстве эмалей на Руси (Теофил). Но эмалью может быть и расплавленный стеклянный бой.

Огромное количество стеклянных браслетов, бус, посуды и т.д., которые в некоторых городах превышают находки железных предметов, говорит бесспорно, что стеклоделие на Руси было. На это указывают и находки брака.

Чтобы полнее разобраться в данном вопросе, проведено картографирование стекол различных классов и типов (рис. 1, 2, 3).

Раннее говорилось, что центр производства стекол класса K₂OCaOSiO₂ — Западная Европа, и на Русь это стекло попадало с Запада. Датируется такое стекло концом IX—XVII вв. Традиции постоянные на протяжении почти тысячелетия.

Центры производства натриевых стекол многочисленны. Это страны Средиземноморья, Причерноморья, Кавказа, Средней Азии, Индии, Ирана и т.д. Традиции стекловарения натриевых стекол в странах также многовековые. Так как все они сварены на золе морских растений или соде, химический состав которых сильно варьирует в зависимости от места добычи, то и состав основных стеклообразующих натриевых стекол также варьирует. По процентному соотношению основных или вспомогательных стеклообразующих элементов, натриевые стекла разделены М.А. Безбородовым на типы, наиболее характерные для определенного региона¹³. На рис. 2 показано направление распространения натриевых стекол из центров их производства в Европу.

Местонахождение свинцовых стекол показано на рис. 3. Территория их распространения ограничивается пока Польшей и Русью. В Польше первые находки сви-

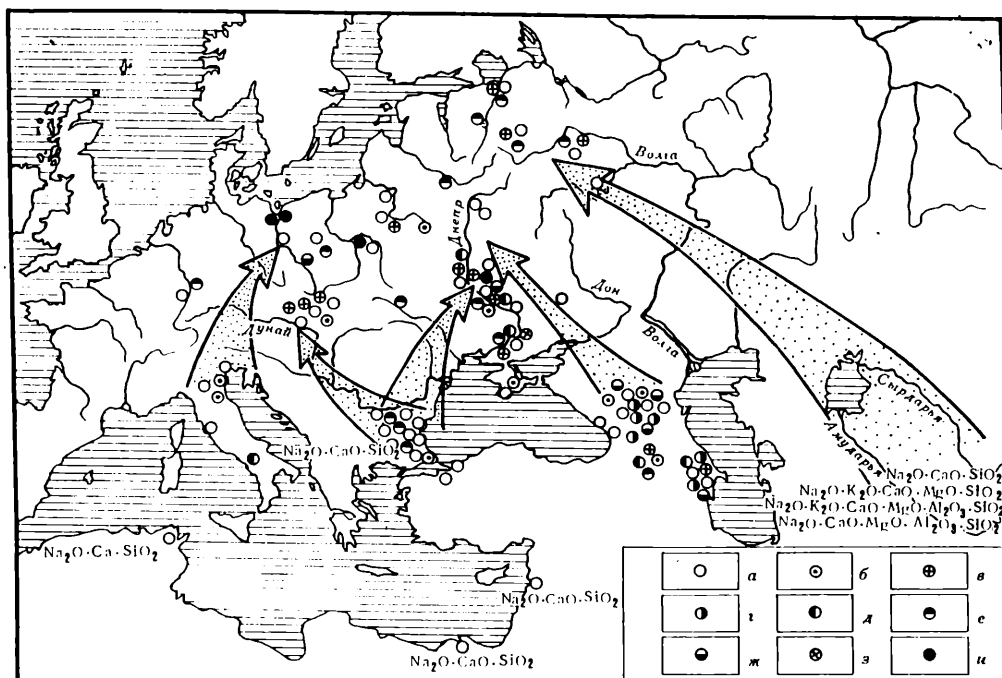

Рис. 2. Места нахождения патрисивных стекол

а — $\text{Na}_2\text{O CaO SiO}_2$; б — $\text{Na}_2\text{O CaO Al}_2\text{O}_3 \text{SiO}_2$; в — $\text{Na}_2\text{O CaO MgO SiO}_2$; г — $\text{Na}_2\text{O CaO MgO Al}_2\text{O}_3 \text{SiO}_2$;
 д — $\text{Na}_2\text{O K}_2\text{O CaO SiO}_2$; е — $\text{Na}_2\text{O K}_2\text{O CaO MgO SiO}_2$; ж — $\text{Na}_2\text{O K}_2\text{O CaO Al}_2\text{O}_3 \text{SiO}_2$; з — $\text{Na}_2\text{O K}_2\text{O CaO MgO Al}_2\text{O}_3 \text{SiO}_2$;
 и — $\text{Na}_2\text{O PbO SiO}_2$

Стрелками показано направление распространения стекол

цового стекла датируются IX в. Можно предполагать, что производство свинцового стекла возникло в Польше, а потом распространилось на Русь.

Распространение различных типов стекол в Европе и Азии показано на рис. 4. Видно, что в древних центрах стеклоделия с многовековой традицией стекловарения существовало несколько типов стекол, относящихся в основном к одному классу. На территории Древней Руси, например, найдены все существующие типы от всех классов средневековых стекол. При этом существовали такие типы, которые возможны только при смешивании двух стекол, относящихся к различным классам: например, стекло типа $\text{Na}_2\text{OPbOSiO}_2$; $\text{K}_2\text{OCaOPbOSiO}_2$. Это, возможно, указывает на то, что Русь, находясь на транзитных путях между севером и югом, востоком и западом, "впитывала" в себя все существовавшие в то время типы стекол и перерабатывала их.

Это один из типов стеклоделия в Древней Руси, основанный на переработке стеклянного боя или слитков стекла, в том числе "гладилок" (инженер-технолог по стеклу Рязанского завода электроламповых приборов подтвердила возможность переработки стеклянного боя при температурном режиме варки 1000—1300°).

В конце X—XI в. на Русь, в связи со строительством храмов были приглашены византийские мастера, которые производили для храмов смальту¹⁴. Стекло для изготовления "муссии", по всей видимости, привозили с собой в виде слитков, но его стало не хватать для выполнения всех заказов. В это время или под влиянием изучения опыта мастеров Европы или по собственному опыту изготовления различных стекол мастера в Киеве стали добавлять в расплавленное стекло сурик, в результате чего получился новый тип стекла $\text{Na}_2\text{OPbOSiO}_2$. Этот процесс хорошо виден в

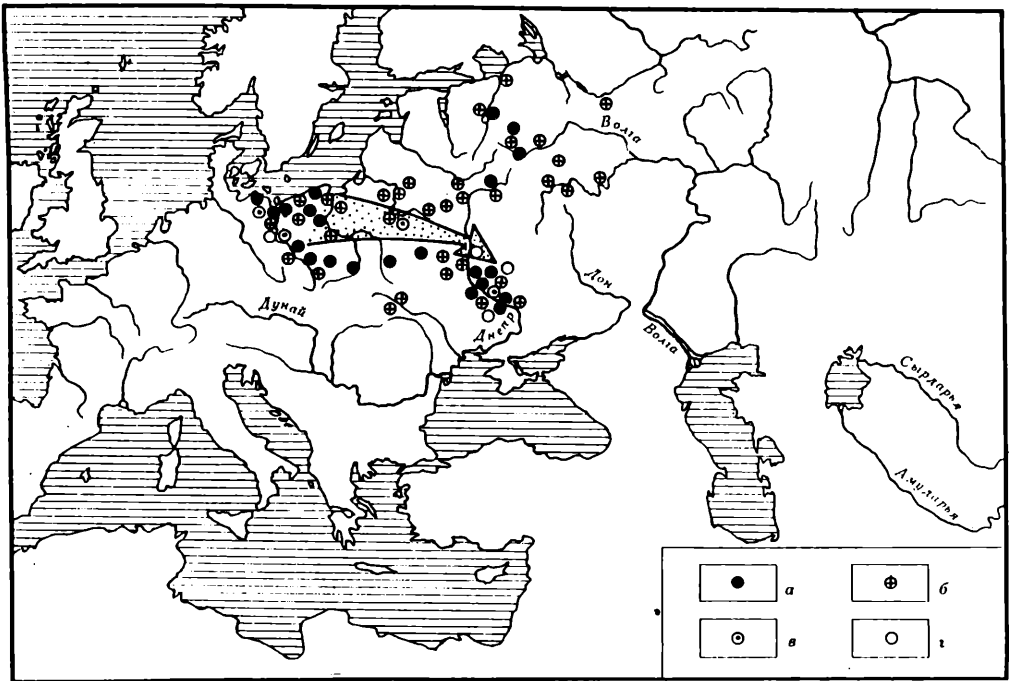

Рис. 3. Местонахождения свинцовых стекол
 а — $PbO \cdot SiO_2$; б — $K_2O \cdot PbO \cdot SiO_2$; в — $Na_2O \cdot PbO \cdot SiO_2$; г — $Na_2O \cdot K_2O \cdot PbO \cdot SiO_2$

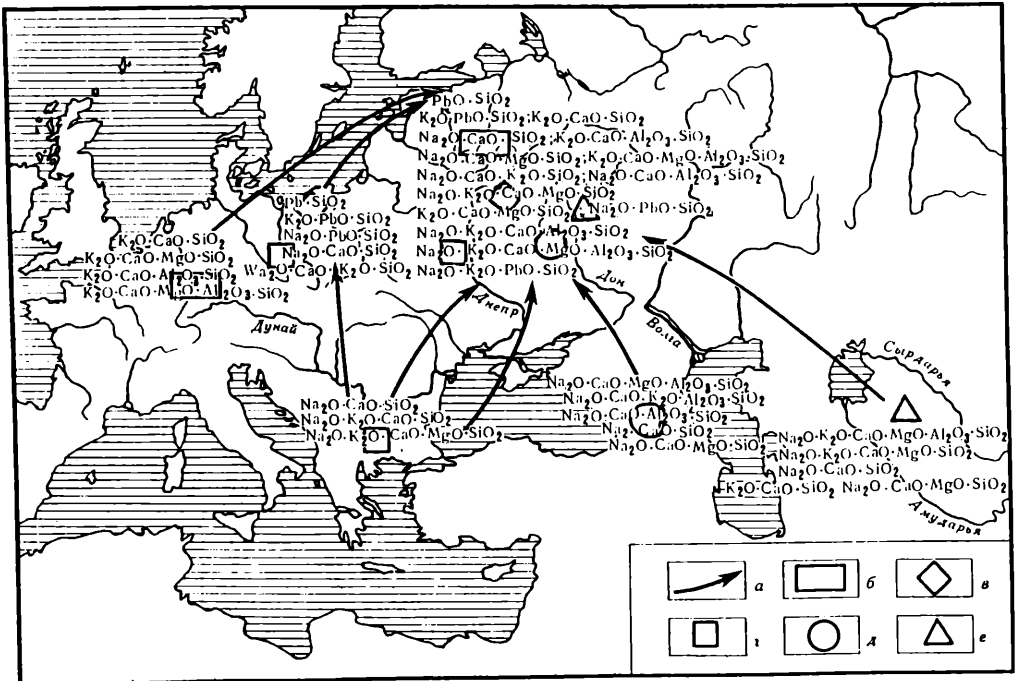

Рис. 4. Местонахождения различных типов стекол
 а — направление движения стекол; б — западноевропейские стекла; в — центральноевропейские стекла;
 г — средиземноморские стекла; д — кавказские стекла; е — среднеазиатские стекла

Таблица 2

Изменение процентного соотношения основных стеклообразующих элементов
в смальте Софийского собора в Киеве, %

SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	PbO	SiO ₂	Na ₂ O	K ₂ O	CaO	PbO
66	14	1,9	12	—	42	4,6	1	3,2	43
54	10	0,5	3	27	27	1,3	0,3	0,1	66
41	5,6	1,5	3,4	42					

Таблица 3

Изменение процентного соотношения основных стеклообразующих элементов
в стекле из Западной Европы и Софийских соборов в древней Руси, %

SiO ₂	CaO	K ₂ O	PbO	MgO	Na ₂ O	Al ₂ O ₃
Западная Европа (начало XI в.)						
73	5	6	—	1	5	4
Киев (начало XI в.)						
42	3	2	43	0,6	3	1
27	0,3	0,3	66	0,1	1,3	0,3
Переяслав (X в.)						
21	0,1	0,4	73	0,4	—	0,2
Чернигов (XII в.)						
17	0,1	0,4	75	Следы	—	0,2
Новгород (XI в.)						
18	0,1	0,2	76	Следы	—	Следы

количественных изменениях химического состава натриевых стекол с увеличением в них окиси свинца (табл. 2).

Сурик добавлялся не только в натриевое стекло, привозимое из Византии, но и в K₂O-CaO-SiO₂ стекло, привозимое из Западной Европы. На рис. 3 показано изменение содержания основных стеклообразующих элементов в стекле Западной Европы, мозаике Софийских соборов в Киеве, Чернигове, Новгороде и Переяславе (табл. 3).

Это еще один возможный тип стеклоделия на Руси в XI в., связанный с возросшей потребностью смальты для мозаик церквей. Возможность такого процесса подтверждена мною экспериментально. Температура варки в пределах 1000—1300°. При длительной варке возможно понизить температуру до 900°. Температура в обжигающих печах в Древней Руси достигала 1300° (данные предварительные).

На Руси были распространены также стекла класса PbOSiO₂. О производстве их известно из произведения Ираклия (X в.). Он, в частности, писал: "Возьми лучший блестящий свинец, положи его в новый тигель и обжигай на огне до тех пор, пока свинец не превратится в порошок. Далее возьми песок, перемешай его вместе с этим порошком так, чтобы две части свинца приходились на одну часть песка, и положи смесь в плавильный тигель"¹⁵. Температура варки такого стекла 900°¹⁶. Такое стекло могло быть доступным русским ремесленникам, но его малочисленность и использование в основном для мозаики церквей говорят скорее всего об импорте данного стекла из стран Западной Европы, хотя не исключена возможность, что стекло класса PbOSiO₂ могли варить также в мастерских Галича и Киева.

Самое распространенное стекло на Руси — стекло класса $K_2OPbOSiO_2$. О производстве этого стекла есть много версий. М.А. Безбородов считает, что на Руси с XI в. впервые в мировой истории стали применять для стекловарения поташ, хотя эта версия не находит подтверждения в письменных источниках того времени. Рассмотрим этот вопрос подробно.

Применять окись свинца в качестве красителя для изготовления цветных стекол начали еще с I тысячелетия н.э. В X в. для окраски стекол в ярко-желтый цвет в шихту добавляли до 10% окиси свинца. С увеличением окиси свинца в шихте получаемое стекло меняет окраску в зависимости от примесей от черного до прозрачного, бесцветного. Это свойство свинцово-золистого стекла и отметили, по всей видимости, тогдашние мастера по стекловарению, и стали изготавливать новое стекло, которое имело преимущества перед просто золистым стеклом в более низкой температуре плавления. При этом с добавлением окиси свинца увеличивается объем выработанного стекла. О том, что такое стекло существует, говорит находка новгородской "гладилки", стекло которой сварено из золы, сурика и песка (класс стекла — $K_2OCaOPbOSiO_2$)¹⁷.

О переходе с золы на поташ есть косвенное упоминание в названном выше произведении Теофила, в главе XXXI "О кольцах". В ней описывается производство стеклянных браслетов и составление шихты для этого стекла, в которую входят: зола, соль, порошкообразная медь, свинец. Если предположить, что соль была калиевая (K_2CO_3), которую в древности добывали с помощью выпаривания соляных растворов или растворимых компонентов золы (т.е. поташ), то, возможно, это первое упоминание о применении в стекловарении поташа. В таком случае первенство производства стекла класса $K_2OPbOSiO_2$ принадлежит мастерам Западной Европы.

Тогда встает вопрос, почему стекла класса $K_2OPbOSiO_2$ не получили большого распространения в странах Западной Европы, где преобладали золистые стекла, а нашли распространение в городах Руси. Есть несколько гипотез объяснения этого.

1. Свинцово-поташное стекло применялось в основном для производства браслетов, так как это стекло по физическим данным более подходит для этого. Изготовление браслетов и других предметов из этого стекла могло производиться как в мастерских Западной Европы (и попадало на Русь по торговым путям), так и в городах Руси из привозного стекла.

2. Производство свинцово-поташного стекла было основано в крупных ремесленных центрах Руси и в этих же центрах из него изготавливались браслеты и другие изделия.

Некоторые данные для разрешения этого вопроса получены при проведении количественных анализов западноевропейских бус с целью выявления их специфических особенностей по наличию микропримесей. Выявлено, что все стекла класса $K_2OCaOSiO_2$ имеют значительное количество молибдена — до 2%. Когда стали производить анализы древнерусских браслетов, бус и посуды из стекла класса $K_2OPbOSiO_2$, то в их химическом составе также было обнаружено значительное количество окиси молибдена. Молибденовыми оказались оконные стекла, посуда, зеленая эмаль. Перстни из стекла класса $Na_2OCaOSiO_2$ не содержат молибден.

По всей видимости, исследование стекол по наличию в них микропримесей, которые характерны для большой группы стекол, это одни из прогрессивных методов определения места их изготовления.

В заключение следует еще раз отметить, что некоторые выводы по стеклоделению в Древней Руси, приведенные в данной работе, предварительные. Чтобы разрешить вопросы, связанные с данной проблемой, следует перейти на более детальное исследование стекол, обнаруженных на территории Руси, Западной Европы, Ближнего Востока, Средней Азии, что основано на изучении микропримесей, микровключений, различных зон исследуемого стекла. Такая работа проводится сейчас совместным советско-канадским предприятием ТОМО и советско-швейцарским предприятием КВАРК.

- ¹ *Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Tufeln. Uppsala, 1940. N 624. 963, 973.
- ² *Arwidsson J.* Birka II, 1. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm., 1984. S. 200.
- ³ *Dekówna M.* Szkło w Europie wczesnosredniowiecznej. Ossolineum, 1980. S. 153.
- ⁴ *Scott J.G.* A glass linen smoother of viking type from Kirkcudbright // Proceeding of the Society of antiquaries of Scotland. Session MCMLIV—MCMLVI. Edinbourg, 1956. Vol. LXXXVIII.
- ⁵ *Thenot A.* Note sur quatre objets enigmatigues en matière vitreuse de la collection F. Morean au M.A. N. à Saint-Germain-en Loya // Annales du IXe Congres de l'APHV. Liege, 1985.
- ⁶ *Щапова Ю Л.* Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных ("гладилка" из Новгорода) // СА. 1989. № 4. С. 113.
- ⁷ *Dekówna H.* Szkło w Europie... Tabl. 36; 52, 3—5, 7; *Щапова Ю Л.* Некоторые проблемы... С. 104.
- ⁸ *Безбородов М.А.* Стеклоделия в Древней Руси. Минск, 1956. С. 72.
- ⁹ *Безбородов Н.А.* Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969. С. 54. Табл. 8.
- ¹⁰ *Щапова Ю Л.* Некоторые проблемы... С. 109.
- ¹¹ *Безбородов М.А.* Стеклоделие в Древней Руси. С. 250. Табл. 35.
- ¹² *Щапова Ю Л.* Некоторые проблемы...
- ¹³ *Щапова Ю Л.* Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983. С. 184.
- ¹⁴ *Щапова Ю Л.* Очерки истории. С. 184.
- ¹⁵ *Theobald W.* Technik des Kunsthandwerks im zehnten Jahrhundert. В., 1933. S. 231.
- ¹⁶ *Щапова Ю Л.* Очерки истории. С. 184.
- ¹⁷ *Щапова Ю Л.* Некоторые проблемы... С. 104.

ПУБЛИКАЦИИ

А.В. САЗАНОВ

ИМПОРТНАЯ КРАСНОЛАКОВАЯ КЕРАМИКА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VII в. н.э. ИЗ ХЕРСОНЕСА

Краснолаковая керамика первой половины VII в. н.э. пока еще не была предметом специального исследования, хотя комплексы этого времени публиковались, включая и краснолаковые изделия. В Северном Причерноморье наиболее выразительными для этого времени являются херсонесские комплексы. К их числу относятся: засыпи цистерн 92, "В", "Л", "Е" (Северный берег), засыпь колодца в I квартале северо-восточного района, помещение в районе XVII куртины, помещение с пифосами в портовом районе, раскопанное в 1986 г. Общая сводка их была сделана А.И. Романчук, внесшей вклад в изучение этих материалов¹.

Статья посвящена краснолаковой керамике из засыпи колодца в I квартале северо-восточного района города, исследованного М.И. Золотаревым в 1976—1977 гг. Колодец располагался у часовни 17. Засыпь его, как предполагает М.И. Золотарев, была единовременной, о чем свидетельствует то обстоятельство, что части одних и тех же сосудов были обнаружены на разных горизонтах. Засыпь общей толщиной около 15 м образовалась в связи с перестройкой и ремонтом Восточной базилики².

Важным обстоятельством для датировки комплекса являются находки монет императоров: Константина и его сыновей (306—361 гг.) — 6 монет, Феодосия I (379—391 гг.) — 2, Льва I (454—474 гг.) — 18, Анастасия I (491—518 гг.) — 15, Юстина I (518—527 гг.) — 30, Юстиниана I (527—564 гг.) — 19 никомедийского чекана и 50 херсонесского чекана, Тиберия Маврикия (582—602 гг.) — 4 монеты херсонесского чекана. Хронологически наиболее поздними являются монеты Маврикия³, которые и дают "terminus post quem" комплекса (рис. 1, 1).

Краснолаковая керамика, составлявшая примерно 4% свиты слоя представлена группами "Поздний римский С" и "Африканские краснолаковые сосуды". Краснолаковой керамике ранневизантийского времени посвящена обширная литература. Современный уровень исследования определяет книга Дж. Хэйса, статьи Б. Бётгера, М. Роджиевича, Д. Ланграфа, А. Опайта. При отнесении к типам общепринята классификация Дж. Хэйса, которой мы и пользуемся⁴.

Группа "Поздний римский С" представлена 143 фрагментами, "Африканские краснолаковые сосуды" — 32, 5 фрагментов не имеют аналогий у Дж. Хэйса (рис. 1, 2).

Группа "Поздний римский С" представлена формами 3, 5, 6, 9 и 10 (рис. 1, 3).

Преобладали фрагменты мисок формы 3, которую Дж. Хэйс разделил на 8 типов, из них в рассматриваемом комплексе обнаружены 7 типов (В, С, D, E, F, G, H)⁵. К типу D, ранние варианты которого известны с конца V в. н.э., относится один фрагмент (рис. 2А, 35)⁶; к типу В, переходном к H, — 2 фрагмента, которые генетически связаны с экземплярами из Константинополя (конец V — начало VI в.) и Ильичевского городища (третья четверть VI в.)⁷ (рис. 2А, 32, 42), к типу С, появляющемуся во второй половине V в. — также 2 фрагмента (рис. 2А, 44)⁸, по одному фрагменту

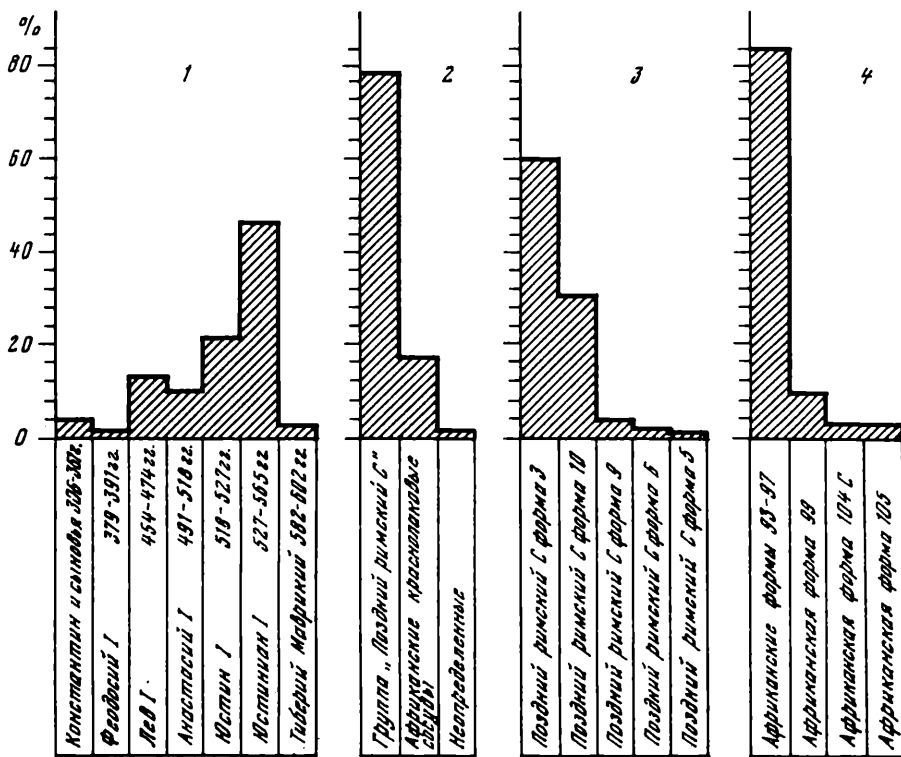

Рис. 1. Распределение монет и краснолаковой керамики из застройки колодца в I квартале северо-восточного района Херсонеса

1 — монеты; 2 — краснолаковая керамика по группам; 3 — группа "Поздний римский С" по формам; 4 — группа "Африканские краснолаковые сосуды" по формам

относится к типам Е (рис. 2А, 29)⁹ и Н (рис. 2А, 28)¹⁰. Учитывая то, что рассматриваемый комплекс образовался в пределах первой половины VII в. н.э., а также присутствие в названных в начале статьи херсонесских комплексах VII в. н.э., существование этих типов следует продлить до этого времени, т.е. тип В датировать концом V — первой половиной VII в., С — 460/475 гг. — первой половиной VII в., Е — началом VI — первой половиной VII в., Н — серединой VI — серединой VII в.

Наибольшее число экземпляров представлено типами F, G. Миски типа F по комплексам Тиритаки, Ильичевски, Зенонова Херсонеса, Константинополя. Телль Кейсана, Александрии, Херсонеса, Киферы датируются второй четвертью VI — первой половиной VII в. (рис. 2А, 24—26, 30, 37, 38, 40, 45)¹¹. Тип G был отмечен Дж. Хэйсом, но проиллюстрирован Д. Ландграфом, датировавшим его вслед за Дж. Хэйсом началом — серединой VI в. В Причерноморье наиболее ранние экземпляры встречены в Зеноновом Херсонесе в комплексе второй четверти VI в., наиболее поздние происходят из Киферы, где датируются первой половиной VII в., что и определяет дату типа в пределах первой половины VI — первой половины VII в. С точки зрения формологии тип G — переходная форма к группе "Поздний римский С" 10 (рис. 2А, 15—20, 22)¹².

Из клейм обнаружен фрагмент донца с клеймом в виде креста с двойной линией контура. Такое клеймо, по Дж. Хэйсу, относится к третьей хронологической группе и должно датироваться 470—580 гг. г.э. Вместе с тем анализ комплексов показывает, что такие клейма появляются лишь с началом второй четверти VI в., они известны в комплексах третьей четверти VI в. и теперь первой половины VII в. (рис. 2А, 23)¹³.

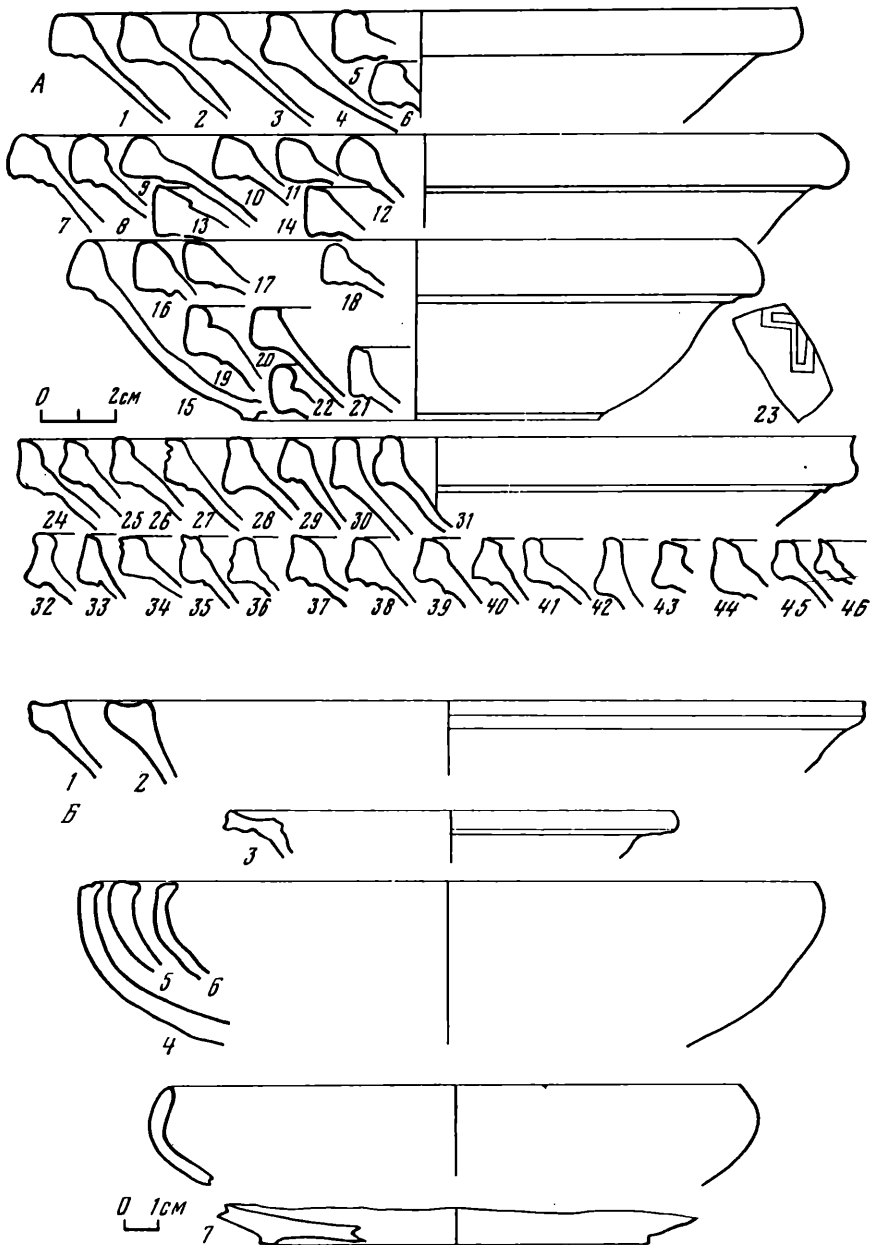

Рис. 2. Краснолаковая керамика группы "Поздний римский С"
 А: 1—14 — форма 10; 15—46 — форма 3; Б: 1, 2 — форма 6; 3 — форма 5; 4—7 — форма 9.1

На втором месте по многочисленности стоит форма 10 группы "Поздний римский С", датирующаяся, по Дж. Хэйсу, 570—660 гг. н.э. (рис. 2А, 1—14). Встречены оба типа — А и В, датирующиеся тем же автором концом VI — началом VII в.¹⁴

Наиболее ранние экземпляры типа А происходят из комплексов 80-х годов VI в. — слоя N у Тропеума Траяни, Ильичевки. Вместе с тем тип А обнаружен в константинопольском комплексе 650—670 гг. (самые поздние монеты Константа II). Таким образом, тип может датироваться 580—650 гг. (рис. 2А, 1—9, 11, 13, 14)¹⁵.

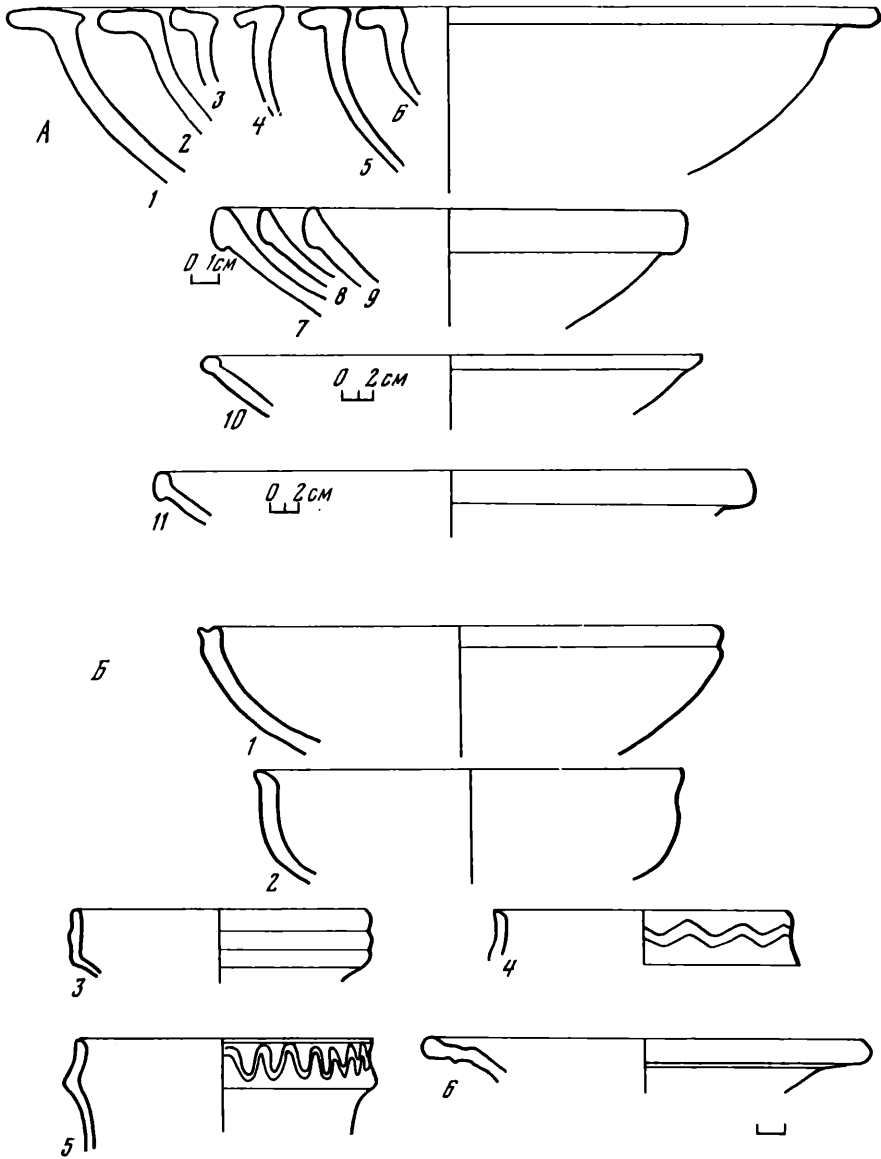

Рис. 3. Краснолаковая керамика группы "Африканские краснолаковые сосуды"

А: 1—6 — формы 93—97; 7—9 — форма 99; 10 — форма 104 С; 11 — форма 105; Б: 1, 2 — типа "Цибиллиума"; 3—5 — чашкообразные сосуды; 6 — типа миски из субструкции под четырехкапсидным храмом

Самые ранние экземпляры мисок типа В обнаружены в Суцидаве в комплексе 80—90-х годов VI в, в комплексах конца VI — начала VII в. в Телль Кейсане и Тропеуме Траяни. Самая поздняя находка — в константинопольском комплексе 650—670 вв., дата типа 580/590—650/670 гг. (рис. 2, А, 10, 12)¹⁶.

Несколько мисок принадлежат форме 9.1, датированной Дж. Хэйсом 520—660 гг. Однако такие миски есть в константинопольском комплексе 650—670 гг., что позволяет датировать форму 9.1. 520—650/670 гг. (рис. 2Б, 6, 7)¹⁷.

Форма 6, обнаруженная в нашем комплексе в двух экземплярах, датируется Дж.

Хэйсом началом VI в., однако ее присутствие в данном комплексе позволяет относить форму к VI — первой половине VII в. (рис. 2, Б, 1, 2)¹⁸.

Форма 5 представлена единственным экземпляром типа В. Дж. Хэйс датирует эту форму первой половиной VI в., Д. Ландграф — началом того же столетия. Однако такие миски известны в Ильичевке в комплексах третьей четверти VI в. Учитывая их присутствие в рассматриваемом комплексе, форму можно датировать первой половиной VI — первой половиной VII в. (рис. 2, Б, 3)¹⁹.

Центр производства мисок группы "Поздний римский С" на основании количественных анализов локализован Ф. Майе и М. Пиконом в Фокее²⁰. Это дало возможность в 1980 г. Дж. Хэйсу переименовать всю группу "Поздний римский С" в "Фокейскую сигиллату"²¹.

Группа "Африканские краснолаковые сосуды" представлена формами 93—97, 104С, 105 (рис. 3А, 4).

Преобладают формы 93—97 (рис. 3А, 1—6). По нашему мнению, к этим формам следует относить большие миски на высоком кольцевом поддоне с лакообразным покрытием, которые С.А. Беляев выделил в 4-ю группу. Он считал, что они появляются не ранее VI в., возможно, во второй его половине²². А.И. Романчук датирует их VII в., к тому же склоняется и В.А. Кутайсов²³. На наш взгляд, дата субструкции под четыреххлоридным храмом — третья четверть VI в., поскольку там нет форм краснолаковой керамики, могущей бесспорно датироваться 570—660 гг. ("Поздний римский С" форма 10, "Африканские краснолаковые сосуды" формы 99 и 104 С и др.). На эту же дату указывает А.Л. Якобсон на основании архитектурных аналогий. К тому же Дж. Хэйс приводит миску формы 97, аналогичную обнаруженной В.А. Кутайсовым, но из комплекса начала VI в.²⁴ Вместе с тем сам тип мисок бесспорно заходит в первую половину VII в., на что указывают комплексы цистерны 92 и помещения в районе XVII куртины, последнее датируется монетой Константа II 641—668 гг. Дата типа — первая половина VI — первая половина VII в.²⁵

Форма 99 представлена типами В и С. Тип В датируется Дж. Хэйсом 530—580 гг.; учитывая его присутствие в данном комплексе, верхнюю дату следует продлить до первой половины VII в. (рис. 3А, 7)²⁶. Тип С Дж. Хэйс и Д. Ланграф относят к 560/80 — 620 гг. Однако находка его в константинопольском комплексе 650—670 гг. позволяет датировать тип 560/80—650/70 гг. (рис. 3А, 8, 9)²⁷.

Форма 104 С относится к 550—625 гг. (рис. 3А, 10)²⁸, форма 105 — к 580/600—660 гг. (рис. 3А, 11)²⁹.

Кроме этих, хорошо отождествленных форм, встречены чашкообразные сосуды, чашки с зубчатым, чуть изогнутым в верхней части венчиком, миски типа обнаруженных в субструкции под четыреххлоридным храмом.

Чашки с зубчатым, чуть изогнутым в верхней части краем встречены в комплексе второй четверти VI в.н.э. в Цибиллиуме, третьей четверти VI в. н.э. в Ильичевке. Учитывая наш комплекс, форму можно датировать второй четвертью VI — первой половиной VII в. (рис. 3Б, 2)³⁰.

Чашкообразные сосуды являются продолжением формы позднеримского времени (III—IV вв.), они существуют во второй, третьей четвертях VI в. и в первой половине VII в. (рис. 3Б, 3—5)³¹.

Одна миска находит аналогию в субструкции под четыреххлоридным храмом и, следовательно, может датироваться третьей четвертью VI — первой половиной VII в. (рис. 3Б, 6)³².

Окончательная дата исследуемого комплекса определяется пересечением циклов всех датирующих вещей, в нем найденных. Более точно, чем остальной материал, датируются монеты и краснолаковая керамика. Известно, что монеты Маврикия были в широком употреблении вплоть до упорядочения византийской денежной системы при Ираклии (610—641 гг.)³³. Если не изменится дата Африканской формы 104С — 550—

625 г., то засыпь колодца можно датировать в пределах от 582 до 625 г., т.е. скорее всего первой четвертью VII в. В таком случае наш комплекс раньше комплекса помещения в районе XVII куртины и синхронен помещению с пифосами 1986 г. (Портовый район). Возможно определенным хронологическим репером может быть отсутствие формы 10С группы "Поздний римский С", которая датируется началом — серединой VII в.н.э. Самые ранние экземпляры формы встречены в комплексе Киферы с монетами 615—616 г.³⁴ В хронологически более позднем комплексе 1986 г. (помещение с пифосами) была обнаружена датирующая монета Фоки (602—610)³⁵.

Все это скорее указывает на первые два десятилетия VII в. Однако для окончательных выводов необходима корреляция комплексов, лаковый материал из которых опубликован не полностью.

Тем не менее приведенные материалы позволяют ставить вопрос о дробной хронологии комплексов VII в., а также передатировать многие формы краснолаковой керамики, существование которых ранее ограничивали VI в.

- ¹ Hayes J.W. A seventh-century pottery group // DOP. 1968. XXII; Kythera. Excavations and studies. L., 1972. P. 308; Романчук А.И. Слои VII—VIII вв. н.э. в портовом районе Херсонеса // АДСВ. 1975. № 11. Она же. Комплекс VII в. из портового района Херсонеса // АДСВ. 1973. № 10; Она же. Херсонес VI — первой половины IX в. н.э. Свердловск, 1976. С. 26. Рис. 6, 7; Она же. Раннесредневековые комплексы портового района Херсонеса // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса: Тез. докл. Севастополь, 1988. С. 90, 91.
- ² Автор выражает глубокую благодарность М.И. Золотареву, предоставившему для публикации этот комплекс; Золотарев М.И. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1976 г. // Архив ХГИАМЗ. № 1836. С. 12—19; Он же. Отчет о раскопках в северо-восточном районе Херсонеса в 1977 г. // Там же. № 1933. С. 8.
- ³ Золотарев М.И. Отчет о раскопках... в 1976 г. С. 18, 19.
- ⁴ Hayes J.W. Late roman pottery. L., 1972. Böttger B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Jatrus // Jatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. B., 1982. Bd. II; Rodziewicz M. La ceramique romaine tardive d'Alexandria. Varsovie, 1976; Opait A. Eine Betrachtungen zur spätromischen keramik mit roten Überzug // Dacia. 1985. XXIV, N 1—2.
- ⁵ Hayes J.W. Late roman pottery. P. 337, 338.
- ⁶ Harrison R.M., Firatli N. Excavations at Sarachane in Istanbul; First preliminary report // DOP. 1965. XIX. P. 235. Pl. D, 6.
- ⁷ Stevenson R. The great palace of the Byzantine emperors. L., 1947. Pl. 19, 28; Ильичевское городище (информация Э.Я. Николаевой); Harrison R.M., Firatli N. Excavations... Pl. D, 5; Hayes J.W. Late roman pottery. P. 337.
- ⁸ Hayes J.W. Late roman pottery. P. 337; Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. 1978. Вып. 156. Рис. 1, 7; Rodziewicz M. La ceramique romaine tardive... P. 25.
- ⁹ Hayes J.W. Late roman pottery. P. 337. Fig. 68, 16.
- ¹⁰ Ibid. P. 338. Fig. 68, 28, 29.
- ¹¹ Ibid. P. 338. Fig. 68, 27; 69, 17, 19, 23, 24, 35; Landgraf J. Keisan's byzantine pottery // Tell Keisan. P., 1980. Fig. 14a; F, 19, 23, 25; Романчук А.И. Слои VII—VIII вв. н.э. ... Рис. 5, а, б; Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика... Рис. 1, 1, 5; Stevenson R. The great palace ... Pl. 19, 26; Kythera. Fig. 50, 2; 51, 17.
- ¹² Landgraf J. Keisan's byzantine pottery. Fig. 14a, 5, 9, 10; Johnston D. The byzantine basilica church at Knossos // BSA. 1962. N 57. Fig. 20, 102a; находки на мысе Зюк Ильичевского городища (информация А.А. Масленникова и Э.Я. Николаевой); Kythera. Fig. 50, 1.
- ¹³ Hayes J.W. Late roman pottery. P. 349, 365. Fig. 79, Motif 71, с—е; находки на мысе Зюк (кв. 13а, шт. 2); Николаева Э.Я. Краснолаковая керамика... Рис. 1, 12, 16; Книпович Т.И. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок беспорочной экспедиции 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. Рис. 14. 1; Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. Рис. 160, 1—2; передатировки слоев см.: Сазанов А.В., Иващенко Ю.Ф. К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. 1989. № 1; Сазанов А.В. Проблемы хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4; Tropaeum Traiani. Bucurest, 1979. Vol. 1. Fig. 161, 2, 3.
- ¹⁴ Hayes J.W. Late roman pottery. P. 346. Fig. 71.
- ¹⁵ Tropaeum Traiani. Fig. 161, 2, 18; Hayes J.W. Late roman pottery. P. 34. Fig. 71, 1, 4, 6; Landgraf J. Keisan's byzantine pottery. Fig. 14a, 1; Form 10a; Ильичевское городище (информация Э.Я. Николаевой); Романчук А.И. Слои VII—VIII вв. н.э. ... Рис. 5б; Hayes J.W. A seventh-century pottery group. Fig. E, 59—60.
- ¹⁶ Hayes J.W. Late roman pottery. P. 345. Fig. 71, 7; Landgraf J. Keisan's byzantine pottery. Fig. 14a. Form 10b, N 5, 6; Tropaeum Traiani. Fig. 167.2.1; Hayes J.W. A seventh-century pottery group. P. 203. Fig. E, 61.
- ¹⁷ Hayes J.W. Late roman Pottery. P. 342. Fig. 70, 91;

- Hayes J.W.* A seventh-century pottery group. Fig F, 65.
- 18 *Hayes J.W.* Late roman pottery. P. 341. Fig. 70. Form. 6.
- 19 *Ibid.* P. 339. Fig. 70, 2, 3; Ильичевское городище (информация Э.Я. Николаевой).
- 20 *Mayet F., Picon M.* Une sigillée phocéenne tardive ("Late roman C ware") et sa diffusion en Orient // *Figlina*. 1986. N 7. P. 119—142; *Empereur J., Picon M.* A propos d'un nouvel atelier de "Late roman C" // *Ibid.* P. 143—146.
- 21 *Hayes J.W.* Supplement to late roman pottery. L., 1980. P. LIX, LX.
- 22 *Hayes J.W.* Late roman pottery. P. 146—151; *Беляев С.А.* Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI в. н.э. // *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья*. Л., 1968. С. 36.
- 23 *Романчук А.И.* Херсонес VI — первой половины IX в. н.э. С. 26. Рис. 7, 3; *Кутайсов В.А.* Четырехапсидный храм Херсонеса // *СА*. 1982. № 1. С. 164. Рис. 8, 6.
- 24 Кроме формы 10, отсутствуют африканские формы 99, 104, 105; *Hayes J.W.* Late roman pottery. P. 151. Fig. 27, 7. Form. 97; *Якобсон А.Л.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // *ВВ*. 1988. Т. 49. С. 166; Ильичевское городище (информация Э.Я. Николаевой).
- 25 *Романчук А.И.* Слои VII—VIII вв. н.э. ... Рис. 5, в; *Талис Д.Л.* Керамический комплекс Баклинского городища как источник по этнической истории Горного Крыма в IV—IX вв. // *Археологические исследования на юге Восточной Европы*. М., 1982. Рис. 5, 8, 18.
- 26 *Hayes J.W.* Late roman pottery. P. 152—154. Fig. 28, 18.
- 27 *Ibid.* P. 155. Fig. 28, 22, 23; *Hayes J.W.* A seventh-century pottery group. Fig. E, 53.
- 28 *Hayes J.W.* Late roman pottery. P. 166. Fig. 30, 23.
- 29 *Landgraf J.* Keisan's byzantine pottery. Fig. 17, 1, 5, 6; *Hayes J.W.* Late roman pottery. P. 169.
- 30 *Воронов Ю.Н., Бгажба О.Х.* Материалы по археологии Цебельды. Тбилиси, 1985. Табл. 99, 20, 28; Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1963. Т. III. С. 162. Рис. 3; Ильичевское городище (информация Э.Я. Николаевой).
- 31 *Высотская Т.Н., Махнева О.А.* Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму // *Население и культура Крыма в первые века нашей эры*. Киев, 1983. Рис. 6 1; *Рыжов С.Г.* Керамический комплекс III—IV вв. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // *Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры*. Киев, 1986. Рис. 4, 6, 7; *Арсеньева Т.М., Науменко С.А.* Раскопки Танаиса в 1981—1984 гг. // *КСИА*. 1987. Вып. 191. Рис. 4, 11; Ильичевское городище (информация Э.Я. Николаевой); *Талис Д.Л.* Керамический комплекс... Рис. 7, 5.
- 32 *Кутайсов В.А.* Четырехапсидный храм... Рис. 8, 1.
- 33 Там же. С. 164.
- 34 *Hayes J.W.* A seventh-century pottery group. Fig. F, 62—64; *Idem.* Late roman pottery. Fig. 71, 12—15; *Kythera*. P. 308, 170. Fig. 51, 13—16; 53, 8.
- 35 *Романчук А.И.* Раннесредневековые комплексы... С. 91; *Романчук А.И., Белова О.Р.* К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // *Античная древность и средние века: Проблемы идеологии и культуры*. Свердловск, 1987. С. 62.

Г.А. МАССАЛИТИНА

ЛЕПНАЯ КЕРАМИКА ГОРОДИЩА И СЕЛИЩА МОЩИНЫ

Мощинская культура относится к кругу древностей, изученных очень слабо. Все основные моменты, характеризующие эту культуру, — границы распространения, хронология, внутренняя периодизация, этническая принадлежность — проблематичны.

Материалы мощинской культуры известны благодаря работам Т.Н. Никольской, и в первую очередь по ее монографии "Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э"¹. Но последняя написана 40 лет назад, основные выводы, сделанные в ней, к настоящему времени утратили свое значение. Т.Н. Никольская в своих последующих статьях признавала, что новые материалы, полученные на памятниках мощинской культуры, не согласуются с ее прежними выводами². Такое состояние изученности материалов мощинской культуры затрудняет работу исследователей, связанных с раннеславянской проблематикой или с изучением соседних культур, поскольку в том виде, в каком материалы этой культуры известны, с ними работать трудно. И в первую очередь это относится к керамике. Положение

осложняется тем, что культура эта выделяется среди соседних преимущественно по керамике, металлический инвентарь ее принадлежит к типам, распространенным по всей лесной полосе Восточной Европы.

Мощинское городище, давшее название всей культуре, находится в Калужской обл., на р. Пополта (бассейн р. Угры). Впервые, в конце XIX в. его исследовал Н.И. Булычев, затем с целью пополнения материалов небольшие раскопки на нем производила Т.Н. Никольская и, наконец, с 1974 по 1980 г. на городище и прилегающем к нему селище работал И.К. Фролов.

В настоящей статье речь пойдет о коллекции керамики, собранной во время работ последнего исследователя.

Вся керамика относится к двум основным периодам функционирования городища: ко времени, когда его населяли племена мощинской культуры, и к периоду Древней Руси. Мнение Т.Н. Никольской о существовании жизни на нем в последние века нашей эры, т.е. в роменское время³, не подтверждается керамическим материалом, изделия, которые были бы специфичны именно для этого времени, здесь также отсутствуют.

Керамика селища, синхронного городищу, ничем от городищенской не отличается, поэтому здесь дается общая характеристика. Статистические же подсчеты для городища и селища осуществлялись раздельно.

Коллекция керамики из раскопок И.К. Фролова содержит более 16 000 фрагментов. По способу обработки она делится на посуду с лощеной и грубой поверхностью. Количественно соотношение этих двух групп выглядит так: на селище керамика с лощеной поверхностью составляет 13%, на городище — 20%.

Посуда с лощеной поверхностью представлена мисками и горшками. Видимых технологических различий между этими двумя формами нет. Лощеная посуда изготавливалась из хорошо промешанного теста с примесями песка и очень мелкой дресвы. Поверхность большинства сосудов имеет черный цвет, реже — серый, желтый, коричневым, иногда из-за неравномерного обжига она пятниста. Лощение разного качества, чаще всего очень тщательное, глубокое до блеска, двустороннее, реже — более небрежное, тусклое, одностороннее; изнутри поверхность таких сосудов тщательно заглажена, иногда лишь в придонной части. Вся лощеная посуда неорнаментированна.

Подавляющее большинство фрагментов принадлежит к мискам, которые по формам можно разделить на несколько групп. Самой многочисленной является группа ребристых мисок, у которых верхняя часть имеет вид раструба, расширяющегося кверху (рис. 1, 1—6). Ко второй по численности принадлежит группа ребристых мисок, верхняя часть которых сужается кверху (рис. 1, 7—12). Третья группа мисок с ребром, самая малочисленная, имеет цилиндрический верх (рис. 1, 19, 20). Внутри каждой из таких групп наблюдается разнообразие в деталях: по оформлению края (прямой или изогнутый, утонщенный или нет, срезанный внутри или прямо); по высоте расположения ребра и другим признакам.

У четвертой группы мисок, представленной всего 6 экземплярами, ребро отсутствует. Эта форма неизвестна пока на других памятниках мощинской культуры (рис. 1, 14—18).

Все перечисленные группы мисок составляют серии, иногда весьма многочисленные, например в первой группе их более 100. Помимо них, встречаются и другие формы, которые либо из-за фрагментарности не поддаются реконструкции, либо не образуют серий (рис. 1, 21—24).

Днища мисок всех форм очень аккуратно оформлены, часто имеют вид цилиндра, иногда на кольцевом поддоне. По объему миски чрезвычайно разнообразны. Диаметры их устьев варьируют от 40 см до размеров, когда сосуд уже можно считать миниатюрным.

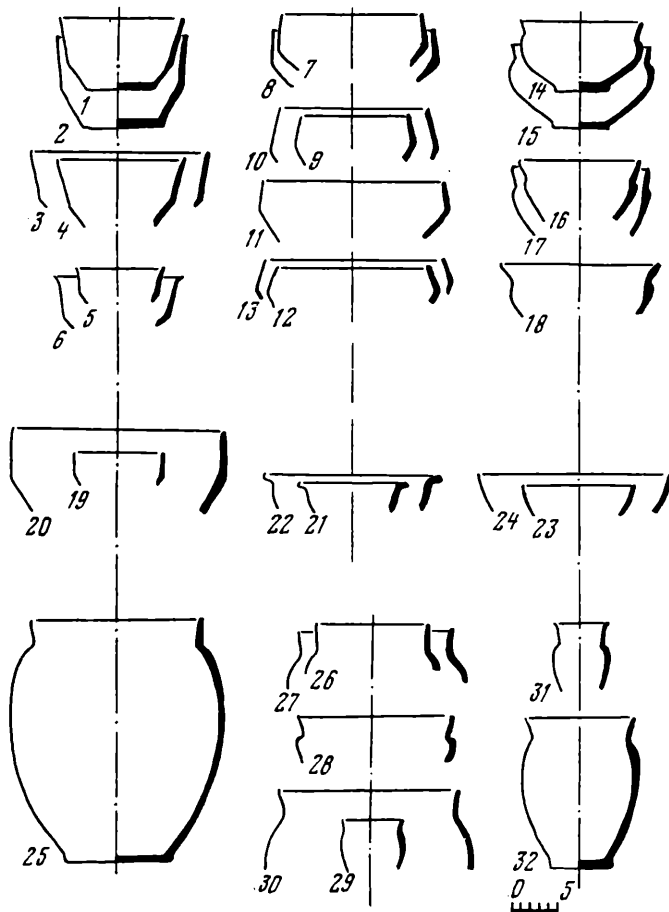

Рис. 1. Формы лощеной посуды (1—32)

Среди горшков с лощеной поверхностью целых форм почти нет, и группировке они поэтому не поддаются. Немногочисленные фрагменты венчиков позволяют судить о том, что в целом их формы сходны с формами горшков с грубой поверхностью (рис. 1, 25—32).

Наблюдение за стратиграфическим размещением лощеной посуды показывает наличие лишь единичных ее фрагментов в нижних слоях и резкое увеличение ее количества в верхних (рис. 2, а, б). В связи с этим интересен вопрос о времени появления лощеной керамики в Мопцнах.

Нижние напластования культурного слоя на основе анализа находок могут быть датированы II—III вв.⁴ Но настаивать на этой дате как времени появления лощеной керамики на памятнике твердых оснований нет, так как надежные комплексы отсутствуют, не исключены перекопы или просто механическое перемещение фрагментов с лощеной поверхностью из верхних в нижележащие слои. В пользу этой даты говорят косвенные обстоятельства. Распространение лощеной керамики в верховьях Оки связывается с зарубинецким влиянием, исходящим от почепской группировки позднезарубинецких племен Верхней Десны. Испытав на себе это влияние, племена Верхней Оки передают его, по мнению многих исследователей, дальше, на северо-восток, где посуда с лощеной поверхностью появляется у позднедьяковского населения⁵. Последние исследования дьяковских древностей позво-

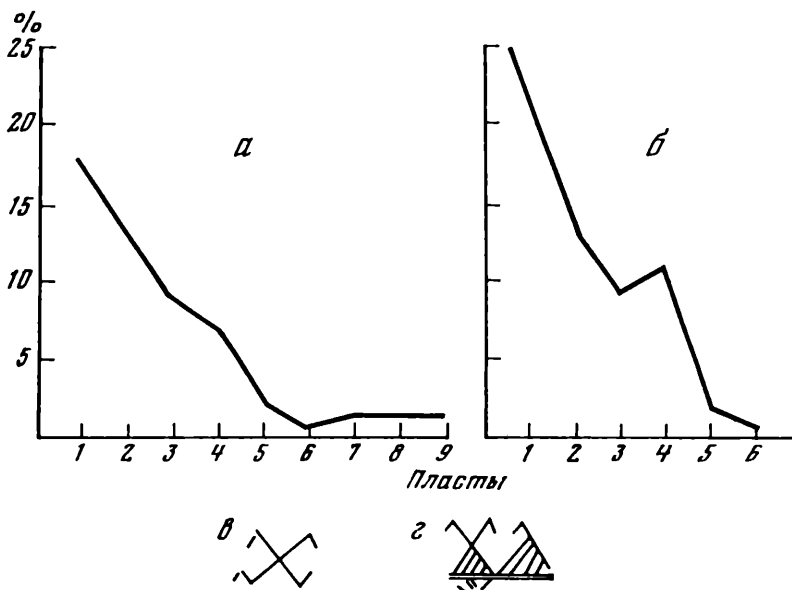

Рис. 2. Графики распределения лощеной посуды и виды орнамента

а — распределение керамики в слоях городища; *б* — в слоях селища; *в, г* — виды прочерченного орнамента

ляют относить этот процесс ко II—III вв.⁶ Если на Верхней Десне лощеная керамика бытует в I — начале II в. н.э., в бассейне р. Москвы она появляется во II—III вв., то на Верхней Оке должна была появиться соответственно в течение II в. н.э.

Попытка хронологически расчленил выделенные формы лощеной посуды путем наблюдения за их распределением по пластам успеха не принесла. Поскольку генетических корней на Верхней Оке лощеная керамика не имеет, то не исключено, что наряду с технологическим приемом был одновременно заимствован ряд форм лощеной посуды. Но необходимо подчеркнуть, что среди лощеных горшков есть формы, повторяющие формы горшков с грубой поверхностью, причем те, которые специфичны именно для верховьев Оки.

Детального технологического исследования керамики с грубой поверхностью так же, как и с лощеной, не проводилось. Можно описать лишь те ее особенности, которые не требуют специального изучения. Толщина стенок сосудов варьирует в пределах от 0,4 см до более чем 1 см; в придонной части стенки обычно толще, чем в остальной части тулова. Толщина стенок не зависит от размеров сосуда: есть сосуды очень большие, тонкостенные и, напротив, — маленькие, толстостенные.

Поверхность обрабатывалась с разной степенью тщательности: иногда заглаживалась так аккуратно, что ее можно спутать с некачественным лощением, но значительно больше сосудов с неровной, бугристой, поверхностью, на которой выступают зерна примесей; в качестве последних использовались песок и дресва различной степени измельченности. Традиция добавления в тесто шамота в Мощинах неизвестна.

Керамика с грубой поверхностью представлена почти исключительно горшками; обнаружено всего несколько фрагментов мисок, повторяющих формы лощеных.

К сожалению, целых форм керамики с грубой поверхностью на памятнике мало, для формализованной обработки недостаточно. Поэтому применение распространенного сейчас метода описания форм по соотношению высоты сосуда и различных его диаметров невозможно. В связи с этим предлагаемая классификация основана на рассмотрении форм венчиков и верхней части тулова и имеет описательный характер.

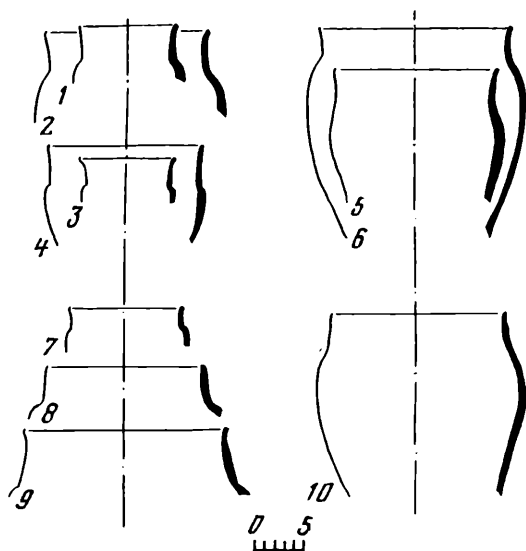

Рис. 3. Формы горшков типов I (1-6) и II (7-10)
1, 2 — вариант I—1; 3, 4 — I—2; 5, 6 — I—3;
7, 9 — II—2; 10 — II—3

В зависимости от постановки венчика — вертикальный (рис. 3, 1-6), загнут внутрь (рис. 3, 8-10), отогнут наружу (рис. 4, 1-31) — горшки делятся на типы.

Характером перехода от венчика к тулову — резкий (рис. 4, 1-4), резкий, через уступ с перетяжкой по шейке (рис. 3, 3, 4, 9; 4, 5-8), плавный (рис. 3, 5, 6, 10; 4, 9, 10) — определяется вариант внутри типа.

В соответствии со степенью отогнутости венчика и его высотой выделяются виды и разновидности внутри варианта (рис. 3, 11-31).

Классификация одного и того же материала может быть, как известно, различной, в зависимости от задачи, которая при этом ставится. Предлагаемая схема — лишь первая попытка охватить и упорядочить все обнаруженные на памятнике формы. Ее недостатки очевидны, в частности, из-за того, что совершенно не учитывались пропорции, в одном ряду оказываются сосуды, существенно различающиеся по форме. Эта схема — только для демонстрации форм; для работы непосредственно с самими формами, очевидно, следует выработать иной подход к классификации.

Необходимо остановиться на орнаментации керамики, так как известно, что она может служить надежным хронологическим и культурным признаком.

На рассматриваемом памятнике орнаментировалась лишь керамика с грубой поверхностью. Самым распространенным способом ее украшения был орнамент, нанесенный по краю венчика: обычно это прямые или косые насечки, резе — пальцевые и ногтевые вдавления и зацепы; отпечатки тупой палочкой. Подобным способом орнаментировано примерно 40% посуды.

В громадном большинстве случаев тулово сосуда не орнаментировалось. А если орнамент все-таки наносился, то чаще всего это были различного рода вдавления по шейке, верхней части тулова или сразу под венчиком, расположенные поясками — по одному, два, три.

Реже встречается другой орнамент, например прочерченный. Мелкие размеры фрагментов не всегда дают возможность представить характер узора, выполненного этим способом. В одном случае он имел вид крупного зигзага, опоясывающего шейку сосуда с высоким венчиком; в двух других — это были значки, представляющие одну из разновидностей свастики (рис. 2, в). Известно, были ли эти значки одиночными или входили в состав какой-то композиции. Подобные знаки встречены однажды на чернолощеном битрапецевидном пряслице города Мощины. Известно они и на грузиках "дьякова типа" с дьяковских поселений⁷. Очень интересен случай, когда на небольшом фрагменте стенки были прочерчены ромбы с крючками (рис. 2, з). Семантике этого орнамента в свое время большую статью посвятил А.К. Амброз, он связывает эти знаки с земледельческим культом⁸. В данном случае важно то, что этот орнамент встречается на сосудах почепской культуры⁹, а племена этой культуры, как уже отмечалось, признаются тем компонентом, который оказал существенное воздействие на формирование мощинской культуры.

Обнаружено всего 6 фрагментов сетчатой керамики. Связывать ее следует,

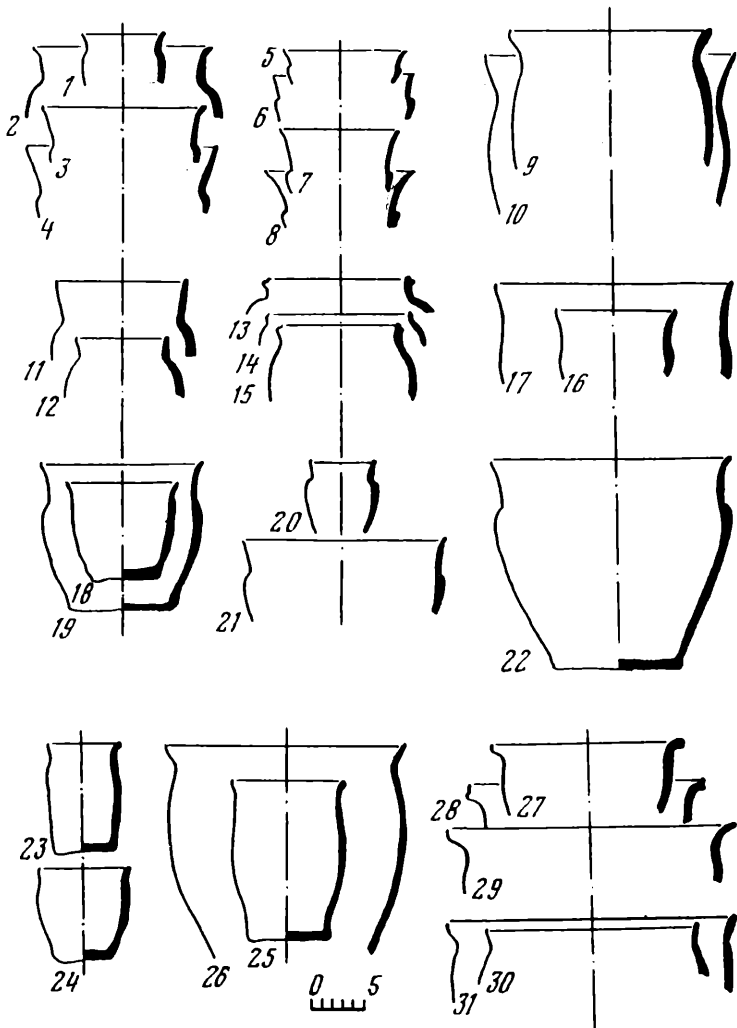

Рис. 4 Формы горшков типа III
 1—4 — вариант 1; 5—8 — вариант 2; 9, 10 — вариант 3; 11—31 — виды и разновидности различных вариантов

видимо, с самым нижним горизонтом культурного слоя, а сам факт ее наличия на памятнике объясняется, вероятно, контактами с соседним, дяковским, населением.

Наконец, так же редко встречается керамика с отпечатками перевитой веревочки — орнамент, широко распространенный в дяковской культуре на позднем ее этапе.

Наблюдение за распределением различных форм грубой посуды по слоям, как и в случае с лощеной, к существенным результатам не привело. Замечено лишь, что слабопрофилированные сосуды (рис. 4, 23, 24) встречаются преимущественно в нижних слоях, а формы с хорошо моделированными венчиками, с переходом от венчика к тулову через уступ, в массе своей — в средних и верхних.

О последней форме сосудов следует сказать особо. Во-первых, в Мощинах она количественно преобладает, и преобладает существенно. Во-вторых, Е.А. Шмидт как особый тип мощинской керамики выделил именно эту форму и считал ее специфической особенностью мощинского населения. Восточную границу тушемлинской куль-

туры в верховьях р. Угры он проводил, опираясь на факт отсутствия или наличия подобной керамики на памятнике¹⁰.

На городище и селище обнаружено большое количество миниатюрных сосудов, которые повторяют формы обычных горшков и мисок. Среди них есть сосудики как с лощеной, так и с грубой поверхностью. Некоторые из них, особенно лощеные, изготовлены тщательно; другие, преимущественно с грубой поверхностью — очень неаккуратно.

К сожалению, селище и городище Мощины — лишь второй памятник мощинского населения наряду с городищем Супруты¹¹, керамический материал которого составляет крупную коллекцию и доступен для обработки. Анализ керамики городища Дуна выполнен, к сожалению, на очень фрагментарном материале, дошедшем до нашего времени.¹²

Керамика с большинства поселений мощинской культуры, исследованных в конце XIX — начале XX в., не сохранилась, имеются лишь скудные ее описания. Почти так же обстоят дело и с керамикой из раскопок Т.Н. Никольской — в лучшем случае о ней можно судить по небольшим выборкам в статьях и полевых отчетах.

Такая фрагментарность состава коллекций исследованных мощинских поселений существенно затрудняет изучение керамики этого населения, так как имеющийся материал, и в первую очередь керамика городища и селища Мощины, свидетельствует о чрезвычайной разнохарактерности и неоднородности керамического комплекса племен мощинской культуры.

¹ Никольская Т.Н. Культура племен бассейна Верхней Оки в I тысячелетии н.э. // МИА. 1959. № 72.

² Никольская Т.Н. К этнической истории бассейна Верхней Оки // КСИА. 1966. Вып. 107. С. 7.

³ Никольская Т.Н. Культура племен... С. 9.

⁴ Массалитина Г.А. Мощинский клад и некоторые вопросы истории городища, с ним связанные // КСИА. 1991. Вып. 205.

⁵ Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966. С. 234—239, 266.

⁶ Кренке Н.А. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 89 (Архив ИА. Р-2, 2392).

⁷ Смирнов К.А. О систематизации грузиков "дыякова типа" с Троицкого городища // Древнее

поселение в Подмоскowie. М., 1971. С. 94. Рис. 8. 26.

⁸ Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ ("ромб с крючком") // СА. 1965. № 3. С. 14, 15.

⁹ Заверняев Ф.М. Археологические находки возле г. Почеп // КСИИМК. 1954. Вып. 53. С. 143. Рис. 63, 1, 1а; Он же. Почепское селище первых веков н.э. // СА. 1960. № 4. С. 184. Рис. 3, 1; С. 165. Рис. 7—8.

¹⁰ Шмидт Е.А. Днепро-двинские племена в I тысячелетии н.э.: Дис. ... докт. ист. наук. Смоленск, 1974. Табл. 107. (Архив ИА. Р-2).

¹¹ Пронин Г.Н. К вопросу о ранней дате городища Супруты // СА. 1975. № 3. С. 44—52.

¹² Носов Е.Н. Лепная керамика городища Дуна // КСИА, 1974. Вып. 140. С. 3—10.

А.М. ШОВКОПЛЯС, И.О. ГАВРИТУХИН

КОМПЛЕКСЫ ПРАЖСКОЙ КУЛЬТУРЫ С ОБОЛОНИ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ТИПА КОРЧАК

Поселение Оболонь расположено в северной части Киева, приблизительно в 1,5 км к северу от Кирилловского монастыря (рис. 1, а). Памятник находится на небольшом всхолмлении в пойме Днепра, на правом берегу не существующей ныне речки Почайны (рис. 1, б). В связи со строительством жилого массива он исследован практически полностью экспедицией Государственного исторического музея Украины под руководством А.М. Шовкопляс в 1965, 1969—1974 гг. Все материалы хранятся в этом

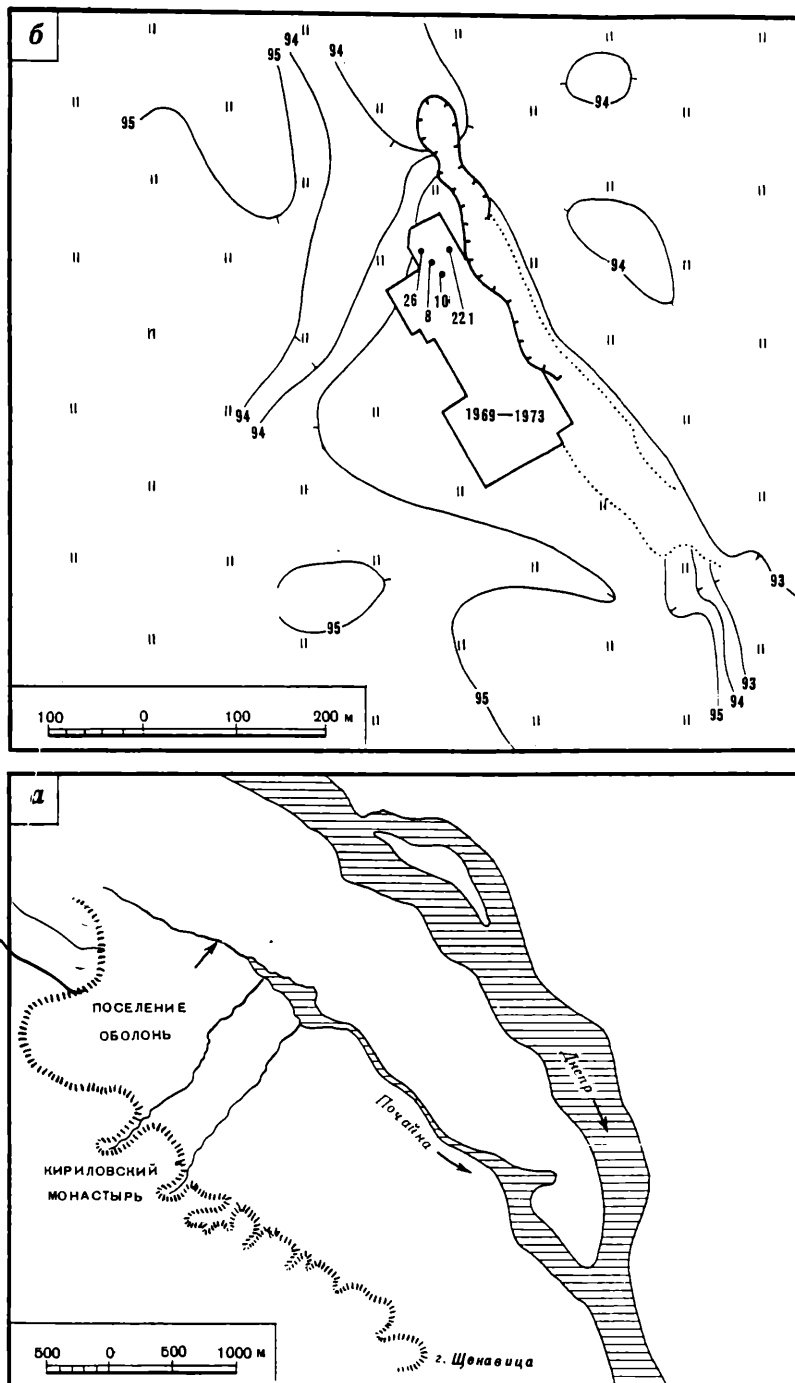

Рис. 1. Поселение Оболонь

a — ситуационный план; *b* — топографический план с границами раскопа 1969—1973 гг. и местами комплексов пражской культуры (8, 10, 26 — жилища; 221 — яма), точками ограничен разрушенный участок

музее. Памятник многослойный и некоторые сведения о нем отражены в печати¹. Цель настоящей работы — публикация материалов, связанных с пражской культурой, и обсуждение проблем изучения этих древностей.

Достаточно выразительные материалы пражской культуры происходят из трех жилищ, ориентированных углами по сторонам света, и одной ямы. Не исключено, что им синхронен ряд ям с малопоказательными остатками, однако судить об этом можно будет после полной обработки всех материалов. Приводимая ниже нумерация объектов соответствует полевой.

Жилище 8. Подпрямоугольное, со сторонами 3,6 и 3,1 м, углублено на 0,3—0,4 м от древней поверхности. В западном и восточном углах зафиксированы ямки диаметром 2,5 см, глубиной 15 см, в северном углу — печь-каменка с устьем на юго-восток, ее развал отделен от стен пространством шириной 5—10 см. В развале печи найдены три глиняных "хлебца", два из них целые; диаметр первого 8,5—9,5 см, на поверхности — черточки, неглубоко вдавленные тупым предметом, высота 5 см; диаметр второго 7—7,5 см, высота до 4,8 см; обломок железного ножа; керамика пражской и более ранних культур. Два округлых камня (в заполнении) длиной до 8 см, возможно, являлись "растиральниками" (рис. 2, 1—5).

Жилище 10. Квадратное, со сторонами 3,2 м, углублено на 0,2—0,15 м от древней поверхности. В южном углу — печь-каменка с устьем на северо-восток, ее развал удален от стен на 10—30 см. В заполнении зафиксированы скопления перегоревшей лозы, зола, уголь. Находки: много пражской керамики и несколько фрагментов сосудов предшествующих культур. Основная масса пражской керамики находилась около печи или в ее развале, миниатюрный сосудик — на поде печи (рис. 2, 15—22; рис. 3, 1—15).

Жилище 26. Прямоугольное, со сторонами 4,7 и 3,3 м, углублено от древней поверхности на 0,15—0,2 м. В северном углу — печь-каменка с устьем на юго-запад, ее развал отдален от стен на 0,40 м. В восточном углу — ямка диаметром 0,15 м, глубиной 0,2 м. Находки: обломки "хлебцев", аналогичные найденным в жилище 8, керамика пражской (в том числе на двух обломках — отпечатки ткани) и предшествующих культур (рис. 2, 6—12).

Яма 221. Яйцевидная, длиной 2,1 м, шириной 1,65 м, глубиной 0,5—0,6 м от древней поверхности. В верхней части заполнения зафиксированы выше пола на 0,3 м скопления пережженной глины. Находки: керамика пражской (в том числе 1 фрагмент с отпечатками ткани) и предшествующих культур (рис. 2, 13, 14).

Вся керамика пражской культуры на памятнике лепная, поверхность ее шероховатая, черепок плотный, тонкий (толщина основной массы стенок 5—7 мм, некоторые отклонения обусловлены, как правило, размерами сосудов). Основная примесь в тесте — мелкая, реже — крупная дресва, встречается и песок, хотя, возможно, это естественная примесь, некоторые фрагменты содержат мелкий шамот или спекшиеся кусочки не полностью промешанной глины, в ряде случаев в состав примесей входит слюда, которая, выступая на поверхность, образует блестящие на свету вкрапления². Тесто аналогичного состава характерно для пражской керамики Восточной Волыни и среднего течения Припяти³.

Ведущей, а может быть, и единственной группой керамики из комплексов являются горшки. Все определяемые экземпляры имеют характерное для пражской культуры расширение в верхней трети и диаметр венчика, превышающий диаметр дна (рис. 2; 3). Фрагменты трех сосудов из жилища 10 имеют "расчесы", сделанные щепкой или сухой травой по сырой глине. Аналогичное оформление изредка встречается на пражской керамике, например, в жилище 11 поселения Корчак I, на поселении Корчак-Денеши⁴.

Возможно, миска, найденная в печи жилища 26, принадлежит не пражской культуре, а, например, зарубинецкой, хотя подобные встречаются и в пражских комплексах, например — погребение на поселении Тетеревка. Фрагмент миски довольно плотный, красно-коричневого цвета, поверхность — шероховатая, в тесте

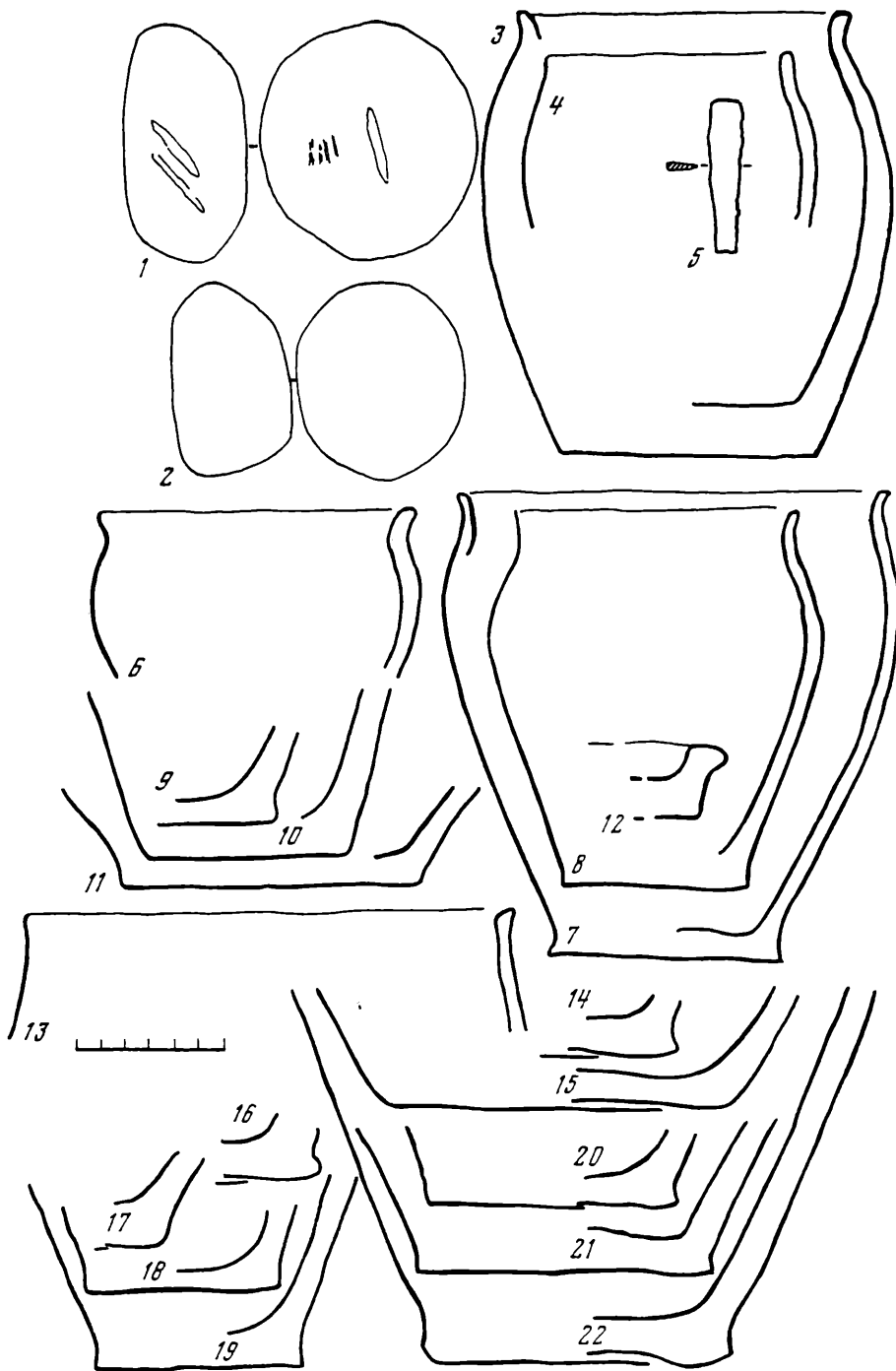

Рис. 2. Находки с поселения Оболшь

1—2 — глиняные "хлебцы"; 3—4 — керамика; 5 — железный нож — все из жилища 8;
 6—12 керамика из жилища 26; 13—14 — керамика из ямы 221; 15—22 — керамика из жилища 10

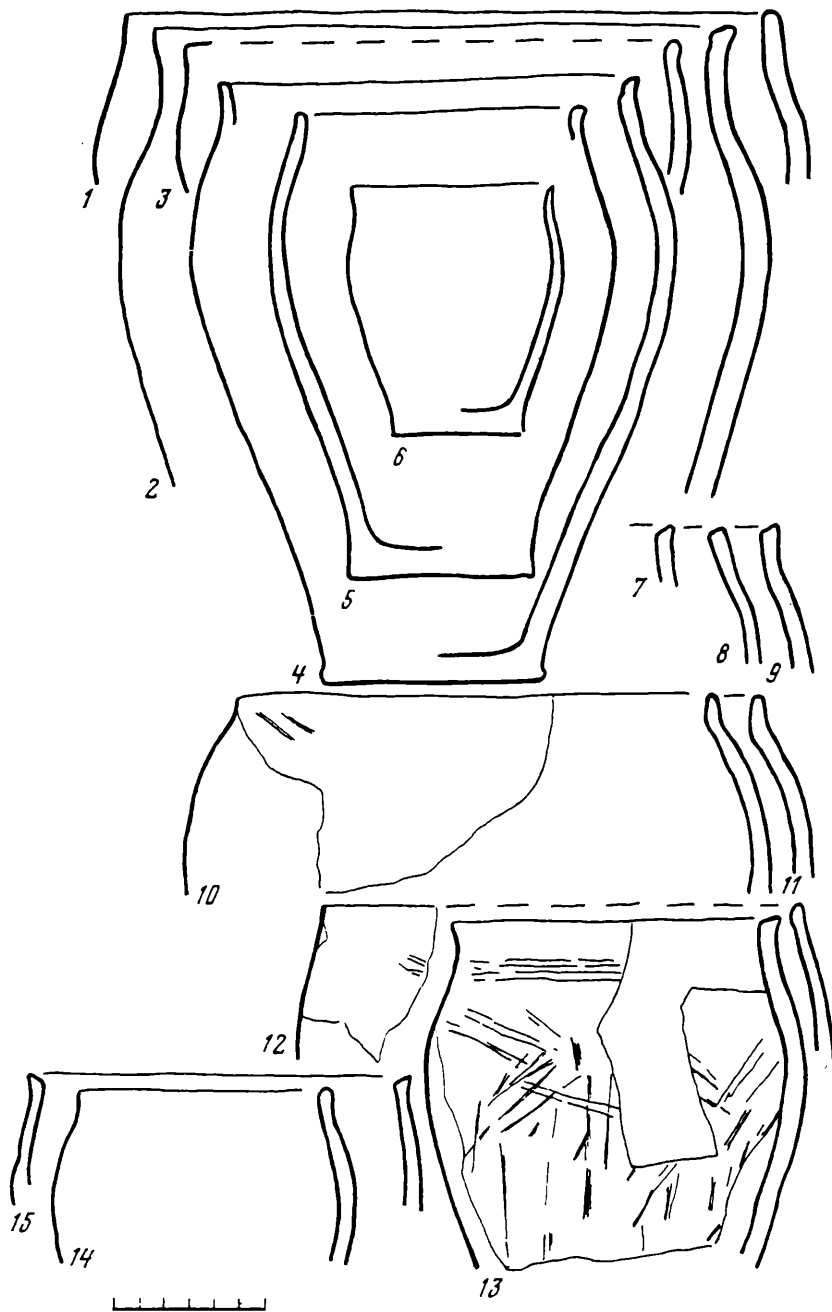

Рис. 3. Керамика (1—15) из жилища 26 с поселения Оболшь

преобладает примесь мелкотолченого шамота. Во всех описанных комплексах, помимо пражской, есть и обломки керамик различных более ранних культур, это обычно на многослойных памятниках, тем более что в ряде случаев постройки пражской культуры перекрывают более ранние.

"Хлебцы" сделаны из глины, схожей в основном с употребляемой для изготовления керамики. Аналогичные изделия встречаются на памятниках пражской и черняховской

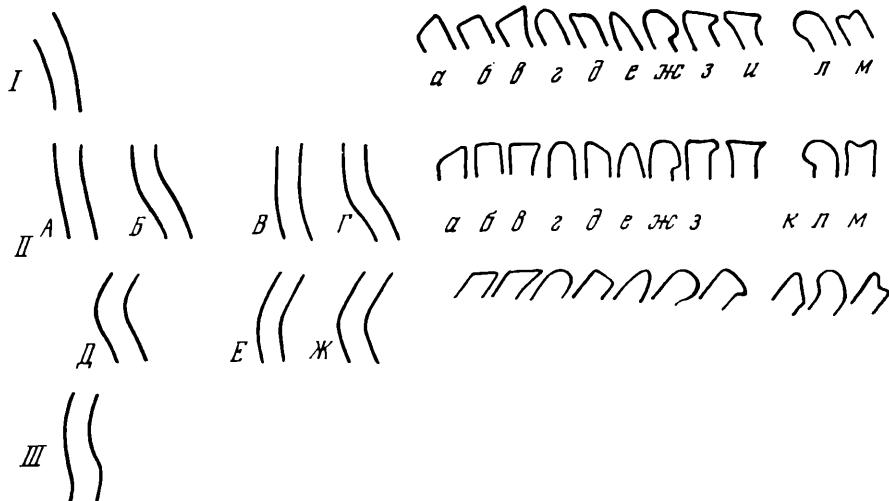

Рис. 4. Схема классификационных признаков керамики пражского типа

культур Восточной Волыни⁵, есть они и в более западных областях, например, в сооружении 2 поселения Рудники и жилище 1 в Неслухове на Верхнем Днестре⁶, в жилище 4а поселения Зимно 4 на Западной Волыни⁷, в сооружении 2 поселения Дедово и в жилище 2 поселения Галоч в Закарпатье⁸.

Обломок ножа из жилища 8 исследовался В.Д. Гопаком. Нож был изготовлен из грубого кричного железа, микроструктура — крупнозернистый феррит, микротвердость — 100 кг/мм².

Конструкция построек обычна для памятников пражской культуры, колебание углубленности жилищ связано, по-видимому, с топографией и климатическими условиями древних поселений, глубина оболоньских жилищ не выпадает за рамки вариативности глубины жилищ пражской культуры. Печи-каменки, по определению И.Г. Пидопличко, в жилище 8 сложены из серого гранита и полтавского песчаника, а в жилище 10 — из крупных камней харьковского песчаника.

Единственная возможность датировать комплекс Оболони — типологический анализ керамики и сопоставление с памятниками, имеющими такую же посуду.

Основы наиболее эффективной современной хронологической классификации пражской керамики сформулированы в работах И.П. Русановой⁹, в них показано, что сочетания вариантов, выделенные на основании различия профилировки верхней части сосуда имеют хронологическое значение. Существенным признаком является и оформление венчика сосуда, на что обратил внимание Б.А. Тимошук¹⁰ и что успешно применил при классификации пражской керамики Польши М. Парчевский¹¹. На сочетании этих признаков и базируется наша классификация.

Сосуды пражского типа подразделяются на имеющие выгнутое плечико и невыраженный венчик (тип I); такое же плечико и заметно моделированный венчик (тип II); прогнутое плечико, плавно переходящее в моделировку венчика (тип III). Для второго типа значимы разновидности, выделяемые по степени профилированности плечика, длине и степени отогнутости венчика. Типологическая практика показывает, что в определенных сочетаниях требуется учитывать не все из указанных признаков. Таким образом, получаются следующие разновидности типа II: а — короткий прямой венчик, пологое плечо; б — такой же венчик, крутое плечо; в — длинный, близкий к прямому венчик, пологое плечо; г — такой же венчик, крутое плечо; д — короткий отогнутый венчик, характеристика плеча не важна; е — длинный не сильно отогнутый венчик, пологое плечо; ж — такой же венчик, крутое плечо; з — сильно отогнутый венчик.

Таблица 1

**Совстречаемость в комплексах вариантов керамики ранних фаз
памятников типа Корчак**

Название памятника, номер постройки	Хронологические варианты керамики							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Корчак VII, 13								б
Корчак VII, 10								б
Корчак VII, 15						в	а	б
Лука Каветчинская, 277								
Оболонь, 26								
Оболонь, 8						в		
Корчак I, 11						в	а	
Кодын I, 10								б
Корчак I, 8						зв	а	
Корчак I, 12					в	в		
Корчак VII, 6					б	зв		б
Корчак VII, 7				г	б	з		б
Корчак VII, 14						в	а	б
Корчак I, 9			г					б
Корчак I, 2		аж	а	г	бв	зв		б
Корчак I, 10					б			б
Корчак VII, 1					б		а	
Корчак VII, 2				г	б	з	а	б
Тетеревка, 23		з	з	г	бв	в		
Тетеревка, 4		а		е			а	б
Корчак IX, 5		а		г	бв			
Корчак IX, 4					б	в		
Корчак IX, 2					в	в		б
Кодын I, 21						з	а	б
Корчак VII, 8						зв		б
Корчак VII, 3		д			б	зв	а	б
Корчак VII, 5		бг				в	а	б
Корчак I, 4		ав	б					б
Корчак I, 1	а			г				
Корчак IX, 3	а					в		
Корчак IX, 1	а		б	г		в	а	б
Корчак IX, 6	а				бв			б
Оболонь, 10	а	а		г	б		а	б
Тетеревка, 21	а	ж		г	в	зв	а	б
Тетеревка, 20	а	бж	з	г	бв	зв		
Тетеревка, 19	а	а			бв	зв	а	
Тетеревка, 1		ав				в		б
Корчак I, 5	а				б	з	а	б
Корчак I, 3	а		г	б				
Корчак VII, 16	а				в	в		
Корчак VII, 11	а				б			
Остров	за	ав				в		б

В один вариант сведены следующие группы керамики (шифр соответствует обозначениям на рис. 4: 1 — ПАЗ, а; 2 — 1а,б,в,г,д,ж; 3 — П Га,б,з; 4 — ПАг,е; 5 — ПАб,в; 6 — ПБз; 7 — ПБа; 8 — ПБб; 9 — ПБг; 10 — ПДг,е; 11 — ПБж; 12 — ПДб; 13 — ПАм; 14 — ПБд,и; 15 — ПБм; 16 — некоторые единичные формы. Подчеркнуты шифры форм, встреченных в комплексе неоднократно. Буква в клетках таблицы соответствует шифру среза в рамках варианта.

Прямым или близким к прямому считается венчик, отогнутый не более чем на 10°, сильно отогнутый — отклоненный более чем на 25°, крутым считается плечико, касательная к которому в месте наибольшей загнутой (максимум тенденции к закрытости сосуда) отклонена от вертикальной оси сосуда более чем на 30°, длина короткого венчика не превышает одной десятой диаметра горла. Основные способы моделирования венчика, встречаемые на керамике пражского типа, приведены на рис. 4. В зависимости от того, является ли венчик загнутым внутрь, наружу или прямым, каждый способ моделирования имеет три (иного, одну-две) модификации. Шифры и образцы упомянутых признаков отражены на рис. 4. По сочетанию признаков образуются группы, обозначаемые шифром признаков. Вариант состоит из групп, сходных морфологически и однозначных для целей, стоящих перед классификацией.

Из приведенной выше характеристики материала следует, что для комплексов пражской культуры поселения Оболонь ближайшими географически и по характеру материальной культуры, хорошо исследованными памятниками являются поселения в районе Житомира, у сел Корчак и Тетеревка; с их керамикой и следует сопоставлять оболоньскую. Результаты корреляции вариантов верхних частей сосудов с этих памятников сведены в таблицу. Керамика включенных в нее комплексов составляет постепенно меняющийся набор вариантов. Комплексы с Оболонь не дают резко выделяющихся из общей массы вариантов или специфичных групп, следовательно, их датировка соответствует дате комплексов из-под Житомира, расположенных в таблице рядом.

Основания для датировки памятников типа Корчак изложены в работах И.П. Русановой. При введении их в научный оборот она показала, что керамические комплексы поселений Корчак, I, VII, IX и схожие с ними характерны для наиболее ранних памятников пражской культуры. Комплексы следующего горизонта датировались в рамках VII в. (ряд комплексов из Подрижья, Демьянова, Городка — археомагнитным способом и пальчатой фибулой; некоторые комплексы Рипнева и нижний слой Хотомеля — типологически и стратиграфически старше горизонта VIII—IX вв. на этих памятниках, датированного вещами), соответственно для памятников типа Корчак была предложена дата VI в.¹²

Раскопки 1970-х годов на Среднем Днестре дали достоверные комплексы керамики, типологически схожие с корчакской и датированные гончарной керамикой черняховского облика (Кодын I, Рашков III, Лука-Каветчинская — все без слоя римского времени) и фибулами второй половины (Кодын¹³) и конца Vв. — начала VI в. (Лука-Каветчинская¹⁴). Это позволило уверенно говорить о фазе I пражской культуры, датируемой в рамках V в., и соответственно удревнить дату корчакских поселений¹⁵.

Включение в корреляционную таблицу материалов из комплексов, датированных фибулами, позволяет уточнить эту дату. Но может возникнуть сомнение: отражает ли корреляционная таблица хронологическое соотношение комплексов, ведь для объяснения фиксируемых различий можно предположить культурную переменчивость и чересполосицу проживания носителей различных традиций. Например, комплексы, попавшие в нижнюю часть таблицы, отражают одну микротрадицию (племя, род и т.п.), а попавшие в верхнюю часть — другую, контактирующую и обменивавшуюся носителями традиции с представителями первой (брачные связи, совместное поселение и т.п.). Однако если такое предположение было бы трудно опровергнуть на материалах компактной группы, то открытие оболоньских комплексов, значительно удаленных от житомирских, и тем не менее естественно вписавшихся в разные части таблицы, делает более логичным предположение о хронологическом основании различий набора вариантов в комплексах.

Материалы таблицы показывают, что в представленных памятниках выделяется по несколько групп жилищ, имеющих типологически сходные комплексы керамики. По-видимому, жилища, составляющие такие группы, были заброшены в течение довольно короткого отрезка времени. Смена наборов сосудов, характерных для групп жилищ,

отражает эволюцию керамического комплекса поселения и культуры в целом. Это позволяет выделять фазы жизни на поселениях и синхронизировать их. Таким образом, датирующая вещь, встреченная хотя бы в одном жилище фазы, позволяет оценить хронологическую позицию всех комплексов, имеющих типологически близкий набор посуды.

Таким образом, получается, что жилище 10 и яма 221 составляют фазу горизонта 1 пражской культуры на поселении Оболонь, относящуюся к периоду "О" и датируемую временем до середины V в. Жилища 8 и 26 составляют фазу 2, датируемую в рамках конца V — начала VI в.¹⁶ Очевидно, что эти фазы составляют не последовательную смену жилищ одной группы людей, как на поселениях около Корчака, а двукратное заселение поселения в Оболони родственными, но различными группами. Это подтверждается и различиями в деталях конструкции жилищ. Жилище 10 — подквадратное, без столбовых ямок, а жилища 26 и 8 слегка вытянуты, с единичными столбовыми ямками, их печи сделаны из камней другого сорта и с применением "вальков". Кроме того, жилище 10 погибло в огне, жилища 26 и 8 были заброшены.

Набор керамики, типологически схожий с кодынским, датированным фибулами, как явствует из таблицы, не самый ранний. Выделяется группа комплексов, керамика которых составляет более архаичный набор, — фаза О. Фаза IA, IB, IV, II выделены соответственно фазами пражской культуры, которые базируются на материалах хорошо изученных и датированных памятников Прикарпатья и Среднего Поднестровья¹⁷.

Датировка выделенной фазы 0 зависит от решения проблемы соотношения этих памятников с черняховскими. Отсутствие бесспорных свидетельств контактов жителей корчакских поселений с "черняховцами" может быть следствием их одновременности. На памятниках Восточной Волыни не найдены вещи 5-й ("журавской") фазы черняховской культуры (по Е.Л. Гороховскому¹⁸). В то же время в Пряжеве и других пунктах известны выразительные вельбарские элементы¹⁹. Можно предположить, что жизнь на черняховских памятниках, расположенных южнее Житомира, прекратилась около 375–380 гг. в связи с уходом на Дунай одной из "готских" групп после первых ударов гунов по державе Германариха. Тогда фаза 0 пражских поселений в Корчаке должна датироваться в рамках четвертой четверти IV — первой половины V в.

Нельзя исключить и возможность сосуществования пражской и черняховской культур под Житомиром. Косвенными признаками этого может служить факт распространения наиболее ранних памятников пражской культуры на Восточной Волыни к северу от верховьев р. Тетерев, а черняховских и вельбарских — к югу²⁰. Отсутствие отчетливых свидетельств контактов может быть следствием либо источниковедческой ситуации²¹, либо неинтенсивностью контактов носителей этих культур. Верхней датой фазы 0 следует признать начало — середину V в., проблема нижней даты остается открытой. Окончательное предпочтение тому или другому решению могут дать только новые материалы.

¹ Шовкопляс А.М. Памятники зарубинецкого времени в г. Киеве // МИА. 1969. № 160. С. 80; Она же. Раннеславянское поселение в Киеве // АО 1969 г. М., 1970. С. 266, 267; Она же. Поселение зарубинецкой культуры в Киеве // АО 1970 г. М., 1971. С. 279, 280; Она же. Раскопки на Оболони в Киеве // АО 1971 г. М., 1972. С. 357, 358; Она же. Раскопки зарубинецкого поселения в Киеве // АО 1972 г. М., 1973. С. 350, 351; Она же. Раскопки раннеславянских поселений на Оболони в Киеве // АО 1973 г. М., 1974. С. 362, 363; Она же. Работы на Оболони в Киеве // АО 1974 г. М.,

1975. С. 373, 374; Она же. Древние и раннесредневековые славянские памятники на территории Киева // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Киев, 1988. Т. 4. С. 235–240. В некоторых публикациях поселение именуется "Луг" или "Луг I".

² Специальному исследованию состав теста керамики не подвергался, приведенное описание носит предварительный характер, а статистика отсутствует.

³ Например, посуда из Корчака, Тетеревки, Луки Райковецкой, Петрикова, Кожан-Городка и др. Коллекции с этих памятников хранятся в фондах

- ИА РАН, ИА Украины, Института истории Белоруссии.
- 4 Раскопки и разведки И.П. Русановой. Материал зрится в фондах ИА РАН.
- 5 *Русанова И.П.* Славянские древности VI-IX вв. Между Днепром и Западным Бугом // САИ. 1973. Вып. Е1-25. С. 13; *Винокур И.С.* Старожитності Східної Волині першої половини I тис. н.е. // Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету. Чернівці, 1960. Т. VIII. Серія археологічна. Вип. I. С. 58, 73.
- 6 Раскопки В.Н. Цыгылыка в 1980 и 1983 г. Благодарим автора за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.
- 7 Раскопки И.О. Гавритухина в 1989 г. в составе Прикарпатской Экспедиции ИА АН СССР (начальник И.П. Русанова).
- 8 Поселение в Дедово раскапывалось в 1986 г. В.Г. Котигорошко. Благодарим его за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом. О поселении Галоч см.: *Пеняк С.И.* Новые раннеславянские памятники середины I тыс. н.э. в Закарпатской области УССР // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 4. С. 175-177.
- 9 *Русанова И.П.* Керамика раннеславянских поселений Житомирщины // *Archeologické rozhledy*. Praha, 1968. XX-5. S. 576-582; *Она же.* Славянские древности VI-VII вв. М., 1976. С. 16-36; *Она же.* Классификация керамики типа Корчак // *Slavia Antiqua*. 1984-1987. т. XXX. S. 93-100.
- 10 *Тимошук Б.О.* Слов'яни Північної і Буковини V-IX ст. Київ, 1976. С. 11, 12.
- 11 *Parczewski M.* Pozzaki kultury wczesnosłowianskiej w Polsce. Krytyka i datowanie źródeł archeologicznych. Wrocław, Warszawa, Krakow, Gdańsk, Łódź, 1988. S. 51-66.
- 12 *Русанова И.П.* Славянские древности ... С. 17-20.
- 13 *Гавритухин И.О.* Кодынские фибулы. Типы и некоторые проблемы интерпретации // *Археология и история западных балтов*. Клайпеда, 1989. С. 78-85.
- 14 *Вакуленко Л.В., Приходнюк О. М.* Славянские поселения I тыс. н. э. у с. Сокол на Среднем Днестре. Киев, 1984. С. 72-76.
- 15 *Русанова И. П.* О ранней дате памятников пражского типа // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978. С. 138-143.
- 16 То, что период жизни на поселение представлен иногда 1-2 жилищами, не должно казаться странным. Во-первых, в таблицу включены не все, а наиболее представительные комплексы, во-вторых, период жизни, представленный на поселении 1-3 домами, встречается и на других поселениях пражской культуры, см.: *Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Колдын - славянские поселения V-VIII вв. на р. Прут. М., 1984. С. 41-45, 72. О том, что небольшие поселения типичны для культуры сходного с пражской уровня социально-экономического развития, см.: *Горюнов Е.А.* Ранние этапы истории славян Днепрпетровского Левобережья. Л., 1981. С. 14.
- 17 *Русанова И.П., Тимошук Б.А.* Кодын... С. 23-28, вклейка.
- 18 *Гороховский Е.Л.* Хронология черняховских могильников лесостепной Украины // Тр. V Междунар. конгресса археологов-славистов. Т. 4. С. 34-46.
- 19 *Кухаренко Ю. В.* Вольнская группа полей погребений // СА. 1958. № 4. С. 223-226.
- 20 На это обратил внимание И.И. Випокур, См.: *Винокур И.С.* Старожитності... С. 95.
- 21 Есть сведения о совместной находке пражской и черняховской посуды севернее р.Тетерева в Корчаке и Катериновке, но эти данные не являются полностью достоверными, см.: *Кухаренко Ю.В.* Славянские древности V-IX вв. На территории Припятского Полесья // КСИИМК. 1955. Вып. 57. С. 34.

Ю.Ю. МОРГУНОВ

ТРИ ГОРОДИЩА XII-XIII ВВ. В СРЕДНЕМ ПОСУЛЬЕ

Посульским отрядом Института археологии продолжается изучение древнерусских крепостей, построенных в XI-XIII вв. для укрепления юго-восточной границы Переяславской земли. Сплошное археологическое обследование позволяет выяснить общие принципы и проследить локальные особенности обороны окраин государства от кочевников¹, локализовать и надежно увязать с датированными памятниками летописные города², составить новые вопросы в их изучении.

В настоящей статье публикуются материалы, полученные в результате полевых работ на трех древнерусских укреплениях. Они расположены на правобережье Средней Сулы; в литературе известны давно, но очень поверхностно.

Городище у с. Свиридовка известно по сведениям 1873 г. и опросным листам Полтавского статистического управления³. Впервые обследовано М.Д. Ренским в

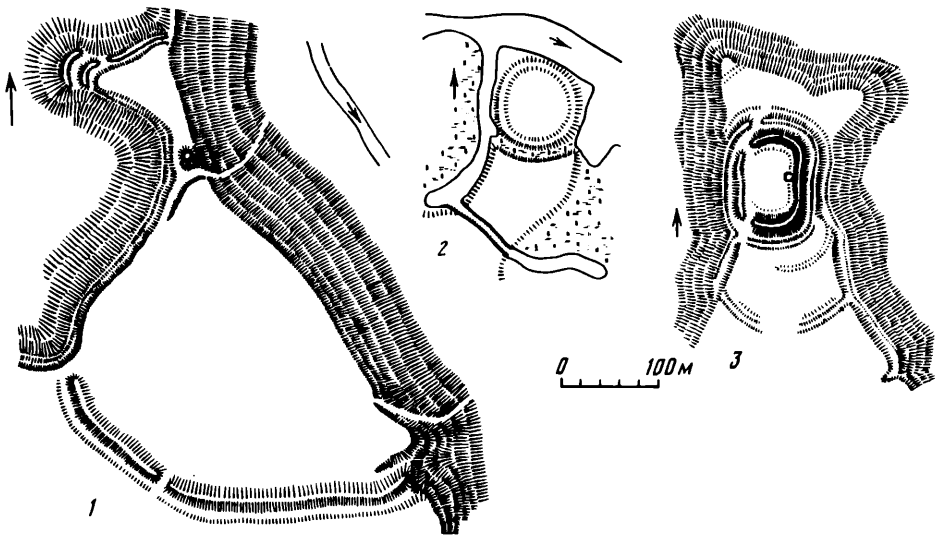

Рис. 1. Платы городищ
 1 — Свиридовка; 2 — Безсалы; 3 — Бербеницы

1925 г.⁴, затем изучалось М.М. Семенчиком, Ф.Б. Копыловым, И.И. Ляпушкиным, А.А. Моруженко, М.П. Кучерой, О.В. Сухобоковым⁵ и автором.

Памятник расположен на восточной окраине села, на высоком (65 м) мысу третьей надпойменной террасы, образованном крутыми склонами к оврагу и правому берегу Сулы, и состоит из двух частей, соединенных узким перешейком (рис. 1, 1).

Северная часть (уроч. Детинец) имеет подтреугольную в плане форму, ее размеры 100 x 75 м (0,4 га), поверхность залесена. Северный и западный, наиболее пологие склоны детинца и всего мыса, эскарпированы, по внешнему краю эскарпа прослеживается невысокий вал. Западный склон к оврагу снабжен еще двумя валами метровой высоты и заплывшим рвом. Площадка детинца на 2 м ниже уровня плато.

От основания мыса, с юга, детинец защищен башнеобразным возвышением (18 x 30 м) высотой 4 м и плоской вершиной. Въезд огибает его с запада и пересекает ров, имеющий ширину 20 м и глубину от уровня плато 3,5 м. Из рва имеется также спуск к твердым бродам через обширную заболоченную пойму и русло Сулы.

Южная часть памятника (уроч. Городище), вероятно, являвшаяся укрепленным посадом, занимает основание мыса и имеет подтреугольную в плане форму; ее размеры 340 x 250 м (3,9 га), поверхность неровная, большей частью распахивается почти до гребня вала. Северо-восточная сторона площадки опирается на крутой склон к Суле, более пологий северо-западный склон к оврагу подрезан эскарпом, а с юга площадка защищена мощным дугообразным валом высотой 2,5 м с заплывшим рвом шириной 10 м и глубиной 1,5 м. Вал прорезан в двух местах, древний въезд, видимо, западный; еще один въезд ведет в пойму.

За пределами укрепления подъемный материал встречается по огородам села на очень большой площади.

Культурный слой детинца (толщиной 0,4 м) слабо насыщен роменской и древнерусской керамикой середины XII – первой половины XIII в. (рис. 2, 1; 3, 1) хорошо известный по раскопкам городища летописного города Полаш⁶.

Разрез внутреннего склона башнеобразного возвышения показал, что его материковая основа является продолжением уровня более высокого плато. Первоначально эта материковая гряда была отрезана от плато рвом. Произошло это еще в роменское время, поскольку в материке встречено углубление с роменской керамикой; на это же

Рис. 2. Материалы городищ
 1—20, 22 — Свиридовка; 19, 23—29 — Бербеницы; 30 — Безсалы

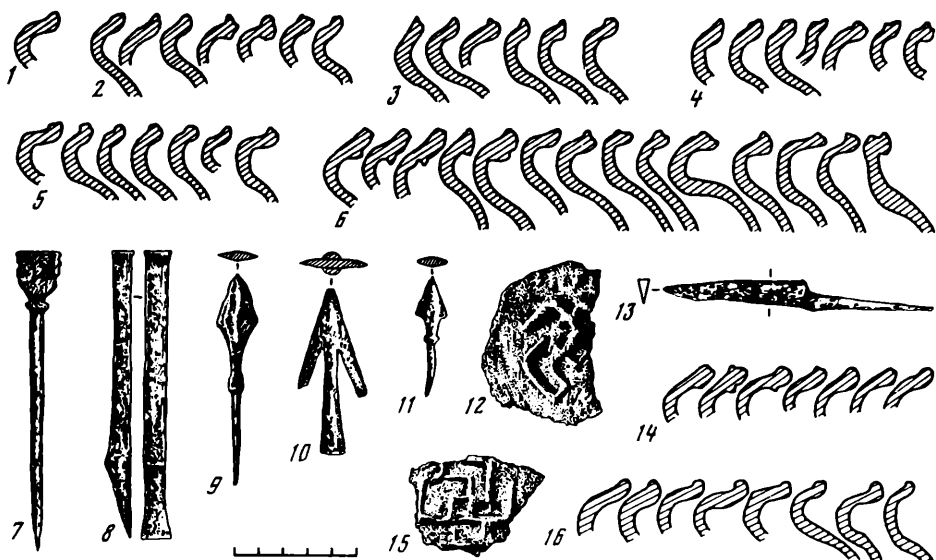

Рис. 3. Вепчки глиняных сосудов и шапки
1—13, 15 — Свиридовка; 14, 16 — Бербеницы

указывают необычайно широкий ров и эскарпирование склонов, характерное для фортификации VIII–X вв.

Основа вала насыпана из материковой глины с примесью счищенного с площадки культурного слоя с керамикой начала – середины XII в. (рис. 3, 2) Рядом с основой вала расчищено углубление с керамикой середины XII в. (рис. 2, 2–4; 3, 3), перекрытое при последующей досыпке вала материалом второй половины XII – первой половины XIII в. (рис. 3, 4, 5). Таким образом, древнерусское оборонительное сооружение детинца создано около середины XII в.

На распахиваемой поверхности "городища" собран обильный подъемный материал. Наиболее ранняя керамика относится к эпохе поздней бронзы и скифской позднезольничной культуры; встречено несколько обломков черняховской и роменской посуды; имеется немного материала XIV и XVII–XVIII вв. Но основная масса керамики относится к древнерусскому времени, начиная от рубежа X и XI в. до середины XIII в. (рис. 2, 5–8, 11; рис. 3, 6). Аналогичная керамика из сборов М.Д. Ренского 1925 и 1936 г. хранится в фондах Лохвицкого музея (рис. 2, 18, 19). Подобный материал собрал И.И. Ляпушкин в 1948 г., а М.П. Кучера и О.В. Сухобоков – в 1971 г. Одной из особенностей орнаментики гончарных клейм является резкое преобладание прямоугольных очертаний над округлыми (рис. 3, 12, 15). Среди подъемного материала нередко фрагменты амфор, оселки, серые и розовые шиферные пряслица различной формы и размеров, куски необработанного розового шифера; найден также железный ромбовидный наконечник стрелы с расширением в середине пера, характерный для XII–XIII вв. (рис. 3, 9)⁷.

В центральной, возвышенной части "городища" культурный слой имеет мощность до 2 м, подавляющее большинство керамики относится к древнерусскому времени (рис. 2, 9, 12–17). Ближе к напольному валу толщина культурного слоя не превышает 0,6 м, здесь встречена скифская керамика; вероятно, древнерусский слой был счищен на досыпку вала.

В результате прорезки внутреннего склона вала "городища" выяснилось, что он возведен на культурном слое эпохи бронзы (достигающем под валом толщины 0,5 м)

еще в скифское время, ибо для балластных насыпок использован только этот, наиболее древний слой. После мощного пожара вал досыпался срезанным с площадки скифским культурным слоем. Это – первая древнерусская реконструкция оборонительных сооружений; стратиграфически и по керамике она датируется временем около середины XII в., выше прослежено еще два ремонта.

Неустанным энтузиазмом известного краеведа П.К. Винниченко в местном музее собрана интересная коллекция подъемного материала. С территории "городища" происходят следующие находки: два железных наконечника стрел – плоский черешковый с боковыми выступами, изготовленный (по А.Ф. Медведеву) в середине XII – первой половине XIII в.⁸ и двушипный втульчатый второго типа, ближайšie аналогии которому датируются XI и XII в.⁹ (рис. 3, 10, 11); грушевидные крестопорезные бубенчики середины X – середины XII в.¹⁰; железное долото; железное писало с полукруглыми зубчиками по краям лопаточки (тип 4, по А.Ф. Медведеву), новгородские аналогии датируют эту находку второй половиной XI – первой половиной XII в.¹¹ (рис. 3, 7, 8.); пружинные ножницы (рис. 2, 20) и ныне утраченная свинцовая актовая печать.

На селище найден железный топор XI в. с оттянутым лезвием и боковыми щекавицами (рис. 2, 22)¹², а в 3 км от памятника – наконечник копья с широким пером удлиненно-треугольной формы, датируемый X–XI вв. (рис. 2, 10)¹³.

Городище у с. Бербеницы обнаружено М.Д. Ренским¹⁴, обследовано автором в 1982 г. Памятник расположен в 1,5 км к югу от села, справа от дороги Лохвица–Прилуки, в лесу; занимает середину высокого (29 м над поймой) мыса, образованного оврагами, впадающими справа в долину р. Сухая Лохвица (уроч. Лес, Городище, Вали).

Площадка имеет в плане форму, частично подчиненную особенностям рельефа, восточная и западная стороны опираются на параллельные края мыса, а на севере и юге строители максимально округляли торцевые стороны укреплений (рис. 1, 3). Поверхность площадки, имеющей размеры 75 x 45 м (0,35 га), попорчена кладоискательством, у ее восточного края размещается воронка колодца (12 x 14 м) глубиной 3 м. Вдоль всего периметра площадки, перед валом, прослеживается ровик от выборки грунта для досыпки вала.

Площадка защищена двойным кольцом валов и рвов, на севере и юге прорезанных сквозным проездом. Внутренний вал наиболее высок с южной (напольной) стороны – до 3 м, наиболее низок с боковых сторон – 1 м. Первый ров имеет глубину до 2 м. За первым рвом следует второй вал; на севере и юге высота его (от дна первого вала) достигает 5 м, а на боковых сторонах второй вал насыпан вдоль склона, ниже уровня площадки. С напольной (южной) и западной (наиболее крутой) сторон второй ров отсутствует, а на мысовой (северной) стороне второй ров, имеющий ширину 10 м и глубину 2 м, огибает второй вал и переходит на востоке в эскарп с небольшим валиком по внешнему краю. Эскарп огибает восточный, более пологий склон оврага и продолжается на юг за пределами городища еще на 170 м, защищая таким образом и посад, и часть селища. Подобный эскарп защищает и западный край посада.

Еще одна линия укреплений, видимо, защищавшая посад, на севере (в мысовой части) представлена наибольшим отрезком заплывшего рва, а на юге (в напольной части) – двумя дугами невысоких (0,3–0,5 м) валов и рвов шириной по 10 м при глубине до 2 м, выклинивающихся из эскарпов. Площадь укрепленного посада на напольной стороне мыса достигает 1,6 га.

Основание мыса за пределами укреплений и часть примыкающего плато заняты селищем площадью более 5 га; оно частично распаивается. Культурный слой на площадке городища имеет толщину 0,6 м и содержит керамику второй половины XI – середины XIII в. (рис. 2, 21, 24, 29; рис. 3, 14, 16). Среди находок обращают на себя внимание фрагменты керамического водолея, формой изображающего взнузданного

коня. Водолей вылеплен из красной глины, снаружи и частично изнутри покрыт зеленой поливой и местами поврежден вторичным обжигом (рис. 2, 23). Керамика из сборов М.В. Ренского, хранящаяся в Лохвицком краеведческом музее, аналогична (рис.2, 27, 28).

В южной части площадки городища сделана прорезка внутренней половины первого вала. Стратиграфия разреза и распределение в нем керамики показали, что основа вала возведена не ранее первой половины XII в.

В мысовой части посада культурный слой не прослежен, а в напольной он слабо насыщен материалом XII–XIII вв., толщина его здесь до 0,4 м.

Подъемный материал селища синхронен напластованиям площадки городища. В сельском музее хранится древнерусский серп, найденный на селище после пахоты. Клинок по величине относится к средним (длина хорды дуги изгиба 25,5 см); высота изгиба дуги и расположение вершины дуги клинка позволяют относить серп к киевскому типу орудий¹⁵. Об этом же свидетельствует разница углов изгиба в начальной (80°) и конечной (75°) частях клинка; но особо характерна для киевского типа ломаная основная линия графика углов резания, проходящая в данном случае близко к идеалу – около 50° (рис. 2, 25, 26).

Городище у с. Безсалы известно по переписке ВУАК¹⁶, обследовано автором в 1982 г. Памятник размещен на стрелке мыса первой надпойменной террасы правого берега р. Сухая Лохвица, в 300 м к северо-востоку от села (уроч. Вал). Площадка округлой в плане формы и размерами 64 x 57 м (0,34 га) распаивалась, ее высота над уровнем поймы 3 м (рис. 1, 4). Кольцевидный вал сильно разрушен: высота его менее 1 м, ширина гребня достигает 5 м. От основания мыса городище отрезано дугообразным рвом, ширина его заболоченного дна 8–10 м, глубина до 2 м. Селище площадью 5–6 га занимает основание мыса, поверхность его распаивается. К юго-западу от селища располагался известный по раскопкам М.Д. Ренского курганный могильник XI–XII вв.

Шурфовкой на городище выявлен культурный слой толщиной от 0,4 до 0,85 м, обильно насыщенный остатками XVII–XIX вв. и незначительно домонгольской керамикой. Траншея, заложённая поперек южного участка вала, выявила три строительного периода реконструкции оборонительных сооружений; первоначальный вал создавался в древнерусское время и досыпался в XVII–XVIII вв.

На селище произведена зачистка обрывистого края мелиоративного рва. Выявлен культурный слой толщиной 0,4 м и слабой насыщенности, встречено несколько роменских и древнерусских стенок сосудов, единственный фрагмент кругового венчика (рис.2, 30) датируется серединой XII в.

Городище у с. Безсалы является памятником небольшой крепости для контроля над водной дорогой. В первой половине XVII в. рядом проходила также и сухопутная дорога из Лохвицы на Прилуки, известная по Боплану¹⁷.

Напротив Свиридовки пойма Сулы шириной 6–7 км сильно заболочена¹⁸. Твердые броды выходят на правый берег к подножию городища "Детинец", вероятно, созданного для защиты этих переправ, весьма редких на среднем течении реки.

Большая площадь свиридовского открытого поселения, наличие защищенного посада, интенсивность и продолжительность жизни на этом поселении, а также находки, характеризующие элементы городской культуры, все это ставит Свиридовку в один ряд с наиболее интересными и особо значимыми посульскими крепостями.

Бербеницкое укрепление резко отличается своеобразием плановой структуры оборонительных сооружений, не свойственной русским крепостям¹⁹. Наличие оборонительных валов на пологих склонах характерно для сравнительно небольшого количества пограничных укреплений, для крепостей печенежско-торческого союза племен в чернолбозуком Поросье²⁰. Вероятно, бербеницкая крепость служила убежищем феодализирующейся верхушки одного из родов "перяславских торков",

несущих сторожевую службу на одном из узловых участков Посулья. И видимо, совсем не случайно эта крепость расположена вблизи боплановой сухопутной дороги, связующей пограничную Лохвицу с Варином, Прилуком и внутренними районами Переяславской земли.

- ¹ *Моргунов Ю.Ю.* Три древнерусских городища Верхнего Посулья // КСИА. 1977. Вып. 150; *Он же.* Два городища XI–XIII вв. на р. Ромен в Посулье // КСИА. 1982. Вып. 171; *Он же.* Древнерусские городища течения р.Ромен // КСИА. 1983. Вып. 175.
- ² *Моргунов Ю.Ю.* Летописный город Вяхань // СА. 1982. № 2; *Он же.* Летописный город Попаш // СА. 1985. № 1.
- ³ *Макаренко Н.Е.* Городища и курганы Полтавской губ. Полтава, 1917. С. 29; *Падалка Л. В.* О древних городках, городищах и насыпных валах на территории нынешней Полтавской губ. // Тр. Полтавской учен. Архивной комиссии. Полтава, 1905. Вып. 1. С. 183.
- ⁴ *Ренский М.Д.* Розшуки та розкопи на Лохвичині // Бюлетень кабінету антропології та етнології ім.Хв. Вовка. Киев, 1925. Ч. 1. С. 40.
- ⁵ *Семенчик М.* Обследовання горішнього Посулья у р. 1928 // Архив ИА АН УССР. Фонд ВУАК. № 202/44; *Копилов Ф.Б.* Звіт про роботу Посульської експедиції в 1946 р. // Там же. Фонд експедиції (далее – Ф.э.). № 431; *Ляпушкин И.И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА. 1961. № 104. С.135. № 100; *Моруженко А.А.* Отчет Лесостепной скифской экспедиции ДонГУ о разведках и раскопках в бассейне Ворсклы в 1969 г. // Архив ИА АН УССР. Ф.э. № 5642; *Кучера М.П., Сухобоков О.В.* Звіт Лівобережного розвідзагону по обстеженню городищ в 1971 г. // Там же. № 5994; *Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беллева С.А.* и др. древнерусские поселения Среднего Поднепровья: (Археологическая карта). Киев, 1984. С. 144. № 252.
- ⁶ *Моргунов Ю.Ю.* Летописный город Попаш.
- ⁷ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие // САИ. 1966. ЕІ-36. С.38. Тип IV.
- ⁸ *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие. Табл. 20, 14, 18–22.
- ⁹ Там же. С. 55. Табл. 18, 1; 20, 2; 33, 1.
- ¹⁰ *Седова М.В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981. С. 156.
- ¹¹ *Медведев А.Ф.* Древнерусские писала X–XV вв. // СА. 1960. № 2. С. 76. Рис. 1, 8; 2, 1.
- ¹² *Кирпичников А.Н.* Древнерусское оружие //САИ. 1966. Вып. ЕІ-36. 2. С. 38. Тип IV.
- ¹³ Там же. С. 12. Тип III.
- ¹⁴ *Ренский М.Д.* Звіт за археологічні дослідження на Лохвичині рр. 1927 та 1928 // Архив ИА АН УССР. Фонд ВУАК, № 550; *Он же.* Розшукита розкопи... С. 40.
- ¹⁵ *Левашова В.П.* Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Тр. ГИМ. 1956. Вып. 32. С. 72.
- ¹⁶ Листування в справі видачі відкритих листів на 1927 р. // Архив ИА АН УССР. Фонд ВУАК, № 110.
- ¹⁷ *Ляскоронский В. Г.* Г. Л. де Боплан и его историко-географические труды относительно Южной России. Киев, 1901. Карта Левобережной Украины.
- ¹⁸ *Глинка К.Д.* Лохвицкий уезд // Материалы к оценке земель Полтавской губ. Естественнoнаучная часть. СПб., 1892. Вып. XII. С. 19; *Оппоков Е.В.* Речные долины Полтавской губернии. СПб., 1905. Ч. II. С. 39, 93.
- ¹⁹ *Моргунов Ю.Ю.* Круглые городища Левобережья Днепра // СА. 1986. № 2. С. 116, 119.
- ²⁰ *Плетнева С.А., Макарова Т.И.* Южное городище у с. Витачево // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 56, 60.

Н.А. МАКАРОВ, Н.Н. ЧЕСНОКОВА

ПОСЕЛЕНИЕ КРЫЛОВСКОЕ ПОД ВЕЛИКИМ УСТЮГОМ

Устюжский край – территория, охватывающая верхнее течение Северной Двины и низовья Юга и Сухоны, рассматривается историками как вероятная контактная зона западнофинских и пермско-финских племен, ставшая затем форпостом древнерусского освоения Севера. Однако до последнего времени этот район почти не подвергался археологическим обследованиям и о существовании здесь как финских, так и славянских памятников можно было только предполагать. В 1982–1989 гг. в ходе разведок, проведенных Онежско-Сухонской экспедицией ИА АН СССР, в Устюжском

крае было выявлено 19 поселений второй половины I – начала II тысячелетия н.э.¹, на некоторых из них проведены раскопки. Наиболее интересные результаты дали исследования поселения Крыловское. Здесь в 1988 г. изучены комплексы двух периодов – XII в., с древнерусскими и восточнофинскими материалами, и второй половины I тысячелетия н.э., с керамикой ванвиздинской культуры, распространенной в бассейнах Вычегды и Мезени.

Поселение Крыловское расположено в глубине поймы правого берега р. Малой Северной Двины в 1,5 км севернее с. Аристово. Памятник занимает западный край небольшого останца, возвышающегося на 3–4 м над узкой пересохшей старицей. На останце располагалось д. Большое Крыловское, впервые упомянутая в документах второй половины XV в.² и запустевшая в 1970–е годы. Судя по результатам шурфовки, в центральной части останца и на его северном и южном склонах древний культурный слой отсутствует, здесь зафиксированы лишь позднесредневековые напластования мощностью 0,6–0,8 м.

Памятник исследовался на площади 80 кв. м двумя раскопами: в северном (16 кв. м) средневековый слой переотложен перекопами, в южном раскопе (64 кв. м) археологические материалы достаточно стратифицированы (рис. 1, Л).

Под задернованной поверхностью на 0,30–0,45 м вглубь отложились две-три прослойки гумусированной супеси, насыщенной строительным мусором и находками, соответствующими поздним периодам жизни деревни (горизонт 1). Ниже следовали литологические прослойки 2 и 3, песчаные, с локальными натеками сухого суглинки (прослойка 4). Материк южного раскопа – желтый перемытый песок с окатанной галькой – залегал на глубине 0,35–1,2 м от поверхности. Под склоном материка предшествовала прослойка плотной супеси – суглинки (прослойка 7), в которой оконтуривались углубления культурного слоя. Горизонт с культурными останками XII в. зафиксирован между прослойками 2 и 3 и в прослойке 3, раннесредневековый горизонт – ниже прослоек 3 и 4, на фоне прослойки 7 и материка.

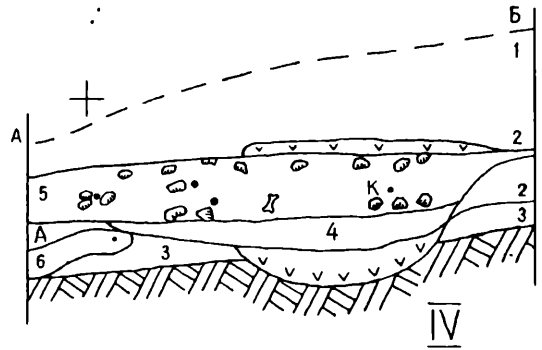
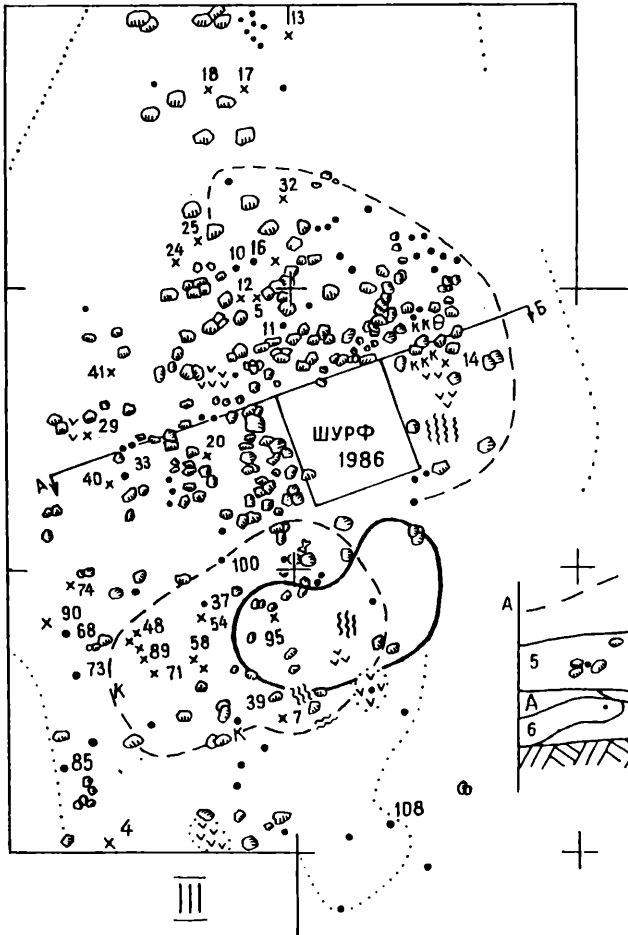
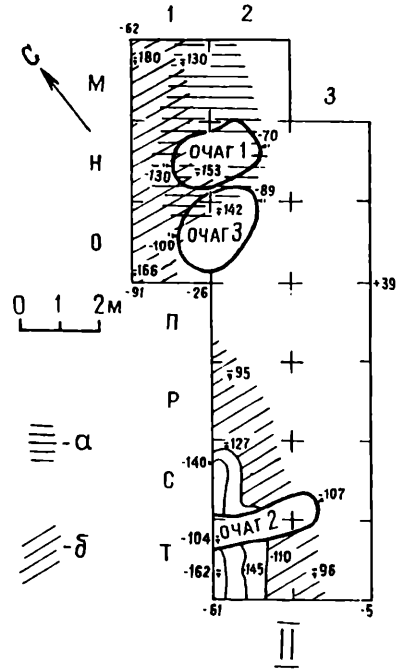
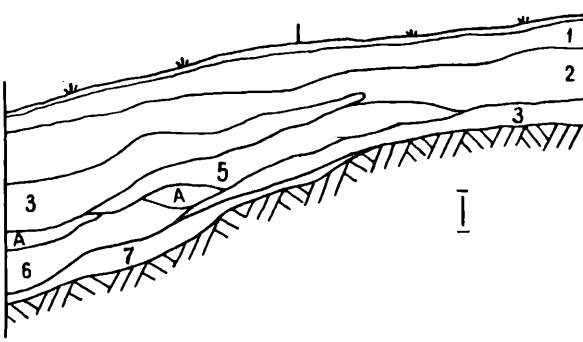
Культурные останки XII в. представлены очагом 1 и находками на сопредельном участке в квадратах 1–2 М–0, в песчаной сыпучей, насыщенной зольными частицами прослойке (прослойка 5). Она имела мощность 0,30–0,35 м вокруг очага 1 и постепенно выклинивалась у стенок раскопа.

Верхняя часть очага 1 сложена из дикого камня насухо, неплотно, в 1–2 или редко в 3 камня в высоту, в форме неровного овала 2,6 x 1,8 м. На поверхности кладки наблюдалось тонкое углистое пятно (рис. 1, III), между камней – зольно-песчаное заполнение.

Под кладкой прослежена очажная яма с углисто-песчаным заполнением, круто углублявшаяся вдоль восточной (тыльной, обращенной к останцу) стенки и линзообразно сужавшаяся с других сторон. Общая высота очага 1 в восточной части 0,7 м, наполовину очаг углублен в более древнюю супесчаную прослойку и в стерильный материк (рис. 1, IV). Западная, обращенная к старице линзообразная часть очага базировалась на древней дневной поверхности. Дно углубленной части округлое, диаметром около 1,2 м. Здесь находились крупные угли, материковый песок был интенсивно прокален.

Прослойка 6 с раннесредневековыми находками, плотная, песчаная, с редкими мелкими углистыми включениями, имела мощность до 0,3–0,4 м. В юго-западной части южного раскопа этот горизонт был единственным археологическим, в северо-восточной части он залегал ниже более поздних средневековых останков, частично был отделен от них суглинковыми натеками, а в кв. 1Н и 1-20 прорезан очагами 1 и 3.

В кв. 2С-Т прослойка 6 углублялась на 0,2–0,5 м, оконтурился угол котлована с неровным дном на перемытом материковом песке с ожелезнениями. На верхнем уровне котлована находился очаг 2, состоявший из небольшой каменной вымостки и кострищной линзы рядом с ней (рис. 1, II).

- [17] -1 [x] -2 [•] -3 [vv] -4 [K] -5 [K] -6 [symbol] -7 [symbol] -8
- -9 [symbol] -10 [symbol] -11

К восточному краю котлована примыкало круглое кострищное пятно диаметром 1,0 м, мощностью до 0,20 м, с интенсивным прокалом вокруг, от которого вниз по стенке котлована до дна тянулась полоса прокаленного песка с крупными углями и древесным тленом.

Между прослойками 5 и 6 в северо-западной части раскопа наблюдалось еще одно нечетко выраженное супесчаное наслоение, которое представляется самостоятельным поселенческим горизонтом, — прослойка А. На фоне прослойки 3 она отличалась мелкозернистостью, большей плотностью супеси и более темной окраской. Под западной полкой кладки очага 1 зафиксирована часть восточной границы прослойки А, в кв. 2Н очаг 1 прорезал прослойку А, ее наличие установлено по характерным находкам обломков тиглей и кальцинированных косточек. Средняя мощность прослойки 5–20 см.

В прослойке А выявлен очаг 3. На границе кв. 1–2 Н–О на несколько больших абсолютных глубинах, чем кладка очага 1, на расстоянии 0,2–0,4 м от ее южной границы располагалось скопление камней под тонким (2–3 см) углистым пятном с четкой восточной границей (длиной 1,20 м) и аморфной западной. Под каменной кладкой на 0,2–0,4 м в материк углублялась яма восьмеркообразной формы, вероятно, двухкамерная с углисто-зольным заполнением, с крутыми обожженными стенками и округлыми днищами на разных уровнях (рис. 1, III).

В очагах 1, 2, 3 и на прилегающих к ним участках, а также в переотложенном средневековом горизонте на северном раскопе обнаружены разновременные комплексы находок.

Вещевой комплекс, обнаруженный в очаге 1, рядом с ним в прослойке 5, а также в соответствующем разрушенном горизонте на северном раскопе типологически выразителен. Обе полые подвески-уточки (рис. 2, 3, 4) относятся к типу XVIII по классификации Е.А. Рябина. Одна из них, с гребешком на голове, соответствует варианту 3, распространенному, согласно Е.А. Рябину, в Приладжье (10 экз.), в Костромском Поволжье и на территории Вологодской области³. Территориально наиболее близкими к Верхнему Подвинью районами распространения этих украшений (с учетом последних находок) являются Волок Славенский, где найдено пять уточек, и бассейн Ваги, где их найдено не менее шести⁴. Два экземпляра обнаружены восточнее, на Выми⁵ и на Сысоле⁶.

Вторая уточка, с двумя полукруглыми ушками на голове, относится к несерийным экземплярам. Она близка к подвескам варианта 5, но отличается от них формой головы и отсутствием спирального диска на хвосте.

Литая подковообразная фибула (рис. 2, 5) имеет плотно сомкнутые четырехугольные концы и подтреугольное сечение дужки, слегка расширяющееся в средней части. Фибулы со слитыми и сомкнутыми концами бытовали в XII–XIII вв. главным образом в

←—————

Рис. 1. Поселение Крыловское. Южный раскоп

I — профиль северной стенки раскопа: 1 — гумусированный слой с позднесредневековой керамикой; 2 — серо-желтая супесь; 3 — светло-серая супесь; 5 — гумусированная супесь с золой, горизонт XII в.; А — темная мелкозернистая супесь с раннесредневековой керамикой, 6 — плотный светло-серый песок с ванвиздинской керамикой; 7 — предматериковый суглинок;

II — планиграфия раскопа: а — культурный слой XII в., б — культурный слой ванвиздинского времени;

III — северная часть раскопа на уровне горизонта XII в. и прослойки А: 1, 2 — индивидуальные находки; 3 — керамика; 4 — угли; 5 — серые кости; 6 — кальцинированные кости; 7 — камни; 8 — зола; 9 — примерные границы прослойки 5; 10 — границы углистых пятен над очагами 1 и 3; 11 — контур очага 3 на глубине 0,9–1,0 м

Находки: 10, 11, 16, 33, 37, 39, 68, 73, 85, 108 — венчики лепных сосудов; 4, 5, 12, 14, 71, 90, 95 — предметы железные; 7 — гвоздь железный; 17 — капля бронзы; 18 — костылек цепочки бронзовый; 20 — бусина стеклянная; 24 — фрагмент подвески бронзовой; 16, 29 — подвески-уточки бронзовые; 32, 41, 54 — пластины бронзовые; 40 — предмет бронзовый; 48 — заклепка бронзовая; 58 — пронизка бронзовая; 100 — фрагмент тигля;

IV — разрез очага 1. Нумерация прослоек соответствует рис. 1, I

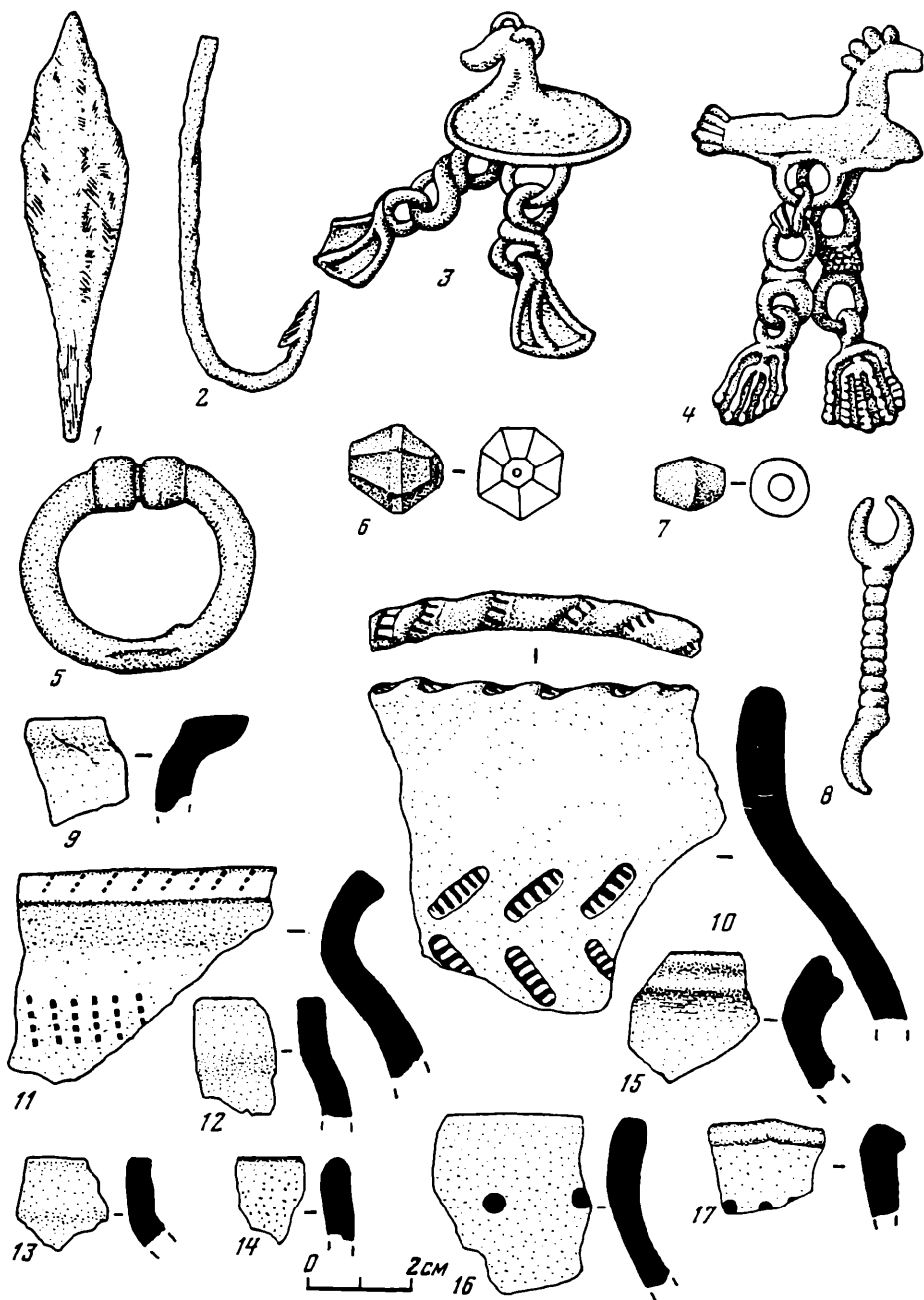

Рис. 2. Поселение Крыловское. Находки из культурного слоя XII в.
 1, 2 — железо; 3, 4, 8 — бронза; 5 — серебро; 6 — сердолик; 7 — стекло; 9—17 — глина

Белозерье, на Каргополье и в бассейне Ваги⁷, отдельные экземпляры встречаются восточнее – в вымских могильниках⁸. Отметим находку фибулы данного типа в Великом Устюге при случайных земляных работах. Экземпляр из Крыловского обнаруживает наибольшую близость с фибулами из Кремлевского могильника на Кокшеньге, Корбальского могильника на Ваге, могильника Тихманьга на Каргополье, а также с находкой из Печорского бассейна – из Усть-Усы⁹.

Остальные вещевые находки – битрапецидная бусина из бирюзового стекла (рис. 2, 7), железный наконечник стрелы с ромбическим пером (рис. 2, 1), железный рыболовный крючок (рис. 2, 2), бронзовый костылек от цепочки (рис. 2, 8) и многочисленные фрагменты железных и бронзовых изделий – достаточно обычны для различных областей восточноевропейского Севера и не имеют определенных ареалов. Исключение составляет лишь многогранная сердоликовая бусина (рис. 2, 6). Отдельные бусы этого типа встречаются в вымских и родановских могильниках. В могильниках бассейна Ваги, Каргополья, Северного Белозерья они не представлены вовсе. В целом такие бусы не характерны для рядовых памятников Севера.

В верхнем средневековом горизонте поселения найдено более 90 фрагментов керамики. Небольшие размеры и плохая сохранность черепков затрудняют реконструкцию форм сосудов. Около 80 фрагментов лепные, с шероховатой или слегка заглаженной поверхностью и неплотным, крошащимся тестом, содержащим примесь песка и мелкой дресвы. Фрагменты происходят не менее чем от двух сосудов, неорнаментированных, со слабо выделенным плечиком и коротким прямым венчиком с уплощенным верхним краем. У одного сосуда днище было плоским, возможно, форма сосуда была близка к баночной. Три фрагмента происходят от верхней части лепного сосуда (рис. 2, 10) с низким плечиком и прямым, немного оттянутым наружу венчиком. Тесто черепка плотное, с примесью песка. По краю венчика и по плечу сосуд орнаментирован крупным гребенчатым штампом.

14 фрагментов происходят от круговых сосудов с шероховатой поверхностью и примесью дресвы в тесте. Среди них пять венчиков и пять орнаментированных стенок, происходящих не менее чем от двух сосудов. У одного из них короткая шейка и отогнутый наружу венчик с косо срезанным краем, по плечу сосуд орнаментирован наколами (рис. 2, 11), у другого венчик оттянут, край его горизонтально срезан, на внутренней стороне имеется небольшое утолщение (рис. 2, 9). Два фрагмента стенок украшены линейным и волнистым орнаментом.

Лепная шероховатая керамика, найденная в Крыловском, отличается от так называемой лепной грубой керамики, получившей в конце I – начале II тысячелетия н.э. распространение во многих областях Севера Восточной Европы, в том числе в Заонежье, Белозерье и Каргополье. Фрагменты аналогичной керамики были собраны в ходе разведок в ряде пунктов на Верхней и Средней Сухоне, в том числе на поселениях Двиница II и Старототемское. Фрагменты сосуда с узором в виде двойного пояса из гребенчатых оттисков имеют полное соответствие с материалами вымских могильников¹⁰. Для других районов такой узор нехарактерен. Круговая керамика, собранная на поселении, обычна для древнерусских памятников XII–XIII вв.

В очаге 1 собраны кости и зубы домашних животных, по которым определены останки крупного рогатого скота (2), лошади (1) и свиньи (1)¹¹. По данным спектрального анализа геохимических проб из очага 1 и прослойки 5 этот горизонт характеризуется повышенным содержанием цинка и фосфора¹², что может быть связано с концентрацией органики животного происхождения.

Комплекс находок из верхнего средневекового горизонта достаточно надежно датируется XII в. Более сложным оказывается вопрос о культурной атрибуции комплекса. Представляется, что западные связи выражены в материалах Крыловского ярче, чем восточные. Набор украшений из Крыловского имеет ближайшие соответствия в древностях Белоозера и Важского бассейна, но в культурном слое не

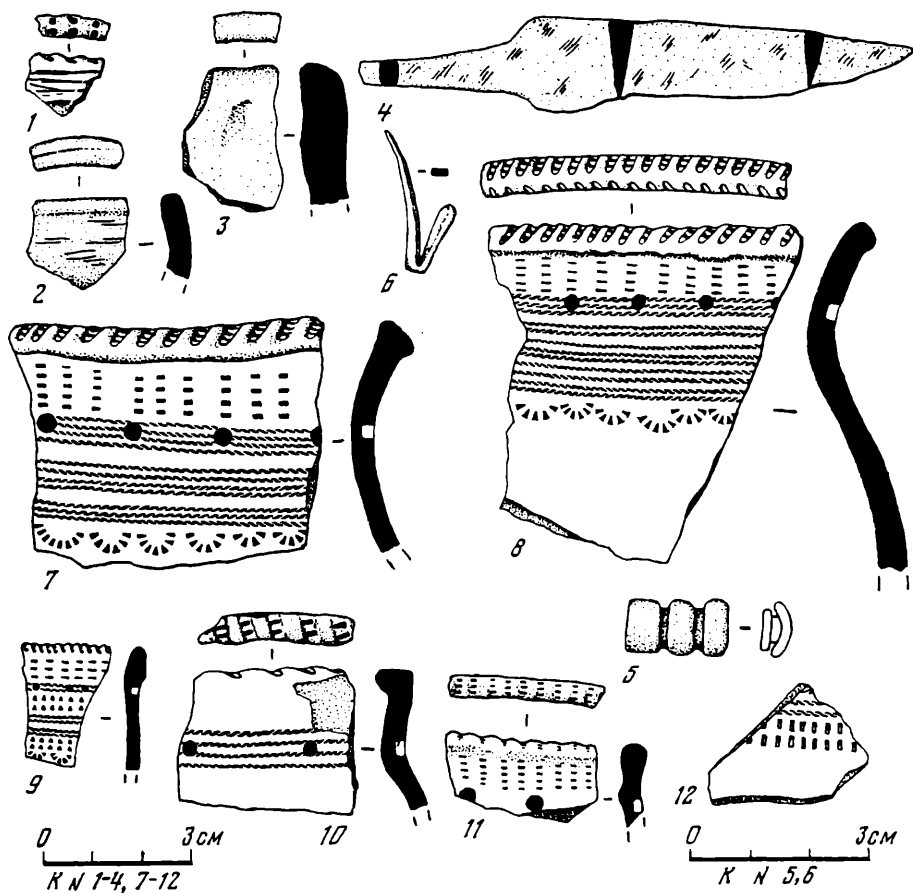

Рис. 3. Поселение Крыловское. Находки из прослойки А и валпиздинского горизонта
 1-4 — предметы из прослойки А; 5-12 — предметы из валпиздинского горизонта
 1-3, 7-12 — глина; 4, 6 — железо; 5 — бронза

встречено лепной керамики со штампованным орнаментом, характерной для этих регионов. Симптоматично присутствие в развале одного очага круговой древнерусской и лепной вымской посуды. Очевидно, верховья Северной Двины в XII в. были своеобразной контактной зоной между славяно-чудским населением Заволочья и пермско-финским населением Вычгодско-Вымского края, что заставляет с большой осторожностью подходить к определению этнической принадлежности конкретных памятников.

В прослойке А найдены фрагменты тиглей и металлических изделий, мелкие фрагменты лепной неорнаментированной керамики (рис. 3, 1-3). 15 обломков миниатюрных сосудов из пористого глиняного теста, с заостренным венчиком и непрофилированными стенками внешне напоминают тигли. По результатам спектрального анализа тиглям принадлежало только три фрагмента, содержащих свинец, медь и олово в качестве основных элементов. По химическому составу эти тигли сопоставимы с обломками бронзовых изделий, найденных в той же прослойке. Остальные керамические фрагменты не имеют состава, указывающего на их связь с производством металла. Не исключено, что эти фрагменты представляют особый тип местной бытовой посуды, облик которой до сих пор неизвестен.

В прослойке А и очаге 3 повышена концентрация меди, отсутствующей в сс-

тественном почвенном фоне. Из этого горизонта получены 3 экземпляра определимых костных остатков, принадлежавших крупному рогатому скоту (2) и, вероятно, оленю.

Комплекс нижнего горизонта Крыловское имеет восточнофинское происхождение. Здесь найдено 68 фрагментов не менее чем восьми лепных сосудов (рис. 3, 7–12). Их орнаментация сочетаниями зубчатых и веревочных оттисков и рядом ямок типична для западнованвиздинских керамических комплексов.

Судя по фрагментам верхних частей сосудов, здесь представлена особая форма ванвиздинской посуды ТБ-2¹³ с профилированной горловиной, открытой наружу под значительным углом к высоко поднятому плечу, почти равной плечу по высоте. Характерен утолщенный, скошенный наружу и подрезанный по внешнему краю широкий венчик. Маленькие сосуды ТБ-2 из вычегодских и мезенских памятников ТБ-2 имеют такую же форму, как миниатюрный экземпляр из Крыловского (рис. 3, 9).

Керамическая традиция ТБ-2 представлена на западнованвиздинских памятниках VII—VIII вв., расположенных вдоль западных границ культуры, насколько они известны к настоящему времени, в бассейне Нижней Вычегды и Мезени. Во второй половине VIII–IX в. керамика такой формы появилась также на вавиздинских памятниках в бассейнах Средней Вычегды и Нижней Печоры, не составляя, однако, на них автономных или преобладающих комплексов.

Форма сосудов ТБ-2 при распространении этой гончарной традиции в Северном Приуралье в VII–IX вв. оставалась единообразной, орнаментация видоизменялась. Орнаменты на керамике из Крыловского аналогичны, а в некоторых случаях и практически тождественны орнаментам из наиболее ранних комплексов ТБ-2 в бассейнах Нижней Вычегды (поселения Тохта, Кунес) и Мезени (поселения Усогорск III– пункты Б и В, Смолокурный, Чойновты V). Наибольшее сходство по форме и по узорам с керамикой Крыловского обнаруживает посуда нижневычегодского поселения Кунес, предварительно датируемого VIII в. н.э.¹⁴. Одинаковы не только орнаментальные мотивы и их сочетания, но и последовательность декорирования; сначала веревочными оттисками заполнялась широкая средняя зона орнамента, затем ниже и выше выполнялись оттиски штампов. Верхний ряд вертикальных оттисков наносился после оформления венчика. Специфические особенности исполнения узора в данном случае конкретизируют поиск аналога и указывают на его неслучайный характер – общеванвиздинская орнаментальная норма иная.

Завершение узора зубчато-арочными оттисками известно по керамике из памятников той же группы – поселения Кунес, Тохта¹⁵, Усогорск III¹⁶, Смолокурный I¹⁷, Чойновты V¹⁸. Специфический оттиск двузубного штампа с треугольными зубцами (рис. 3, 2) – хронологический признак ванвиздинской керамики VIII в. н.э. В названных комплексах он также достаточно представлен, в том числе в сочетании с редкими для ванвиздинских узоров гладкими уголковыми оттисками по венчику¹⁹, как на сосуде из Крыловского.

Глиняное тесто рассматриваемых сосудов, как и всех западнованвиздинских, содержит примесь дресвы. Оно уплотнено, по наружной стороне стенки увлажнено, что сделало поверхность трещиноватой, – так же выглядит керамическая масса сосудов из Кунеса.

Предварительную датировку раннесредневекового комплекса Крыловского VIII в. подтверждает находка бронзовой пронизки (рис. 3, 5), сходной с мальцевской находкой в Верхнем Прикамье VIII–IX вв. и другими однотипными украшениями этого времени²⁰.

Малочисленность ванвиздинского керамического комплекса поселения Крыловское предполагает осторожность в оценке генетического и хронологического соотношения между ним и нижневычегодско-мезенскими комплексами. Постановка вопроса преждевременна также в связи с тем, что между этими памятниками остается археологически необследованная зона шириной в несколько сотен километров. Вместе

с тем находки на Крыловском являются важнейшим материалом для составления нового представления о юго-западных границах ванвиздинской культуры.

К ванвиздинскому горизонту с уверенностью можно отнести одну остеологическую находку – зуб лошади, и с вероятностью – две кости, принадлежащие лосю. Для этого горизонта специфично повышенное содержание свинца в почве; содержание меди здесь несколько выше среднего, но ниже, чем в прослойке А, откуда элемент мог мигрировать.

Свидетельства металлообработки в горизонте А согласуются с многочисленными данными о повсеместном распространении этой деятельности на поселениях южно-таежной зоны. Напротив, отсутствие таких свидетельств среди ванвиздинских материалов Крыловского необычно для поселения с керамикой ТБ-2. Находка останков лошади на ванвиздинском поселении сделана впервые. Вычегодско-мезенские ванвиздинские комплексы, как правило, имеют выраженный охотничий тип.

Для характеристики Крыловского как типа поселения существенным представляются некоторые особенности культурных отложений верхнего средневекового горизонта. Это прежде всего слабая насыщенность культурного слоя керамикой, концентрация находок и культурного слоя вокруг очага I и почти полное отсутствие их на прилегающей площадке поселения, отсутствие следов ремонта и перекладки очага, при которых перегоревшие камни вынимались бы из него и выбрасывались на площадку. Очевидно, поселение XII в. было очень небольшим и существовало короткое время. Оно заметно отличается от поселений конца XII–XIII в., открытых в последнее десятилетие на Средней Сухоне (Старототемское) и в Устюжском крае (Морозовица I, Гледен, Гостинское), имеющих более мощный и насыщенный культурный слой, свидетельствующий об их долговременности и более интенсивной хозяйственной жизни. Очевидно, возникновение небольших поселений, оставляющих очень слабые и трудноуловимые археологические следы и типологически сходных с "починками" позднего средневековья, соответствовало начальному этапу освоения новых территорий, когда стабильная сеть расселения еще только формировалась.

Раннесредневековое поселение Крыловское отличается от большинства ванвиздинских поселений, известных в основном ареале этой культуры на Вычегде и Мезени, расположенных на сравнительно высоких борových террасах над основными водоемами, содержащих в культурном слое большое количество керамики и производственных отходов. Неинтенсивность культурного слоя и расположение в пойме на низком останце, практически на древнем уровне грунтовых вод характеризуют, кроме поселения Крыловское, также расположенное в 3 км к северу ванвиздинское поселение Болгарино. Возможно, указанные особенности являются специфическими для раннесредневековых поселений Устюжской округи. Причины своеобразия могут быть связаны с пока не выясненными особенностями местного хозяйственного уклада или с палеоклиматическими условиями. Возможно, однако, и объяснение отсутствием здесь на территории значительно удаленной от географического центра ванвиздинской культуры, соответствующей поселенческой традиции. Отклонения от общекультурных норм освоения ландшафта зафиксированы в нескольких случаях также в других частях ванвиздинской периферии, на поселениях в бассейнах Нижней Печоры и Верхней Вычегды.

¹ Макаров Н.А. Средневековые поселения Устюжской округи // МЛЕСВ. 1988. Вып. 11. С. 122–131.

² Акты социально-экономической истории. М., 1964. Т. III. С. 297. № 281.

³ Рябишин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. // САИ. Л., 1981. Вып. Е1–60. С. 37.

⁴ Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. С. 76.

⁵ Савельева Э.А. Петкойский могильник // МЛЕСВ. 1988. Вып. 11. Рис. 4, 10.

⁶ Лащук Л.П. Археологические древности народа коми // Памятники культуры Коми АССР. Сыктывкар, 1959. Рис. 2.

⁷ Назаренко В.А., Овсянников О.В., Рябишин Е.А.

- Средневековые памятники чуди заволочской // СЛ. 1984. № 4. С. 203. Рис. 5, 14.
- ⁸ Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. Рис. 32, 21; Истомина Т.В. Кедва-вымский могильник // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1985. Рис. 2, 7.
- ⁹ Tallgren A.M. Biamia // ESA. Helsinki, 1931. VI. P. 116, 117, Fig. 7.
- ¹⁰ Савельева Э.А. Вымские могильники... Рис. 22, 14; рис. 26, 4, 7.
- ¹¹ Остеологические определения выполнены В.П. Данильченко.
- ¹² Здесь и далее приведены результаты спектральных анализов № 701–756 (1988), выполненных в Институте геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН Т.И. Ивановой.
- ¹³ Чеснокова И.И. Классификация вапвиздинской керамики // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 1982. С. 106–121.
- ¹⁴ Чеснокова И.И. Отчет Вычегодского отряда Сыктывкарского ун-та. 1984 // Архив ИЛ. Р-1. № 10416. Л. 12–17; Она же. Отчет о полевых исследованиях Вычегодского отряда 1986 г. // Там же. № 12117. Л. 31–35.
- ¹⁵ Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971. Табл. 42, 5; 44, 1.
- ¹⁶ Мурыгин А.М. Поселение Усогорск III на Средней Мезени // МАЕСВ. 1980. Вып. 8. Рис. 4, 11; рис. 6, 3.
- ¹⁷ Мурыгин А.М. Смолокурный I – памятник вапвиздинской культуры на р. Вышке // МАЕСВ. 1988. Вып. 11. Рис. 2, 1, 2, 6.
- ¹⁸ Мурыгин А.М. Поселение Чойновты V на Мезени // МАЕСВ. 1978. Вып. 7. С. 88–95. Рис. 2, 18; рис. 4.
- ¹⁹ Мурыгин А.М. Поселение Усогорск III... Рис. 4, 8; Она же. Смолокурный I... Рис. 2, 4.
- ²⁰ Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикарье. Иркутск, 1985. Рис. 14, 1.

М.В. СЕДОВА

ПЕРЕЖИТКИ ЯЗЫЧЕСКИХ ВЕРОВАНИЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЕ СУЗДАЛЯ

Первое упоминание Суздаля на страницах летописи связано с описанием мятежей языческих словес населения. Под 1024 г. летопись сообщает: "В се же лет вѣсташа волъсви в Суждали избиваху старую чадь къ дъ аволю наоущенью и бѣсованью глѣце ако си держать гобино бѣ матежь великъ и голодѣ по всеи тои странѣ идоша по Волзѣ вси людѣе в Болгары и привезоша [жито] и тако ожница слышав же Ярославъ волхвы приде Суздалью; изъймавъ волхвы рачости а другыми показни рек сице Бѣ наводити по грѣхом на куюждо землю глადом или моромъ ли ведромъ ли иною казнью а члѣкъ не вѣсть ничтоже"¹. Таким образом, в Суздальском ополче в результате неурожая и голода вспыхнули мятежи под предводительством языческих жрецов-волхвов. Восстание носило антифеодальный характер и было направлено против "старой чади". Прибывший из Новгорода в Суздаль Ярослав Мудрый жестоко расправился с восставшими, арестовав и казнив зачинщиков-волхвов. Судя по вложенным летописцем в уста Ярослава назидательным словам, восставшие протестовали и против христианской религии.

Вопрос о том, когда христианство проникло на территорию Северо-Восточной Руси, освещался во многих исторических трудах. Целый ряд поздних источников (в том числе Супрасльская, Никоновская, Типографская, Холмогорская и другие летописи) приписывает крещение Ростово-Суздальской земли князю Владимиру Святославичу и относят это событие к 988–993 гг.² Наиболее достоверной датой крещения Ростово-Суздальской земли считается 992 г.³ Христианские миссионеры сталкивались с огромными трудностями в своих проповедях среди местного славянского и финно-угорского (мерянского) населения. Свидетельством сопротивления местного населения проникновению христианской религии и явилась волна восстаний, прокатившихся в XI в. по всей Северо-Восточной Руси⁴.

Возможно, археологическим отражением событий 1024 г. в Суздале явились открытия, сделанные Владимиро-Суздальской экспедицией Института археологии. В

1981–1988 гг. в северо-западной части современной кремлевской территории обнаружены и раскопаны остатки оборонительных сооружений древнейшего мысового городища, расположенного в излучине р. Каменки. Они состояли из трех рвов и земляного вала, огораживавших территорию примерно в 1,5–2 га. Ширина внешнего рва была 7 м, среднего – 3 м, внутреннего – 2 м при глубине соответственно 2, 1 и 0,8 м. Вал был еще в древности скрыт, при этом рвы были засыпаны. О времени сооружения этой оборонительной системы сказать трудно, но судя по немногочисленным фрагментам лепной керамики, обнаруженным в заполнении внешнего рва (как на его дне, так и в структуре засыпки), это было самое начало X в. или даже рубеж IX и X в. Датой конец IX–X в. дает и находка полусферического стеклянного слитка или "гладилки". Аналогичные стеклянные предметы передне-восточного происхождения известны по находкам в Скандинавии и Западной Европе, а в древнерусских памятниках – в Новгороде, Гнездове, Ростове, Москве и др.⁵

Безусловным свидетельством того, что вал и рвы были уже разрушены к середине XI в., являются остатки постройки, возникшей на слое засыпки рва. При возведении постройки была совершена строительная жертва в виде головы коня, положенной в неглубокую ямку диаметром около 1,5 м. В заполнении ямы обнаружены фрагменты как лепной, так и гончарной керамики и такие датирующие предметы, как двучастная полосатая лимоновидная стеклянная бусина и сердоликовые 14-гранная и призматическая бусины. Полосатые лимоновидные бусы датируются по новгородским материалам X – первой четвертью XI в. Аналогичную дату (в основном X–XI вв.) имеют и каменные бусы⁶. Следовательно, уже после ликвидации укреплений на их месте возникла жилая постройка, которую можно датировать не позднее середины XI в., а скорее – его первой половиной. Логично предположить, что ликвидация оборонительных сооружений древнего детинца связана с событиями 1024 г., с подавлением восстания волхвов. Новгородская IV летопись при изложении событий в Суздале приводит следующие сведения: "Слышав же Ярослав вълхвы, прииде к Суздалью, и изимав убийца ты, и расточи, иже беху бабы избили и домы их разграби, а другими показни. И устави ту землю..."⁷ Последняя фраза свидетельствует о распространении на Суздальскую землю правовых норм "Правды Ярослава". Однако с "установлением земли", видимо, связана и строительная деятельность Ярослава. Оборонительные сооружения, укреплявшие древнейшее ядро Суздаля – детинец, – были полностью сравнены с землей, новые укрепления в виде земляного вала и рва возникли к востоку от детинца, в самом узком месте излучины р. Каменки. Эти сооружения увеличили укрепленную площадь города примерно в 7 раз, так что она достигла 14 га. Исследование этих вала и рва, проведенное в 1970 г. В.В. Седовым, показало, что они были воздвигнуты в первой половине XI в.⁸ Таким образом, Ярослав "расточил" очаг языческих волнений и создал новый крупный укрепленный феодальный центр.

Языческие же капища сохранялись в Суздальской земле еще в конце XI в. Любопытно в этом отношении свидетельство жития второго Ростовского епископа Исаяи (умер в 1090 г.). Приехав из Киева в Ростов, Исаяи обошел "все грады и веси по области Ростовской и Суздальской, и еще где обретоша идолы и капища, разоряше их и огню предаваше"⁹.

Следы древней языческой обрядности улавливаются и в топографии современного Суздаля. Так, напротив северо-западной части кремля, на холме правого берега р. Каменки высятся церковь Ильи Пророка, перенесенная сюда в XVIII в. с торга, располагавшегося за восточным валом кремля. Возможно, церковь Ильи была выстроена в древности на месте капища Перуна. Сам холм, на котором она ныне расположена, привлекал множество народа, молодежь устраивала здесь весенние игры (устное свидетельство А.Д. Варганова). Холм этот издревле носил название Ивановой горы. Возможно, название это связано с культом Ивана Купалы¹⁰. Любопытно, что к

церкви пророка Ильи примыкала теплая церковь во имя Иоанна Богослова, не сохранившаяся ныне. Она могла быть выстроена на месте языческого капища Купалы. Правда, суздальский историк XVIII в. Анания Федоров считал, что "от Купала место на Сполье, где во время идолопоклонения народ собирался месяца июня 24 дня..."¹¹. Сполье – это местность в северо-восточной части Суздаля. На планах города XVIII–XIX вв. на сполье указывается церковь Иоанна Златоуста, ныне не сохранившаяся. Видимо, именно с этой церковью, воздвигнутой на месте языческого капища и следует связывать следы культа Купалы.

В своем труде А. Федоров пишет, что "обыватели во граде Суждале прежде просвящения святым крещением бяху идолопоклонники, и имеяху богов языческих, и кроме их Яруна, Пиная, Облупу, Купала, по которым и места были во граде особливые, где их богомерские были молбища или капища. От Яруна – Ярунова улица, от Пиная – Пинаиха, от Облупы – Облупа, где ныне кабак". Кроме данных о Купале, остальные сведения об языческих местных божествах представляются недостоверными. Так, Ярун – это нехристианское личное мужское имя, известное по письменным источникам Древней Руси с XIII в.¹² В актах 1579 г. известен крестьянин Суздальского уезда Яруня Никитич¹³. Следовательно, название Яруновой горки и Яруновой улицы происходят от личного имени какого-то суздальца. Пинай, по которому названа улица Пинаиха, упомянут в писцовой книге 1617 г.¹⁴ Наконец, "Облупа" происходит от слова "облупливать, облуплять", т.е. обдирать, обобрать. Облупа (псковск.) – "кабак на выезде"¹⁵. Так что недаром в XVIII в., во времена Анания Федорова суздальский кабак и стоял в местности, носившей название "Облупа". В дальнейшем местность эта носила название Кабацкой горы, известное и поныне.

В местных суздальских преданиях, приводимых В.М. Снегиревым, говорится об идоле Перуна, стоявшем в кремле на княжеском дворе и об идоле Велеса на месте Васильевского монастыря, где суздальцы приняли крещение. Кроме того, есть предание об идолах богини любви Ладо и ее мужа Тура, стоявших на Пинаевской улице (на Аскольдовой и Михайловской горах). В честь этих божеств будто бы был установлен праздник "Семик"¹⁶. Однако никаких достоверных свидетельств об этих идолах нет и, по-видимому, предания эти являются литературными домыслами XIX–XX вв. Более любопытно приводимое В.М. Снегиревым описание праздника Флора и Лавра (покровителей скота) 18 августа. В этот день в Суздале около Богоявленской церкви, стоявшей на лугу на правом берегу р. Каменки, напротив Окольного города, собирали всех городских лошадей (до 800 голов) и по древнему обычаю кропили их святой водой. В этом обряде прослеживаются древние языческие традиции.

Для выяснения устойчивости языческих верований у населения Суздаля большой интерес представляет городской курганный некрополь, расположенный в 1 км к юго-востоку от города, на мысу при впадении р. Мжары в р. Каменку¹⁷. Он насчитывает свыше 350 насыпей, относящихся ко времени от рубежа X и XI в. до середины XII в. Следует отметить синкретизм обряда захоронения в могильнике на Михайловой стороне. Трупоположения в могильных ямах, ориентированные головой на запад, лицом к восходящему солнцу, характерны для христианского обряда захоронения. Сама же традиция сооружения курганных насыпей является языческим пережитком. Отголоском обряда трупосожжения, господствовавшего на Руси до принятия христианства, являются следы частичного сожжения костяков, а также прокаливание почвы в основании курганных насыпей. Неоднократно в насыпях курганов встречались фрагменты гончарной посуды, вероятно, от погребальной тризны. В одном случае (в кургане 30, в детском погребении) обнаружен глиняный гончарный горшок с заупокойной пищей. Инвентарь, сопровождавший погребенных, состоял в основном из украшений (височных колец, бус, перстней, браслетов, фибул и пр.). Орудий труда, кроме ножей (преимущественно в женских захоронениях), не обнаружено. Следы погребальной тризны и сопровождавший погребенных инвентарь – все это элементы

языческих верований в загробную жизнь усопших. Любопытно отметить, что в исследованном на территории Суздаля у церкви Скорбящей Божьей Матери кладбище XVI–XVIII вв. также прослеживались эти архаические черты погребальной обрядности. В частности, отмечены случаи обертывания покойника берестой, наличие углей в засыпке могилы, употребление перстнеобразных височных колец в женских прическах, положение усопшего с ножом у пояса¹⁸. Следовательно, устойчивая языческая традиция дожила до XVII – начала XVIII в.

Свидетельством пережитков языческого мировоззрения в городской культуре Суздаля являются остатки "строительных жертв", т.е. жертв, совершаемых при сооружении каких-либо построек. Принесение в жертву священного животного или иногда и человека было распространено во всем мире, у всех народов. У славянских племен священными являлись петух и конь. Их приносили в жертву при сооружении жилых домов, укреплений и общественных зданий, чтобы охранить обитателей постройки от злых духов и обеспечить прочность здания. Археологические следы строительных жертв хорошо зафиксированы в Новгороде¹⁹. В Суздале они отмечены 6 раз. Так, при исследовании оборонительных сооружений первой половины XII в. в северо-восточной части Окольного города открыты внутривальные деревянные сооружения, состоящие из трех рядов срубов. Около угла центрального сруба обнаружен поставленный на шейное основание череп лошади в возрасте 4–5 лет. Принесение в жертву коня должно было обеспечить всему оборонительному сооружению прочность, долговечность и неприступность. Известно фольклорное свидетельство о совершении человеческого жертвоприношения (купеческой жены Марьи) при строительстве каменных крепостных стен в Нижнем Новгороде в 1372 г.²⁰

Остальные пять случаев совершения строительной жертвы связаны с сооружением жилых построек. Наиболее древнее жертвоприношение относится к середине или первой половине XI в. Оно было совершено (как сказано выше) при постройке жилого дома на месте сnivelированных древнейших оборонительных сооружений детинца. Второй половиной XI в. датируются остатки жертвоприношения, совершенного при сооружении жилой постройки площадью около 60 кв. м, расположенной на усадьбе А в северо-восточной части кремля на обрыве р. Каменки. Под северо-восточный угол дома, в специальное углубление была положена голова лошади, рядом с которой находилось раздавленное днище гончарного горшка и обрывок медной цепочки из четырех скрученных длинных проволочных звеньев, разделенных небольшими колечками. Под юго-восточный угол дома помещены две нижние челюсти лошади. Время бытования дома фиксирует находка германской серебряной монеты, чеканенной в Майнце епископом Бардо между 1031 и 1051 г.

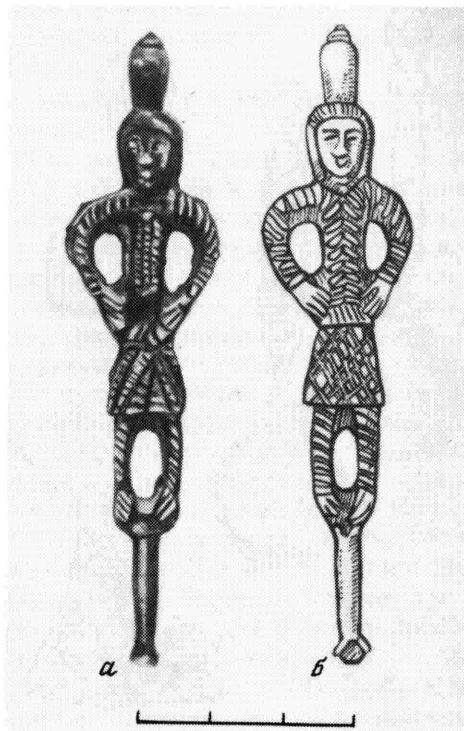
Также ко второй половине XI в. относится конское жертвоприношение на соседней усадьбе Б, существовавшей и погибшей от пожара одновременно с усадьбой А. Здесь конский череп лежал в специально вырытой овальной яме размерами 3 × 1,8 м, глубиной 97 см, вырытой под углом жилого дома.

Еще две аналогичные находки целых черепов лошади, помещенных в специально вырытые ямки, не удалось связать с постройками. Подводя итог о строительных жертвах в Суздале, следует отметить, что распространены они были в основном в XI–XII вв. К XIII в. эта традиция в быту горожан исчезает.

Для характеристики идеологических представлений средневековых жителей Суздаля значительный интерес представляет фигурка языческого божества, найденная при случайных обстоятельствах и хранящаяся ныне в Суздальском музее. Это литая бронзовая объемная фигурка с двусторонним изображением мужчины в полный рост (рис. 1). Видимо, фигурка являлась завершением копоушки и подвешивалась на шнурке или цепочке (на голове ее приделано массивное ушко для подвешивания). Общая длина изделия 8,8 см, длина фигурки 5,8 см. Изображен подбоченившийся мужчина в длинной до колен рубахе, верхняя часть которой

Рис. 1. Скульптурное изображение божества
(а — лицевая, б — оборотная сторона)

разделана косыми штрихами, а нижняя — подобием сборок. Ноги также разделаны косой штриховкой, напоминающей обмотки. Лицо фигурки довольно хорошо смоделировано; глаза, нос, рот четко обозначены. Трудно понять в силу дефектов отливки наличие бороды и усов; волосы подстрижены в кружок, причем с двух сторон на уши как бы натянута плотная шапочка. Фигурка опирается ногами на столб и в этом отношении напоминает известную скульптуру Перуна из Новгорода²¹. Наиболее же близкую, почти точную аналогию представляет скульптурка из Прикамья, из Перми. От суздальской она отличается лишь формой ушка для подвешивания и деталями одежды²². Как и другой тип культовых антропоморфных привесок, найденных в Прикамье²³, привеска, аналогичная суздальской, видимо, была завезена туда выходцами из Руси. Скорей всего

близкую аналогию суздальской находке идольчика представляла фигурка, найденная А.А. Титовым во второй половине XIX в. на берегу Ростовского озера и переданная им Обществу любителей естествознания: "На крупной подножке мужская фигура с небольшой бородой и длинными расчесанными в кружок волосами. На голове шапка в виде скуфьи с шишкой наверху и большими горизонтальными придатками, сообщающими ей вид короны. От пояса спускается ниже колен пышная юбка с широкой меховой опушкой по подолу. Руки прижаты к телу локтями и сложены кистями на животе"²⁴. Суздальская фигурка входила, вероятно, в набор привесок-оберегов, хорошо известных по находкам в курганах. Так, близкое изображение человечка происходит из цветуньских курганов, где оно служило завершением амулета-ложечки²⁵.

Вообще привески-ложечки часто входят в набор женских амулетов. Ложка в языческих представлениях — символ сытости, достатка. В Суздале найдены две привески-ложечки (рис. 2, 1,2). Обе они круглой формы, но у одной из них ручка гладкая, а у другой покрыта рельефным плетеным узором. Близкая аналогия последней известна из кургана у д. Исаково Владимирской губернии²⁶. Обе привески-ложечки происходят из напластований XII в. В городах эти предметы встречаются редко (Новгород, Серенск, Ярополч Залесский, Рязань), подавляющая часть находок из курганных погребений сельского населения Руси XI—XII вв. сосредоточена в междуречье Днепра, Западной Двины и Волги²⁷. В этом же регионе сосредоточены в основном находки еще одного типа амулетов-оберегов. Это так называемые подвески-коньки, плоские миниатюрные изображения животных с загнутым вверх хвостом, с ушами в виде колечек, украшенные циркульным орнаментом. Коньки составляют самую массовую серию привесок-амулетов XI—XIII вв., встреченных как в сельских курганах, так и в городских центрах Руси²⁸. В Суздале найдена одна привеска-конек, сохранившаяся лишь частично (рис. 2, б) и происходившая из слоя конца XI в. Из

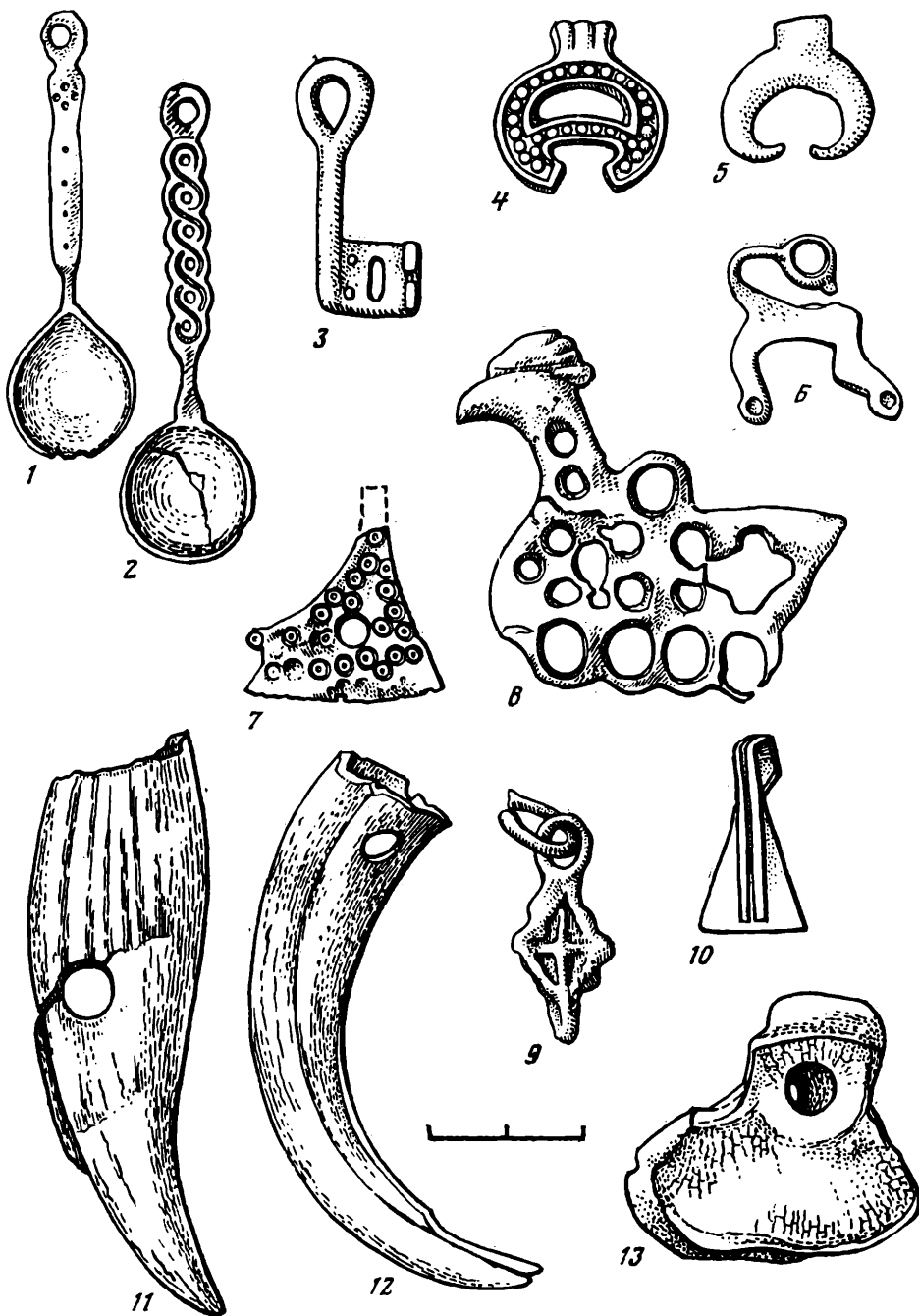

Рис. 2 Привески-амулеты из Суздаля

1, 2 — ложки; 3 — ключик; 4, 5 — лунницы; 6 — колек; 7 — топорик; 8 — петух;
 9, 10 — шумящие подвески; 11 — зуб медведя; 12 — клык кабана; 13 — пяточная кость бобра
 1—4, 6—10 — бронза; 5 — стекло; 11—13 — кость

привесок-оберегов, часто встречающихся вместе с коньками и ложечками, следует отметить еще амулет в виде ключика (рис. 2, 3), происходящий из потревоженного слоя. Ключ символизировал собой сохранность, целость.

Несколько особняком стоит находка привески-амулета в виде миниатюрного боевого топорика, покрытого циркульным орнаментом (рис. 2, 7). Топорик сохранился не полностью, обнаружен он в слое конца XI в., на усадьбе воинов, оказавшейся засыпанной толщей земляного вала начала XII в.²⁹ Н.А. Макаров отмечает, что топорики были общерусским типом амулета, причем больше половины их найдено в городах. Среди сельского населения этот тип амулетов не получил распространения. Встреченные в курганах находки топориков принадлежали мужским захоронениям, в основном мальчикам и подросткам. Изображения топориков связаны с воинской дружинной средой и специфическими для этой среды верованиями и обрядами³⁰. Значительный интерес представляют ажурные привески в виде птиц с острым клювом и гребешком на голове. Изображения эти очень напоминают священную для славян птицу – петуха, хотя привески снабжены отверстиями для шумящих подвесок в виде утиных лапок, характерных для финно-угорской мифологии. Амулеты с петушиным гребешком получили наибольшее распространение в городских центрах Северо-Восточной Руси³¹, где соприкасались славянское и мерянское население. В Суздале найдены две такие привески, одна из которых обнаружена в домонгольском слое на территории слободы у Дмитровского монастыря (рис. 2, 8)³², а другая – в слое XII – середины XIII в., на территории кремля при раскопках Н.Н. Воронина³³. До сих пор не встречено ни одной целой привески-уточка, характерной для финно-угорского костюма; найдены лишь фрагментированные шумящие подвески к ним – 5 экз. лапчатых, 3 экз. в виде колокольчика, 1 экз. треугольный (рис. 2, 10). Любопытно отметить одну шумящую лапчатую привеску (рис. 2, 9), которая своими очертаниями напоминает крест, а на ее лицевой стороне также изображен небольшой крестик. На этом образце отчетливо прослеживается проникновение христианской символики в мир языческих представлений. Эта же особенность видна и на таком интересном предмете, как литейная форма, обнаруженная на усадьбе XI в., где проживали скорее всего воины-дружинники. На литейной форме с трех сторон вырезаны изображения для отливок украшений. На одной стороне помещены две круглые бляхи с рисунками, присущими скандинавской символике, – это изображение бога Одина с двумя воронами на плечах и кольцо пожирающих друг друга драконов-змей, окруженное рунической надписью "этот Олафов..."³⁴. На другой стороне помещены изображения славянского амулета в виде лунницы и конусовидных грузиков. На третьей стороне вырезаны ложа для отливок нательных крестиков. Таким образом, этот предмет дает представление о смешении скандинавских и славянских языческих представлений в среде горожан и о приходе в XI в. на смену им новой христианской символики.

Лунницы – также распространенный языческий символ – встречены в Суздале в незначительном количестве. Это уже упомянутая выше круторогая лунница на литейной форме, а также небольшая ширококоргая серебряная лунница (рис. 2, 4), происходящая из слоя первой половины XII в., и стеклянная бирюзовая круторогая лунница, напоминающая кочевнические древности IX—X вв. (рис. 2, 5).

Из других видов амулетов-оберегов следует отметить бобровые пяточные кости с просверлимами (рис. 2, 13), зубы медведей (рис. 2, 11), кабаньи лыки (рис. 2, 12). Бытовали они не только в домонгольский, но и в последующий период. Эти амулеты связаны с наиболее древними охранительными представлениями.

С эпохой феодализма, с феодальной городской культурой связаны амулеты-змеевики, заимствованные Русью из Византии. На лицевой стороне этих амулетов помещены изображения христианской символики – Христа, Богородицы с младенцем, архангелов, святых, на оборотной – "змеиного гнезда", в центре которого – голова Медузы Горгоны с отходящими от нее туловищами змей, т.е. сюжет, пререшедший из античной мифологии. Употреблялись змеевики как обереги от различных болезней и

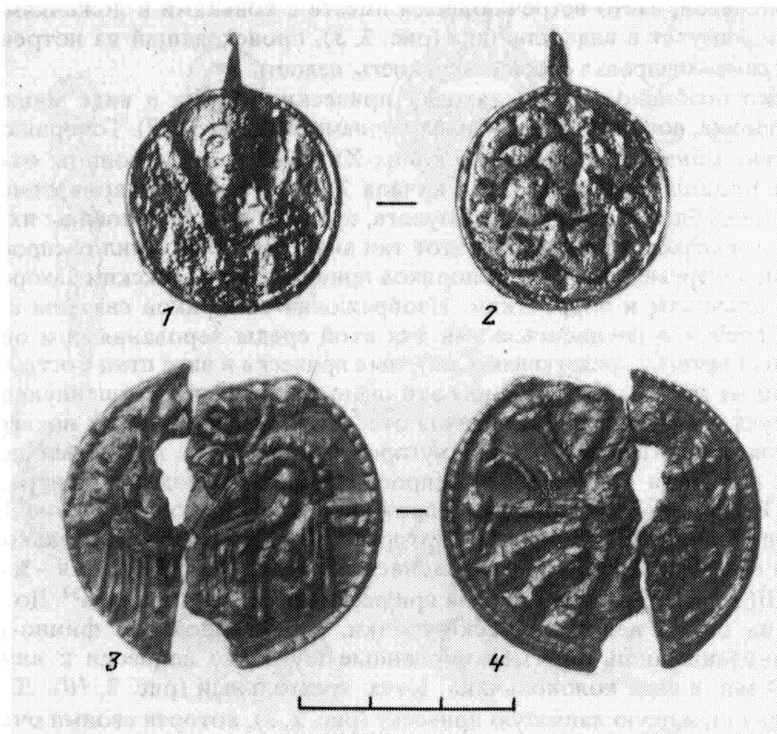

Рис. 3. Бронзовые амулеты-змеевики

1 — лицевая сторона змеевика с изображением св. воина Георгия; 2 — его оборотная сторона;
3 — лицевая сторона змеевика с изображением Михаила Архангела; 4 — его оборотная сторона

иных нападений. На большинстве экземпляров змеевиков на оборотной стороне, обращенной при ношении к телу, помещалась круговая надпись, содержащая заклинания против болезней, лихорадок. Христианская церковь вела ожесточенную борьбу с употреблением змеевиков-оберегов, отразившуюся во многих поучениях XIV–XV вв. и в законодательном запрете употреблять их в Кормчей книге. Из Суздаля происходят три змеевика: два — из раскопок и один каменный, хранившийся в ризнице Рождественного собора. Этот последний, так называемый "Суздальский змеевик" привлекал к себе внимание большого количества исследователей, ему посвящена огромная литература³⁵. Принадлежал он скорее всего жене князя Всеволода III Большое Гнездо Марии Шварновне и заказан был ею для исцеления своих детей и себя самой в 1189 г. Наиболее древним из найденных при раскопках является бронзовый змеевик (диаметр 2,5 см), обнаруженный на усадьбе А второй половины XI в. вместе с западноевропейской монетой 1031–1051 гг. Усадьба, как сказано выше, принадлежала воину-дружиннику, поэтому не случайно, что на лицевой стороне змеевика помещено изображение святого воина впрямь, с кудрявой головой, копьем и щитом в руках, видимо, Георгия (рис. 3, 1–2). По-видимому, змеевик должен был охранять своего хозяина в ратном деле. На оборотной стороне амулета помещена наиболее древняя (по определению Т.В. Николаевой) змеиня композиция, когда змеи расположены не выходящими из центра, а как бы вырастающими из туловища Медузы Горгоны. Близкой аналогией этой композиции является изображение змеиного гнезда на золотом змеевике Владимира Мономаха. Второй змеевик (диаметр 4,5 см), отлитый из бронзы, обнаружен на усадьбе, датируемой

концом XII – началом XIII в. На лицевой стороне его довольно грубо изображен архангел Михаил (?), держащий в руках лабар и сферу. На оборотной стороне помещена женская голова с отходящими от нее как от центра двенадцатью змеиными головами, причем иногда две змеиные головы отходят от одного туловища (рис. 3, 3,4). Близкую аналогию этому предмету составляет змеевик, найденный в Новгороде в слое конца XII в³⁶. Заклинания на этих змеевиках отсутствуют.

Множество языческих сюжетов, глубоко продуманных сакральных тем можно проследить в орнаментации белокаменных соборов XII–XIII вв., выстроенных владими́ро-суздальскими князьями, а также в таких предметах декоративно-прикладного искусства, как "суздальские золотые врата" или предметы княжеско-боярского убора, известные по кладам³⁷. Все это свидетельствует о сложности и многообразии представлений горожан, соединявших в своем мировоззрении христианские догмы с языческими обычаями и взглядами, об устойчивости языческих представлений и связанных с ними ритуальных действий и атрибутов на протяжении длительной исторической традиции.

¹ ПСРЛ. 1962. 1. С. 148.

² ПСРЛ. СПб., 1907. XVII. С. 1; 1862. IX. С. 64; 1910. XXIII. С. 29. Пг., 1921. XXIV. С. 39.

³ Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 277–329.

⁴ Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские востанья на Руси (XI–XIII вв.). М., 1955. С. 64–81.

⁵ Шапова Ю.Л. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия ("гладилки" из Новгорода) // СА. 1989. N 4. С. 103–114; см. также статью О.М. Олейникова в настоящем выпуске.

⁶ Шапова Ю.Л. Стекланные бусы древнего Новгорода // МИА. 1956. N 55. С. 175. Табл. 12; Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. // Тр. ГИМ. 1959. Вып. 33. С. 152. Прилож. 1.

⁷ ПСРЛ. Пг., 1915. IV, ч. 1. С. 111, 112.

⁸ Седов В.В. Две заметки по археологии Суздаля // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 61–63.

⁹ Житие преподобного отца нашего Исая, епископа Ростовского. М., 1954.

¹⁰ Варганов А.Д. Суздаль. Ярославль, 1971. С. 6.

¹¹ Федоров Анания. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале // Временник Общества истории и древностей российских. М., 1885. Т. 22. С. 70.

¹² ПСРЛ. 1962. 1. С. 492, 493, 507, 508; 1978. 34. С. 95.

¹³ Туников Н.М. Собрание древнерусских личных имен // ЗОРСА. СПб., 1903. Т. VI.

¹⁴ Писцовая книга города Суздаля 1617 года // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Владимир, 1875. Вып. 1. С. 258.

¹⁵ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. II. С. 597.

¹⁶ Снегирев В.М. Суздальские записки. 1973: Рукопись // Архив Владимирских научно-

производственных реставрационных мастерских. Инв. N С–77, N 14934.

¹⁷ Сабурова М.А., Седова М.В. Некрополь г. Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 91–130.

¹⁸ Седова М.В., Беленькая Д.А., Яковлева Т.Ф. Работы в Суздале // АО 1976 г. М., 1977. С. 69.

¹⁹ Седов В.В. К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде. Жертва строителей // КСИИМК. 1971. Вып. 68. С. 20–28.

²⁰ Нижегородские предания и легенды / Сост. В.Н. Морохин. Горький, 1971. С. 21–35; ПСРЛ. СПб., 1863. XV, вып. 1. С. 100; СПб., 1913. XVIII. С. 112.

²¹ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 175. Рис. 75.

²² Aspelin J. Antiquites du Nord Finno-Ougrien. Helsinki, 1877. II. P. 135. Abb. 570.

²³ Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М., 1982. С. 266. Табл. LXXIII, 6.

²⁴ Горюнова Е.Н. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. N 94. С. 139.

²⁵ Седов В.В. Восточные славяне... Табл. LXXIII, 2.

²⁶ Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. 1905. Вып. 15. С. 126. Рис. 400.

²⁷ Рябинин Е.А. Языческие привески-амулеты Древней Руси // Древности славян и Руси. М., 1988. С. 58.

²⁸ Седов В.В. Амулеты-коньки в древнерусских курганах // Славяне и Русь. М., 1968. С. 151–157; Рябинин Е.А. Языческие привески-амулеты... С. 55–57.

²⁹ Седова М.В., Сабурова М.А., Лапшин В.А. Исследования в Суздале и его округе // АО 1984 г. М., 1986. С. 70, 71.

³⁰ Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топорики // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1988. С. 30–32.

³¹ Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней

- Руси X–XIV вв. // САИ. 1981. Вып. Е1-60. С. 18, 19.
- ³²Глазов В.П. Работы во Владимирской области и г. Суздале // АО 1972 г. М., 1973. С. 58.
- ³³Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг.: Краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. С. 93–95. Табл. XIV, 9.
- ³⁴Мельникова Е.А., Седова М.В., Штыхов Г.В. Новые находки рунических надписей на территории СССР // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1983. С. 182–186.
- ³⁵Медынцева А.А. Суздальский змеевик // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991.
- ³⁶Седова М.В. Ювелирные изделия... С. 69. Рис. 23, 5, 6.
- ³⁷Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 559, 561, 589, 643–648, 731.

Р.Ф. ВОРОНИНА

ОБ ОДНОМ ОБЕРЕГЕ КРЮКОВО-КУЖНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Среди многочисленных женских украшений из погребений Крюково-Кужновского мордовского могильника VIII–XI вв., хранящихся в Моршанском районном краеведческом музее, выделяется одно поясное украшение. Это бляха с дверкой, происходящая из погребения 39. Бляхи с дверкой довольно часто находят в женских древнемордовских погребениях. Они лежат на тазовых костях женских скелетов. Таково было расположение и характеризуемой бляхи.

Она представляет собой широкое кольцо, склепанное из бронзовой пластины шириной 4 см. Диаметр бляхи 13 см. Диаметр дверки 5,7 см. Дверка круглая, впереди имеет язычок треугольной формы, длина его 1/5 диаметра дверки. У перехода язычка в дверку он сужается, образуя небольшие округлые выемки. Сзади дверка имеет прямоугольный выступ. В месте склепки пластины в кольцо сделана прямоугольная прорезь, в которую вставлен и загнут прямоугольный конец дверки. По краю бляха украшена тремя рядами ложной зерни. Вокруг дверки, по телу бляхи проходят семь выпуклин с мелкими наколами у основания. Они идут на равном расстоянии друг от друга: три вверху над дверкой, три внизу под нею и одна выпуклина была прикрыта треугольным язычком дверки. В центре дверки – изображение косого ромба, выгравированного зубчатым колесиком. По вершинам ромба расположены выпуклины с мелкими наколами у основания. Концы его выступают в виде отростков (рис. 1). Изображенный ромб весьма близок к орнаменту мордовских вышивок.

Изучая древнюю религиозную символику, А.К. Амброз пришел к выводу, что изображение "ромба с крючками... один из основных элементов крестьянского геометрического орнамента XVIII–XIX вв. на огромной территории, охватывающей Среднюю и Восточную Европу (включая народы... Прибалтики и Поволжья). Он особенно част у земледельческих народов, известен у скотоводов, но почти не встречается у охотничьих народов севера Сибири"¹.

Значение простого ромба, по мнению Амброза, хорошо известно, это символ женского начала в природе.

По этнографическим данным, приведенным А.К. Амброзом, в XVIII в. у чувашей изображение ромба с крючками было "центральным мотивом нагрудной вышивки женских рубах". Близкие по форме ромбы, вышитые по обеим сторонам груди, были и на женских рубахах у марийцев. Эта вышивка, по сообщению В.Н. Белицер, носит название "сторожа груди" и должна охранять молоко кормящей матери².

По мнению А.К. Амброза, символика ромба с крючками хорошо известна в этнографии. Это – символ плодородия в аграрной магии, широко распространенный у многих народов. Однако у финского населения лесной полосы, земледелие которого было тесно связано с огнем, символ плодородия, косой ромб, был увенчан по углам

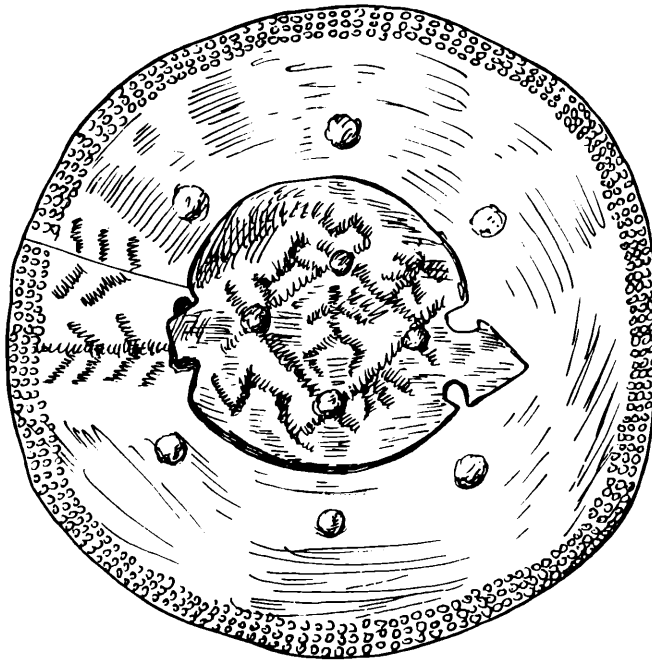

Рис. 1. Бляха с дверкой — оберег Великой Богини.
Из погребения 39 Крюково-Кужновского могильника

символами огня или солнца, солярными знаками, как бы усиливающими его охранительную силу.

Появление и распространение в costume финских и, в частности, древнемордовских женщин специального украшения с подобным символом, охраняющим плодородие женщины, говорит о широком распространении этого культа и представления у древней мордвы.

В бляхе из погребения 39 Крюково-Кужновского могильника в центре ромба расположена женская фигура в позе роженицы. Изображение женских фигур с поднятыми руками или раскинутыми руками и ногами довольно широко известно как в вышивках, так и в деревянной мордовской резьбе. По всей вероятности, здесь мы впервые встречаемся с изображением одного из почитаемых женских божеств древней мордвы, возможно, изображением Великой Матери, богини плодородия, аналогичной славянской богине – Макоше.

Б.А. Рыбаков, анализируя древние источники, отмечает широкое распространение этого культа у славян и указывает, "что... на Збручском идоле богиня с рогом изобилия в руке изображена на главной лицевой грани истукана, а вооруженный Перун отгеснен на боковую грань, по левую руку богини с рогом... которую с полным правом можем назвать Макошью"³.

Центральное расположение ромба с крючками и женской фигурой в позе роженицы, символа Великой богини плодородия, говорит о центральном положении этой богини в пантеоне мордовских племен. Вокруг ромба по телу дверки идут вытисненные зубчатым колесиком изображения. Сюжет и круговая композиция этих изображений уникальны и проливают свет на верования, отдельные культы и идеологию древней мордвы. Справа сверху, над ромбом плодородия изображено дерево (см. рис. 1).

Судя по поднятым вверх ветвям, дерево, изображенное на бляхе, относится к породе лиственных. Вера в духов леса была широко распространена у многих древних народов лесной и лесостепной полосы.

По сообщению М.Ф. Косарева, у многих народов Сибири и Алтая, находившихся на стадии родоплеменных отношений, каждый род имел свое священное родовое дерево⁴. По верованиям, например, обских угров, после смерти человека его душа в виде птички живет на этом родовом дереве до вселения в новорожденного этого рода. Обитавшая в сходных условиях лесной полосы мордва VIII–IX вв., вероятно, имела аналогичные представления и культы. Описывая моления пензенской мордвы XIX в., Б.Т. Евсеев отмечает большое значение культа священных деревьев у мордвы еще в XIX в. Крещеная лишь в конце XVII в., мордва оставалась в значительной степени языческой. Языческий культ был так силен, что христианское духовенство было вынуждено с ним мириться и нередко строить церковь в 300 м от священного дерева. Помолвившись в церкви новому богу, "мордва выходила и начинала молиться у священной липы, принося ей жертвы. Священник вынужден был освятить эти моления у липы или ручья и, взяв у прихожан подношения, уходить, оставив их молиться"⁵.

По свидетельству Евсеева, "липы эти пользовались большим почитанием не только среди мордвы близлежащих селений, но и отдаленных"⁶. Во всяком случае, изображение дерева на крюково-кужновской бляхе свидетельствует о существовании этого культа у мордвы VIII–IX вв. Слева от дерева на бляхе расположено изображение летящей птицы. Символика летящей птицы многообразна. Однако у многих народов она связана с образом бессмертной души – души птицы. Судя по этому, у мордвы в IX в. существовали представления, близкие к представлениям обских угров. Согласно этим представлениям, человек имеет несколько душ. У женщин их четыре, у мужчин – пять. Первая, видимая, большая душа – тень. Эта душа после смерти человека идет с ним в могилу и живет там, на кладбище. Четвертая душа – бессмертная душа-птица, продолжательница рода. Она живет в голове человека и после его смерти, обратившись в птицу, улетает на родовое дерево, где и живет в течение года, пока не переселится в новорожденного этого рода. По мнению В.Н. Чернецова, с появлением аморфной души, едущей или идущей, душа-птица летит впереди нее, показывая ей дорогу⁷.

Изображенная на характеризуемой бляхе летящая от дерева жизни птица, вероятно, душа-птица умершего, показывает дорогу в страну мертвых абстрактной душе. Птица летит влево, по направлению к стоящей в профиль, слева над ромбом плодородия, фигурке животного, возможно, собаки – Синмурва, стерегущей вход в страну мертвых. Внизу, слева, под ромбом плодородия, на дверке изображена извивающаяся, ползущая в сторону собаки змея (см. рис. 1). Символика этого изображения связана с миром мертвых, нижним миром.

Говоря о нижнем мире в славянском язычестве, Б.А. Рыбаков отмечает, что это мир мертвых предков, злых духов, диковинных зверей и водяного змея Дябдара⁸.

Изображение змеи или ящерицы у многих народов, в том числе у обских угров, связано с нижним миром. Согласно представлениям обских угров, змея и ящерица – символы мудрости. Им известны самые потаенные уголки мира мертвых. Они являются проводниками шамана по стране мертвых в путешествии к предкам во время его камлания.

В данном случае ползущая налево, к фигурке животного, змея, вероятно, изображена не только как символ нижнего мира, но и как проводник души умершего по этому миру. Справа внизу, под ромбом с крючками, на дверке изображены три колоска или травинки.

Как говорилось выше, по самому телу бляхи, вокруг дверки, на равном расстоянии друг от друга располагались семь выпуклин с наколами у основания. Три выпуклины – соляные знаки вверху над дверкой, три – под дверкой. Седьмая выпуклина была прикрыта треугольным язычком дверки.

Центральное расположение ромба с изображением Великой богини на бляхе с дверкой аналогично центральному положению славянской богини Макоши на збручском идоле. Это дает основание считать бляху с дверкой-оберегом Великой

богини. Она должна была охранять лоно женщины от злых сил. Изучение символики этого оберега проливает свет на некоторые аспекты идеологии древней мордвы и ее космогонические представления о мире.

По-видимому, для мировоззрения древней мордвы было характерно представление о трехчастности мира. Согласно этим представлениям, мир делится на три части: верхний – мир солнца, света, тепла; средний – мир людей, животных и растений; нижний – мир мертвых предков, темных сил и диковинных зверей. Вероятно, такой моделью мира является описываемая бляха с дверкой. Согласно этим представлениям, центром Вселенной является богиня плодородия Великая мать, символ которой – ромб с крючками и ее изображением – расположен в центре бляхи.

Верхний мир, мир света и солнца, вероятно, символизируют три выпуклины – солярные знаки над ромбом плодородия. Они означают солнце в движении: восходящее, полуденное и заходящее.

Мир средний, можно думать, символически изображен деревом жизни или священным родовым деревом, расположенным справа вверху, над правой стороной ромба и растениями, колосками или травой, изображенными справа внизу, под ромбом.

Слева от ромба с изображением Великой богини – мир мертвых предков, нижний мир. Символами этого мира, можно считать, являются летящая птица – бессмертная душа и стоящая в профиль фигурка собаки Синмурва, стерегущей вход в страну мертвых, а также ползущая к ней змея, изображенные на дверке, и три выпуклины, солярные знаки, расположенные на теле бляхи под ромбом с крючками, символизирующие, вероятно, полуночное движение солнца по подземному миру.

Объединяет три мира единая космогоническая река, символами которой, вероятно, являются три ряда ложной зерни, идущие по краю бляхи.

Таким образом, бляхи с дверкой – обереги богини плодородия являются своеобразными маленькими моделями Вселенной, отражающими космогонические представления о ней древних. Подобные модели — своего рода "карты" Вселенной, известны и у других народов. Таковы, например, шаманские бубны, символика которых также говорит о представлениях трехчастности мира.

Так как племена мордвы обитали в местах со сходными географическими условиями лесной полосы, то в VIII–XI вв. их культуры и верования были близки к представлениям других народов, в частности угров. Не исключено, что близость эта объясняется не только аналогичными условиями географической среды, но и контактами в IX в. с венграми. Отдельные элементы их влияния прослеживаются даже в погребальном обряде некоторых захоронений Крюково-Кужновского могильника. Известны и мордовские погребения в Тиганском могильнике.

¹Амброз А.К. Раннеземледельческий культовый символ ("Ромб с крючками") // СА. 1965. № 3. С. 14.

²Белицер В.Н. К вопросу о происхождении удмуртов // СЭ. 1947. № 4. С. 115.

³Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981. С. 386.

⁴Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М., 1984. С. 202.

⁵Евсеев Б.Т. Братины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // Живая старина. СПб., 1914. С. 3.

⁶Там же. С. 5.

⁷Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // ТИЭ. 1959. Т. 51. С. 131.

⁸Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. С. 60.

ПЕРЕЯСЛАВСКИЙ КЛАД 1912 г.

За каждым русским кладом скрывается трагическая судьба его владельца и нередко стоит детективная история находки. Обстоятельства, при которых найден около 1912 г. небольшой клад на берегу р. Трубеж близ г. Переяслав Полтавской губ. (ныне г. Переслав-Хмельницкий Киевской обл.), неизвестны. Вещи в декабре 1912 г. поступили в Киевский музей древностей и искусств и ныне хранятся в унаследовавшем коллекции последнего Гос. Историческом музее Украины в Киеве.

Переяславский клад в течение длительного времени оставался не освещенным в литературе, и только Г.Ф. Корзухина описала его состав и отметила необычность, позволяющую предположить его принадлежность половцам¹. По словам исследовательницы, "все эти вещи нерусские и скорее всего могут быть связаны с кочевниками, бывавшими здесь, в районе Зарубского брода, особенно часто². Клад отнесен Г.Ф. Корзухиной к числу зарытых в XI — начале XII в. Сейчас, продолжив наблюдения над входящими в состав клада вещами, думается, можно предложить более определенные выводы, касающиеся происхождения вещей и их судьбы.

В состав Переяславского клада входят следующие предметы: 1) круглый серебряный позолоченный медальон с чеканным погрудным изображением св. Николая; 2, 3) серебряная позолоченная чеканная голова зверя; 4, 5) две узкие прямоугольные серебряные позолоченные пластинки с чеканными изображениями зайцев, преследуемых зверями; 6) узкая прямоугольная серебряная позолоченная пластинка с выпуклыми полушариями и сканными проволочками; 7) янтарная бусина на серебряном стержне; 8—10) серебряный обод от чаши с ручкой (рис. 1). Из перечисленных вещей в период Великой Отечественной войны был утерян медальон, но о характере его рельефа возможно судить по сохранившемуся фотоснимку (рис. 2)³.

Обод от чаши, диаметром 17—19 см, орнаментированный имитацией куфической надписи, выполненной чеканом и заполненной чернью (рис. 1, 8—10), имел ручку. По заключению В.А. Крачковской, "надпись" сделана не в арабоязычных странах, но Г.Ф. Корзухина не находит возможным предположить принадлежность ее русским мастерам и видит в нем копию какой-то арабской надписи куфического шрифта XI в., тем более что "буквы" обведены типичным для него наколом⁴. Подобные имитации куфического письма характерны не для русского, а для византийского орнамента, где они получают распространение с X в., украшая греческие рукописи, металлические и поливные глиняные сосуды.

Круглый серебряный медальон с чеканным погрудным изображением св. Николая имеет выполненную эпитафическим унциалом сопроводительную греческую надпись $\text{OD}[\gamma\text{OC}] \text{NIKOLAOC}$ (рис. 1, 1). Бюст святого, заключенный в обрамление из ложной чеканной крупной зерни, выдается плоским рельефом и не отличается правильностью пропорций: голова по своим размерам едва не превышет верхнюю часть тела от шеи до пояса (см. рис. 2). Иконографический тип св. Николая — обычный для византийских памятников, предполагающий фронтальное положение фигуры в епископском облачении, благословляющую правую руку перед грудью и кодекс Евангелия в левой⁵. Складки фелони переданы выпуклыми линиями: узкий омфор украшают кресты из четырех шаровидных бусин; крышка переплета кодекса орнаментирована в технике накола, сочетаемой с гравировкой. Голову окружает нимб не круглой, а овальной формы, с контуром, обозначенным рельефной полоской. Стилистические и эпитафические признаки медальона указывают на его принадлежность к последней четверти XI в., не позволяя сомневаться в причастности к изготовлению византийского мастера.

Вряд ли может возникнуть сомнение и относительно функционального назначения

Рис. 1. Переяславский клад серебряных вещей (по Г.Ф. Корзухиной) (1—10)

этого серебряного медальона (диаметром 7 см), дырочки от гвоздей по краю которого говорят о его креплении на деревянную основу. Механические повреждения свидетельствуют о том, что серебряная пластина сорвана грубо и поспешно. Медальон явно служил принадлежностью оклада обрамления большой иконы. Подобные византийские серебряные оклады икон, выполненные в технике чеканки, а иногда, кроме того, украшенные сканью, чернью и гравировкой, известны по сохранившимся образцам⁶. Правда, последние преимущественно относятся к более позднему времени. Но великолепный серебряный оклад иконы с поясным изображением Христа Пантократора, с вкладной надписью абхазского царя Баграта III (975—1014 гг.) указывает на то, что обычай помещать медальоны с бюстами святых на обрамлении уже был известен к началу XI в.⁷ Типологически напоминающие раннехристианские *imagines clipeatae*⁸ медальоны со святыми на обрамлении появляются в Византии в македонскую эпоху, о чем свидетельствует икона св. Николая в монастыре св. Екатерины на Синае⁹. Однако широкое распространение их в основном приходится на конец XI — начало XII в., что косвенно отразилось и в оформлении ставропек¹⁰.

Рис. 2. Серебряный медальон из Переяславского клада

Произведения металлопластики, чрезвычайно близкие к византийским, создавали в указанный период киевские мастера серебряного дела. Об этом, в частности, говорит Большой сион Софийского собора в Новгороде, выполненный по заказу Владимира Мономаха¹¹. На первый взгляд медальон из Переяславского клада сближается с чеканной фигурой св. Климента на крышке новгородской ставротеки, датируемой серединой XII в.¹² Здесь проявляются аналогичные диспропорции и сходные тенденции в характере рельефа. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что кажущееся сходство объяснимо отчасти следствием деформации обоих памятников торевтики. И следует еще раз подчеркнуть, что переяславский медальон (см. рис. 2) не имеет особенностей, позволяющих выводить его датировку за пределы XI в.

Голову дракона, составленную из двух серебряных чеканных и позолоченных половинок, Г.Ф. Корзухина условно определяла как навершие какого-то деревянного предмета, палки или жезла; при этом ею были отмечены условно-орнаментальная моделировка головы и выпуклые миндалевидные глаза¹³. Звериная голова (рис. 1, 2—3) в какой-то мере напоминает свинцовую головку дракона с открытой пастью и скрученным языком из находок на Рюриковом городище¹⁴. Назначение последнего предмета тоже неясно. Показательно, что прямые аналогии найденной в составе Переяславского клада серебряной голове дракона отсутствуют и среди русских древностей, и среди предметов византийского и восточного художественного импорта¹⁵, равно как и в искусстве кочевников¹⁶. Изображения драконов были широко распространены в тератологии на огромном пространстве от Ирана до Ирландии, и поэтому локализовать даже сам тип с волчьей головой затруднительно. Но как ни оригинально это изображение, его стиль выдает принадлежность руке приднепровского мастера, работавшего в традициях "степного" искусства¹⁷. Назначение серебряной головы дракона, имеющей дырочки для гвоздей, скорее всего можно определить в качестве рукояти кинжала, точнее — ее навершия. Этому соответствует и форма изделия, и устрашающий оскал зубов зверя. В составе Переяславского клада голова дракона является наиболее ранним предметом, изготовленным не позднее второй половины X в. К русским зооморфным украшениям с их многочисленными разновидностями она отношения не имеет¹⁸.

Две фрагментарно сохранившиеся узкие прямоугольные серебряные позолоченные пластинки украшены чеканными изображениями зайца, преследуемого зверьми (рис. 1,

4, 5). Эти композиции были заключены в зерчатые обрамления. Отверстия от гвоздей указывают на крепление пластинок на деревянную основу, и вряд ли можно ошибиться, предположив в фрагментах металлической оббивки принадлежность к небольшой коробочке византийского происхождения. Подобные издания редко привлекали внимание исследователей прикладного искусства. Оставались незамеченными и пластинки с чеканными выпуклыми полушариями, расположенными в ряд, в обрамлении сдвоенных толстых сканых проволочек, в составе того же Переяславского клада (рис. 1, 6). Датировать этот материал вне комплекса вещей, в сущности, невозможно, потому что он лишен ярких признаков, позволяющих воспользоваться выводами стилистического анализа. И если бы упомянутые три серебряные пластинки оказались в положении изолированных находок, для них следовало бы предложить самую широкую датировку в пределах XI—XIII вв. В данном случае изделие, которое украшали чеканные пластинки, нет никаких причин датировать позднее XX в. Если зооморфные сцены и невозможно с полным правом отнести к жанру звериного гона, то их связь с тематикой византийских ларцов X—XI вв., украшенных резными пластинками слоновой кости, достаточно очевидна¹⁹. Технические приемы, использованные в обработке пластинок из Переяславского клада, не дают определенного ответа на вопрос о национальной принадлежности выполнившего их мастера. Но характер рисунка скорее указывает на авторство византийца.

Поскольку Переяславский клад представляет случайную находку вещей, нельзя высказать уверенность в том, что он содержит все изделия, входившие в состав археологического комплекса. По этой причине остается не совсем понятным и назначение янтарной бусины, надетой на серебряный стержень с конической бронзовой шляпкой на одном конце и гаечкой — на другой (рис. 1, 7). В том виде, в каком клад известен, он производит впечатление незначительной части добычи, доставшейся на долю кочевника, принимавшего участие в разграблении древнерусского города. То обстоятельство, что вещи зарыты за пределами городских стен Переяслава, говорит в пользу высказанного предположения, и, таким образом, версия о половце как о владельце клада представляется весьма правдоподобной. Отмеченные механические повреждения на серебряном медальоне, равно как и на пластинках от оковки ларца, могли появиться только в результате варварского расхищения художественных сокровищ. Древний Переяслав был ими достаточно богат.

С середины XI в. Переяслав был столицей княжества и имел значение одного из основных культурных центров Киевской Руси²⁰. В развитии строительства видную роль сыграла деятельность митрополита Ефрема, вступившего в управление епархией после 1072 г.²¹ Придворный княжеский евнух Ефрем, ставший постриженником Печерского монастыря, затем прожил несколько лет в одном из константинопольских монастырей, где осуществил славянский перевод устава Студийского монастыря. Связи, установленные в византийской столице, позволили митрополиту Ефрему не только приобретать драгоценную литургическую утварь, но и приглашать мастеров. Русские летописи под 1089 г. восторженно говорят об освящении Ефремом построенного им храма в честь архангела Михаила, фундаменты которого открыты сравнительно недавно²². В 1096 г., уже после смерти Ефрема, дважды совершили набеги на Переяслав половецкие ханы Куря и Тугоркан, но были разбиты, и последний погиб в бою. Однако в 1107 г. половцы во главе с ханом Боняком снова проникли к городу, а затем в 1110 г. повторно появились у Переяслава и опустошили его окрестности. Половецкие набеги были столь частыми, что вряд ли возможно связать конкретно с определенным из них сокрытие Переяславского клада.

Произведения художественного ремесла, о которых шла речь, в основном принадлежат к светскому обиходу, и только фрагмент серебряного убранства большой иконы может быть с уверенностью отнесен к предметам, украшавшим церковный интерьер. В этом сказывается существенное отличие Переяславского клада от византийского художественного импорта в домонгольском Киеве²³. Каким бы скром-

ным ни представлялся состав изделий, в целом они могут служить важным дополнением к сохранившимся произведениям из золота и серебра, бывшим в употреблении у русской знати²⁴. Половецкий воин, силой завладевший этой малой частью предметов роскоши, явно не смог воспользоваться своей добычей, и она надолго осталась лежать в земле, пока случайная находка не сделала Переяславский клад достоянием науки.

- ¹ Корзухина Г.Ф. Русские клады IX—XIII вв. М.; Л.; 1954. С. 12, 26, 27, 41, 42, 93, 94. Табл. XVI. 39.
- ² Там же. С. 42.
- ³ Снимок любезно предоставлен Н.И. Шендрик, которой я выражаю искреннюю благодарность.
- ⁴ Корзухина Г.Ф. Русские клады... С. 26. Рис. 5.
- ⁵ О культе св. Николая и его изображениях см.: Anrich G. Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche: Texte und Untersuchungen. Leipzig; B. 1913—1917. Bd. I—II; Meisen K. Nikolauskult und Nikolausbrauch im Abendlande: Eine kultgeographisch-volkskundliche Untersuchung. Düsseldorf, 1931.
- ⁶ См.: Radovic S. Zur Geschichte des silbergetriebenen Reliefs in der byzantinischen Kunst // Tortulae. Studien zu altchristlichen und byzantinischen Monumenten. Rom; Freiburg; Wien, 1966. S. 229—242, Taf. 57—61; Grabar A. Les revêtements en or et en argent des icônes byzantines du moyen âge. Venise, 1975.
- ⁷ Чубинашвили Г.Н. Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959. С. 182—190. Табл. 99.
- ⁸ Ср.: Grabar A. L'imago clipeata chrétienne // L'art de la fin de l'antiquité et du moyen âge. P., 1968. Vol. 1. P. 607—613. Pl. 146—153.
- ⁹ Вейцман К., Хадзидакис М., Миятев К., Радойчиц С. Иконы на Балканах. Синай, Греция, Болгария, Югославия. София, Белград, 1967. С LXXX—LXXXI. Табл. 16.
- ¹⁰ Искусство Византии в собраниях СССР. Каталог выставки. М., 1977. Вып. 2. № 548.
- ¹¹ Этот вывод аргументирован в подготовленной мною к печати статье "О киевской торевтике времени Владимира Мономаха". Воспроизведения медальонов Большого сиона см. в кн.: Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X—XIII вв. Л., 1970. Ил. 84—87.
- ¹² Луцко В.Г. Новгородская ставроетка // Byzantinoslavica. Prague, 1969. XXX. P. 241—245. Fig. 1.
- ¹³ Корзухина Г.Ф. Русские клады... С. 93.
- ¹⁴ Полубоярнинова М.Д. Раскопки на Рюриковом городище в 1965 г. // Новое в археологии. М., 1972. С. 223. Рис. 4, 2.
- ¹⁵ Даркевич В.П. Светское искусство Византии: Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X—XIII вв. М., 1975; Он же. Художественный металл Востока VIII—XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.
- ¹⁶ Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967.
- ¹⁷ Орлов П.С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X—XI вв. // Культура и искусство средневекового города. М., 1984. С. 32—52. В то же время голова дракона более заметно отличается от изделий причерноморского происхождения. См.: Орлов П.С. Північнопричерноморський центр художньої металлообработки у X—XI ст. // Археологія. Київ, 1984. Вип. 47. С. 24—44. Несмотря на глубокий архаизм, изделие не может быть отнесено к числу предметов, бытовавших в Восточной Европе в более ранний период. Ср.: Приходнюк О.М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н.е. Київ, 1980 (особенно следует сопоставить с зооморфными фигурками из Мартыновского клада).
- ¹⁸ Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X—XIV вв. // САИ. Л., 1981. Вып. EI-60.
- ¹⁹ Многочисленные образцы см. в кн.: Goldschmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X—XIII. Jahrhunderts. B. 1030. Bd. 1.
- ²⁰ Подробнее о роли города и Переяславского княжества см.: Археологія Української РСР. Київ, 1975. Т. 3. С. 212—221; Кучера М.П. Переяславское княжество // Древнерусские княжества XI—XIII вв. М., 1975. С. 118—143.
- ²¹ О нем см.: Барсуков Н. Источники русской агнографии. СПб., 1882. Стб. 198—201.
- ²² Асеев Ю.С., Харламов В.А., Сикорский М.И. Исследования Михайловского собора в Переяславе-Хмельницком // Славяне и Русь: (На материалах восточнославянских племен и Древней Руси). Киев, 1980. С. 154—170.
- ²³ Луцко В. Византийский художественный импорт в древнем Киеве // Slavia Antiqua. Poznań, 1983. XXXIX. С. 127—142. Более подробно этот материал освещен в подготовленной к печати моей работе «Византийский художественный импорт в истории искусства домонгольской Руси».
- ²⁴ Грабар А.Н. Светское изобразительное искусство домонгольской Руси и "Слово о полку Игореве" // Тр. Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. XVIII. С. 263—267.

ИССЛЕДОВАНИЕ МОГИЛЬНИКОВ ГРОБИНЯС ПРИЕДИЕНС В ЗАПАДНОЙ ЛАТВИИ

Группа памятников (несколько грунтовых и курганных могильников, а также разнотипные поселения), расположенных на побережье у г. Гробиня (Лиепайский р-н), прочно вошла в число источников изучения балто-скандинавских связей, формирования международных путей сообщения и развития торговых связей на Балтике. Однако предложенная более 50 лет назад интерпретация этого археологического комплекса,¹ требует определенных коррекций.

Сообщения о некоторых из рассматриваемых объектов попали на страницы научной литературы еще в XIX в.² Тогда же эта часть Курземе привлекла внимание исследователей в связи с изучением похода в Курляндию шведского конунга Олафа.³ Отмечалось и присутствие восточнее Лиепайского озера вещей скандинавского происхождения.⁴ Летом 1929 г. в результате небольших раскопок, проведенных Ф. Балодисом близ западной границы города, удалось выявить 2(3)? грунтовых трупосожжения, атрибутированных как скандинавские⁵. Позднее раскопки продолжил Э. Штурмс⁶. Однако широкую известность гробинские памятники приобрели благодаря работам шведского исследователя Б. Нермана, который в 1929—1939 гг. раскопал здесь 99 грунтовых сожжений, 33 кургана, провел разведочные обследования городища и собрал сведения о многочисленных случайных находках, зарегистрированных к тому времени в ближайших окрестностях г. Гробиня. В серии изданных работ,⁷ завершившихся фундаментальной публикацией собранного материала⁸, исследователь попытался определить место рассматриваемых памятников в истории Прибалтики. По мнению ученого, около середины VII в. на побережье Курземе возникло несколько скандинавских колоний. После 650 г. здесь появились выходцы из средней Швеции, которые, захватив "очень слабо заселенные" земли куршей, построили на берегу р. Аланды, в 12 км от Лиепайского озера, небольшое укрепление. После "завершения завоевания", под покровительством шведов сюда проникают готландцы, находившиеся с 550 г. под властью свейских конунгов, и также основали свое поселение. Если "шведский гарнизон" в первую очередь состоял из "воинов" и "сборщиков подати", то готландцы создали богатую торговую колонию. Переселенцы поддерживали активные связи с метрополией. Поселение выходцев из средней Швеции прекратило существование в результате "восстания" куршей около 800 г., тогда как готландское поселение функционировало до середины IX в.

Следы шведской колонии в районе г. Гробиня сохранились в виде двух курганных могильников Пасторат (ныне Приедиенс) и Порани, а также городища на берегу р. Аланды. Присутствие готландской колонии засвидетельствовано материалами грунтового могильника Смукуми (ныне Рудзукалнс). Археологические данные, по мнению Б. Нермана, полностью совпадают со свидетельствами письменных источников, и в первую очередь с рассказом о походе в Курляндию около середины IX в. шведского конунга Олафа, включенного в "Житие святого Анскария", составленного не позднее 876 г. архиепископом Римбертом. Согласно этому источнику, курши, находившиеся "некогда" под властью шведов, сбросили иноземное ярмо, что повлекло за собой около 850 г. неудачный для захватчиков поход датчан, а затем, около 854 г. — крупную карательную экспедицию конунга Олафа, в ходе которой удалось захватить два "города" в Курземе — Апули и Зеебург. Последний населенный пункт автор гипотезы счел возможным отождествить с комплексом памятников в районе г. Гробиня⁹. Изложенная гипотеза, несмотря на недостатки, отмеченные в литературе¹⁰, в той или иной степени получила признание¹¹, а ее основные положения используются в публикациях до настоящего времени¹².

Раскопки в г. Гробиня продолжили советские исследователи. Отметим работы П. Степиньша и И. Дайги в 1951, 1957, 1962, 1969 гг., результаты которых, к сожалению, не были введены в научный оборот¹³. С 1984 г. к изучению рассматриваемого комплекса памятников приступила совместная экспедиция, созданная Ленинградским отделением Института археологии АН СССР и Институтом истории АН Латвии. В 1984—1985 гг. работы были сосредоточены на могильниках Приедиенс, близ восточной границы г. Гробиня¹⁴. Здесь в 1929 г. зафиксировано 430 насыпей, сгруппированных вдоль старого русла реки. Северо-восточнее курганов, практически рядом с участком, занятым насыпями, располагается могильник с грунтовыми захоронениями.

Исследования последнего времени позволяют во многом по-новому представить сложные этнокультурные и социальные процессы, протекавшие на берегах р. Аланды во второй половине I тысячелетия н.э. Впрочем, материалы старых раскопок далеко не во всем подтверждали построения шведского ученого. Так, схема проникновения на западное побережье Курземе скандинавских переселенцев (сначала выходцев из средней Швеции, а затем готландцев), предложенная Б. Нерманом, противоречит его же собственным датировкам. Ведь погребения древнее 650 г. ни на готландском, ни на шведских могильниках исследователь не выявил, тогда как комплексы 650—700 гг. есть и среди грунтовых, и среди курганных захоронений¹⁵. Не находит подтверждений в материале и утверждение будто бы гробинское городище основано шведскими воинами. Находки, полученные при раскопках 1930 г. на площадке городища, столь малочисленны, что не позволяют определить не только то, когда возникло укрепление, но и как и кем оно использовалось в рассматриваемое время. Некоторые другие положения шведского исследователя также излишне упрощены и не выдерживают серьезной критики. Так, для Б. Нермана шведские переселенцы это, разумеется, "могучие воины", "сборщики податей", а готландцы — хитроумные торговцы только потому, что они "во все времена были торговыми людьми". При этом указанный автор ссылается на заметное преобладание мужских захоронений в 29 вскрытых курганах. Однако последующие раскопки, когда удалось исследовать 45 объектов¹⁶, показывают, что количественное соотношение мужских и женских погребений в насыпях оказалось не столь контрастным, как представлялось Б. Нерману. Вообще рассмотрение многих вопросов, в том числе и о социальном составе некрополя, мешает неудовлетворительное состояние полевой изученности памятника. Подавляющее большинство объектов вскрыто "колодцами" или траншеями, причем для многих из них полевая документация отсутствует. Как только раскопки стали производиться на современном методическом уровне, сразу же удалось обнаружить ряд особенностей сооружений (ровики, погребальные площадки, остатки огненного ритуала и т.д.), которые просто не могли быть выявлены прежде, что, безусловно, значительно обидело представление о погребальном обряде.

В 1984 г. сплошным раскопом площадью 280 кв.м полностью исследован курган диаметром 11—12 м, при высоте 1—1,25 м (рис. 1, 1—б) и частично еще две расположенные рядом, небольшие, сильно испорченные насыпи, которые, судя по стратиграфии, возведены позднее центрального сооружения. В полах последнего раскрыты 4 подпрямоугольных или подковообразных в плане ровика глубиной 0,2—0,6 м, шириной до 2—2,5 м, ограничившие ромбовидный участок со сторонами 8—9 м, занятый погребальной площадкой со следами древнего дерна, угольками, кострищами. Около центра сооружения открыты нижняя, обугленная часть столба диаметром 0,2 м,

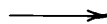
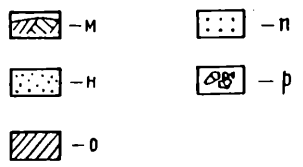
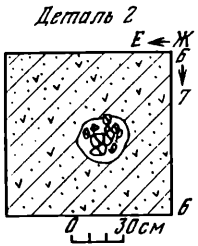
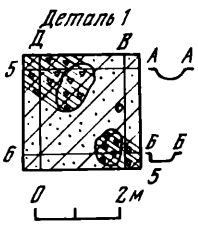
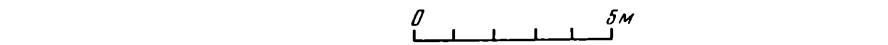
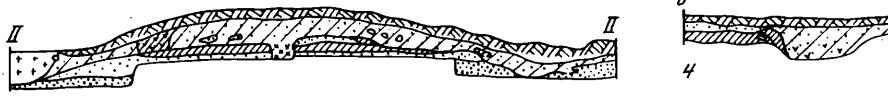
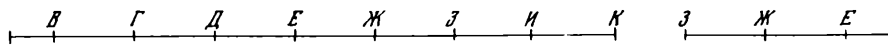
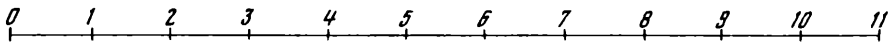
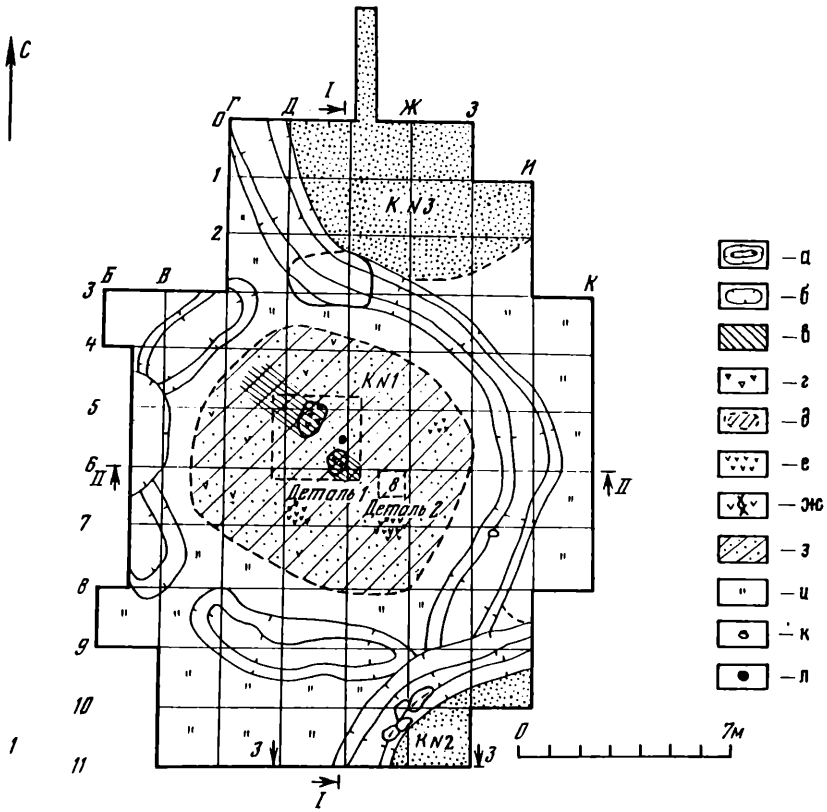

Рис. 1. Курган 1. План (1), разрезы (2—4) и детали: могильные ямы (5), лепшой горшок (6)

a — ров; *b* — ямы; *в* — скопления кальцинированных костей; *г* — кальцинированные кости; *д* — погребенная почва; *е* — скопления углей; *ж* — угольки; *з* — гумусированный песок; *и* — материк; *к* — горшок; *л* — яма от столба; *м* — дерновый слой; *н* — песок; *о* — гумус; *п* — перекоп; *р* — фрагменты керамики

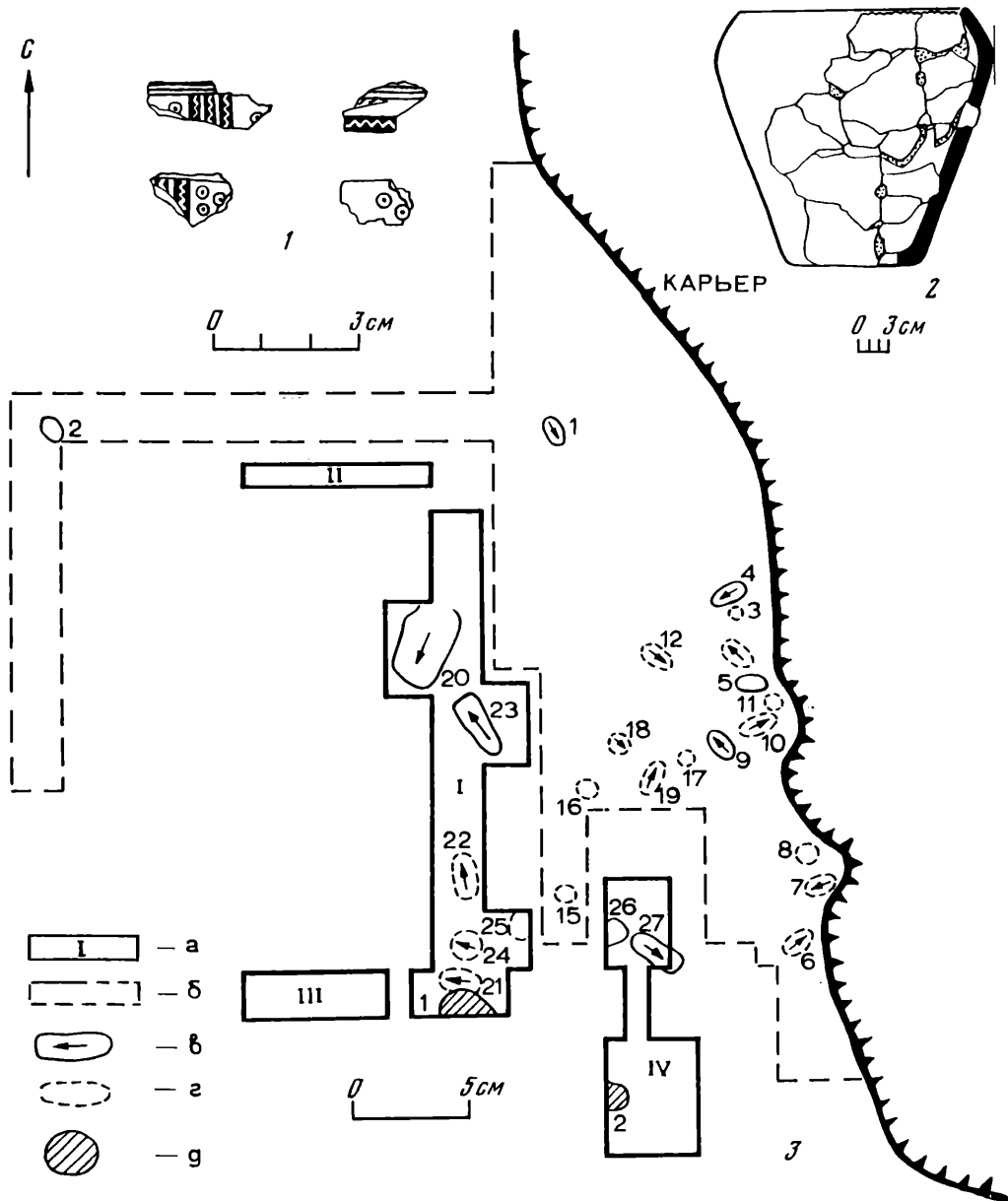

Рис. 2. Фрагмент костяного гребня (1) и глиняный сосуд (2) из кургана 1; план куршского грунтового могильника (3)

а — раскопки 1984 г; б — раскопки 1969 г; в — могильные ямы; з — предполагаемые могильные ямы; д — кострища

а рядом — две углубленные в материк на 0,3—0,35 м овальные ямы длиной 0,85—1,25 м при ширине 0,55—0,75 м, заполненные светло-серым песком с включениями угольков. В ямах и рядом прослежены скопления кальцинированных костей. Это, возможно, остатки двух (?) погребений — сожжений на стороне. В одном из захоронений найдены обгорелые фрагменты костяного, одностороннего, составного, крупного, орнаментированного гребня (рис. 2, 1), несколько железных предметов и обломки

лепной керамики. В 1,7 м к юго-востоку обнаружен раздавленный крупный лепной сосуд (см. рис. 1, б; 2, 2). Все перечисленные объекты располагались вдоль длинной диагонали погребальной площадки. В заполнении ровиков отмечены обильные включения угля и обломки лепной керамики.

Данные раскопок позволяют представить процесс формирования погребального сооружения. На небольшом всхолмлении высотой до 0,5 м устроили ромбовидную площадку, склоны всхолмления слегка подрезали, близ центра площадки установили деревянный столб, а рядом поместили остатки кремации. Крупный горшок, угольки, кострища — следы обрядов предшествовавших или сопутствовавших похоронам. Материал для насыпи взят со склонов и из ровиков. Обломки керамики и угли в заполнении ровиков являются следами обрядов, последовавших за похоронами. Ромбовидная в плане форма погребальной площадки, столб в центре длинной диагонали наводят на мысль о возможной связи подобной организации комплекса с идеей погребальной ладьи.

В двух курганах, исследованных в 1985 г., также отмечены погребальные площадки со следами обрядов (обломки керамики, угольные включения), связанных с похоронами, а в районе погребения, открытого в одной из насыпей, наряду с типично мужским инвентарем (железный боевой нож, части щита, бронзовая пряжка, ременные оковки и т.д.), пережженным в пламени погребального костра, найдены вещи, относящиеся к женскому убору (бронзовые фибулы, браслеты, цепочки, стеклянные бусы и др.), без следов пребывания в огне. Среди кальцинированных костей встречены остатки птицы (рис. 3, а, б).

Приведенные примеры показывают, насколько неполны сведения о погребальном обряде большинства курганов могильника Приедиенс, а это в свою очередь требует более осторожного подхода к анализу социального состава некрополя. Отметим только, что, судя по сравнению состава инвентаря грунтовых (Рудзукалнс) и курганных (Приедиенс) захоронений с материалом соответствующих рядовых могильников Скандинавии, вывод Б. Нермана о специфическом характере шведского поселения ("Гарнизон") представляется не бесспорным.

Одним из самых существенных недостатков в представлениях о данном комплексе является недооценка роли местного населения в формировании зоны обитания на берегах р. Аланды. Это обстоятельство особенно важно подчеркнуть в связи с открытием П.П. Степиншым в 1969 г. еще одного грунтового могильника, расположенного на небольшой возвышенности северо-восточнее курганов. Исследователю удалось раскопать 18 труположений и 1 сожжение, которые он датировал V—VI вв. В 1984 г. здесь было вскрыто еще 8 труположений¹⁷ (рис. 2, 3). Некрополь входит в ареал грунтовых захоронений юго-западной Курземе среднего железного века и схож по инвентарю и погребальным традициям с такими известными памятниками, как Мазкатужи и Гейстаути, а наиболее близкие аналогии имеет на территории литовского Поморья, где с первых веков н.э. были распространены могильники с каменными венцами, а с VIII в. — грунтовые захоронения¹⁸. Погребенные помещались на глубине 25—60 см. Зафиксированные прямоугольные могильные ямы длиной 2—3 м, при ширине 0,7—1,5 м впущены на глубину 0,3—0,8 м. Захоронения ориентированы по линии ЮВ—СЗ или ЮЗ—СВ. Характерной особенностью является наличие близ погребений отдельных валунов или каменных конструкций — остатков каменных венцов или их символов. Аналогичные конструкции известны в могильниках Капседа, Гейстаути, Мазкатужи¹⁹. Немалую роль в погребальном обряде играли огненные ритуалы. Судя по непо потревоженным захоронениям, инвентарь располагался в обычном для куршей порядке: оружие, орудия труда, миниатюрные сосуды размещались в изголовье, а украшения — так, как их носили. В мужских погребениях из орудий труда найдены втульчатый топор, коса, точильный брусок, ножи, пинцет, а в женских — каменные цилиндрические пряслица, шилья, иглы. Оружие представлено тремя втульчатыми копьями. Во многих погребениях у черепа зафиксирован сосуд —

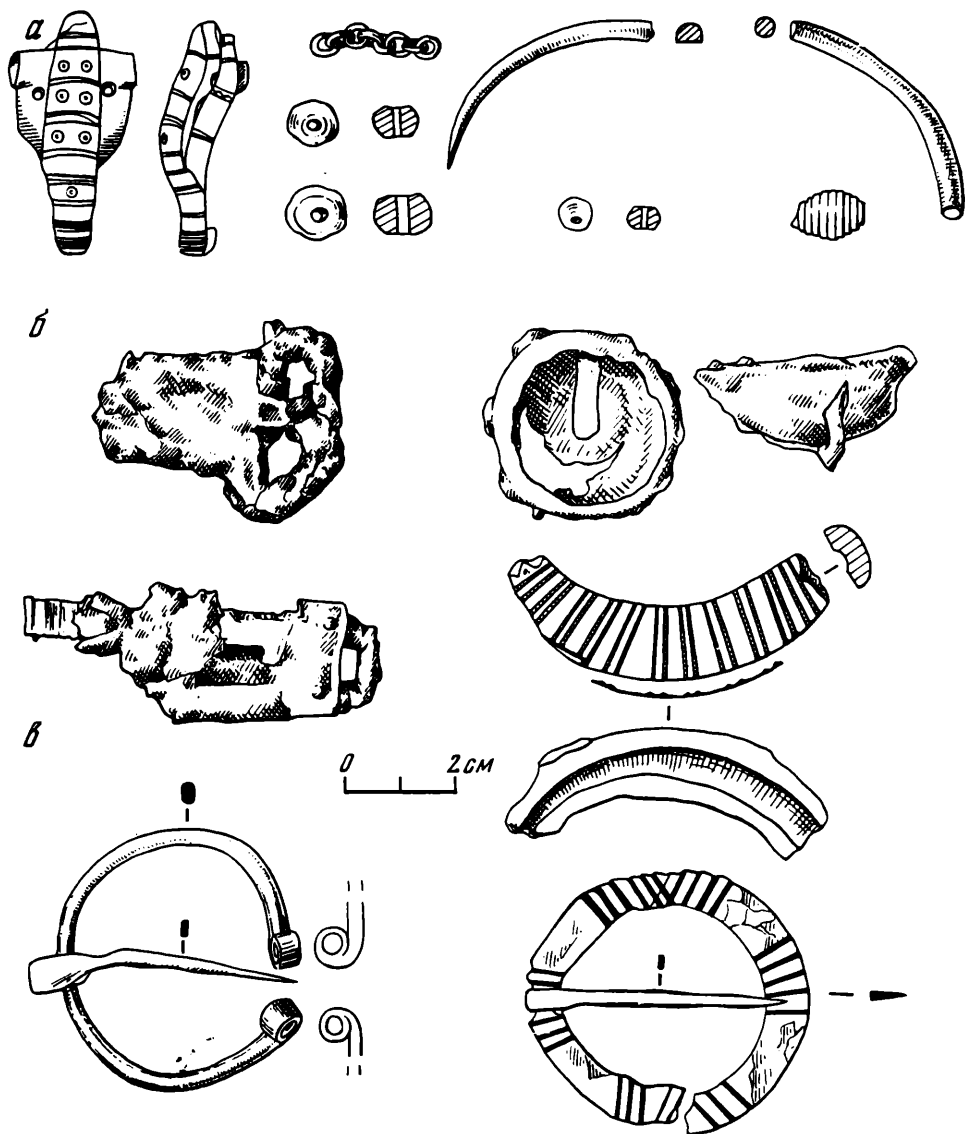

Рис. 3. Вещевые находки

а — женский инвентарь погребения кургана 5; *б* — мужской инвентарь погребения кургана 5; *в* — отдельные находки с территории могильников

традиция, прослеживаемая на литовском Поморье и в Курземе с первых веков новой эры. Украшения преобладают в женских захоронениях. Особенно богатый инвентарь обнаружен в погребении 27 (1984 г.): бронзовая шейная гривна с обмотанными, утолщенными концами, завершающаяся петлей и крючком, ожерелье из серебряных цилиндров, стеклянные и янтарные бусы, спиральные перстни, браслеты с утолщенными гранеными концами, железные посоховидные булавки (рис. 4, 1). Нагрудное украшение состояло из двух тугуловидных (с отростком в центре) булавок (?), двух цепедержателей и двухрядной цепочки. Тугулы и цепедержатели украшены имитацией зерни и скани из серебра, а также вставками из темно-синего стекла. У черепа найдены: берестяная коробочка, украшенная бронзой, миниатюрные браслеты

Рис. 4. Находки из погребений грунтового могильника
1, 3 — из погребения 27; 2, 4 — из погребения 19

и сосуд (рис. 4, 1, 2). Датируется комплекс концом V в. Аналогичные украшения сопровождали также погребения 16, 17, 19 (1969 г.).

Раскопки 1984 г. позволяют расширить хронологические рамки куршского могильника. В частности, обнаруженные в бронзовом тусе при погребении 23 (1984 г.), очевидно, у изголовья римские бронзовые монеты II в. н.э. (определение

Т.М. Берга) заставляют отнести нижнюю хронологическую границу некрополя к II—IV в. н.э., но некоторые находки заставляют задуматься о верхней дате памятника. Назовем, например, копье с вытянутым линзовидным пером и короткой втулкой (рис. 4, 3), относящееся, судя по аналогиям из Айзкрауклес Леясбитене, к концу VIII в., и небольшую бронзовую булавку с головкой в виде двух плоских спиралей, выявленную в потревоженном погребении 19 (1969 г.) среди инвентаря V—VI вв. (рис. 4, 4). В Литве идентичные булавки датируются IX в. В Латвии они представлены в материалах селов и латгалов позднего железного века²⁰. Видимо, булавка не вошла в комплекс, и ее следует рассматривать как отдельную находку, относящуюся ко времени не ранее IX в.

Таким образом, археологический материал противоречит по меньшей мере предположению Б. Нермана о "слабой заселенности" данной территории накануне появления здесь выходцев из Скандинавии. Однако дело не только в этом. Омоложение верхней хронологической границы куршского могильника (если указанное предположение подтвердится), присутствие балтских вещей (например, шейные гривны, спиральные браслеты и перстни, спиральки, посоховидная булавка) в погребениях скандинавских некролей²¹, а также сходные находки²² из тех и других памятников свидетельствуют, что в создании, видимо, особых по своей структуре поселений на берегах р. Аланды наряду с пришельцами, сыгравшими, безусловно, заметную роль, активное участие принимали и местные жители. Еще один многозначительный сигнал об интенсивном этнокультурном взаимодействии разных групп населения дают вещи-гибриды, найденные в г. Гробиня. Отметим известную уже более 150 лет, украшенную скандинавским звериным орнаментом²³, типично балтскую²⁴ арбалетовидную фибулу VII в. из "гробинского клада" (?) 1831 г. и балтский спиральный браслет, концы которого оформлены под влиянием скандинавской культуры²⁵.

Приведенные факты заставляют отказаться от односторонней интерпретации и слишком упрощенного понимания рассматриваемого комплекса памятников. Появление около середины VII в. нового населения в издавна обжитом районе Курземе независимо от причин указанной миграции привело к возникновению в данном регионе новой историко-культурной ситуации.

Район приобрел повышенную для своего времени концентрацию полиэтничного населения на сравнительно небольшой территории, что безусловно способствовало преодолению рядовой и племенной обособленности, стимулировало за счет обмена опытом и выработки более совершенной технологии развитие производства, увеличивало качественно (спектр вкусов) и количественно спрос, опережающий производство, а это, в свою очередь, вело к активизации связей с отдаленными землями. Именно в таких местах при соответствующих условиях, на определенном этапе развития общественных отношений и зарождаются некоторые из протогородских образований²⁶. В этой связи возникает вопрос о целях и результатах походов в Курземе, которые около середины IX в. предприняли датчане, а затем и шведы²⁷.

¹ *Nerman B. Funde und Ausgrabungen in Grobina 1929 // Congressus Secundus Archaeologorum Balticorum. Riga, 1913. S. 201—203.*

² *Kruse F. Necrolivonica oder Alterthümer Liv-Esth- und Curlands bis zur Einführung der Christlichen Religion in der Kaiserlich Russischen Ostsee — Gouvernements. Dorpat; Leipzig, 1842. S. 22—23. Tab. 35, e; 36, d, e; Сизов В.И. Предварительный отчет... о поездке с целью археологических исследований в Курляндскую губернию летом 1895 г. // Тр. Московской предварительной комиссии X Археол. съезда в Риге. М., 1896. Вып. 2. С. 8.*

³ *Bielenstein A. Le village d'Apoulé (Opoulé) dans le gouvernement de Kowno et la ville finnoise Apulia (853) // Тр. IX археол. съезда в Вильне 1893 г. М., 1895. Т. 1. С. 62—80.*

⁴ *Nerman B. Die Verbindungen zwischen Scandinavien und dem Ostbaltikum in der jüngeren Eisenzeit // Handlingar. Stockholm, 1929. N 40, 1. S. 82—86.*

⁵ *Balodis F. Pārskats par 1929. gada arheoloģiskiem izrakumiem Grobiņas Smukumu senkapos // Latvijas PSR vēstures muzeja Arheoloģijas nodaļa arhīvs (далее — LVM arhīvs), N AA-58. В этих работах также принимал участие Э. Штурмс.*

- ⁶ *Sturms E.* Schwedische Kilonien in Lettland // *Fornvannen*. 1949 N 44. S. 205—217.
- ⁷ *Nerman B.* Fynden från Grobin i Lettland: Catalogue of exposition at Statens Historiska Museum. Stockholm, 1930; *Idem.* Funde und Ausgrabungen in Grobina 1929. S. 201—203; *Idem.* Seeburg upptäcktes // *Jorden ger*. Stockholm, 1931. *Idem.* The Grobin finds' evidence of the incorporation of Gotland under Svea Kingdom // *Acta Archaeologica*. København, 1931, Vol. III. Fack. 2. P. 157—167; *Idem.* Der Handel Gotlands mit dem Gebiet am Kurischen Haff Jahrhunderts // *Prussia*. Bd. 29. S. 160—162; *Idem.* Swedish Viking colonies on the Baltic // *ESA*. 1934. T. IX. P. 276—366; *Idem.* Sveriges första storhetstid. Stockholm, 1942. S. 161—184; *Idem.* Den Gotländska fornforskningens historia. Stockholm, 1945. S. 142—161.
- ⁸ *Nerman B.* Grobin-Seeburg: Ausgrabungen und Funde. Stockholm, 1958. S. 1—200. Tab. 1—61.
- ⁹ *Ibid.* S. 174—200.
- ¹⁰ См., например: *Петренко В.П.* Памятники скандинавского происхождения в западной части Курземского полуострова в VII—IX вв. // Тез. докл. V Всесоюз. конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., 1971. Ч. 1. С. 8—11.
- ¹¹ История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. 1. С. 37, 38, 70; *Stenberger M.* Det forntida Sverige. Stockholm, 1964. S. 635—640; *Шаскольский И.П.* Норманская теория в современной буржуазной историографии. М.;Л., 1965. С. 197, 198; *Latvijas PSR arheologija*. Riga, 1974. 174—148. lpp.
- ¹² См., например: *Зоценко В.Н.* Пути проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье (IX—X вв) // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгрессе славянской археологии. М., 1985. С. 126—127.
- ¹³ *Stepiņš P.* Pārskats par: 1951. g. VI—VII. izrakumiem uzkalnīnu kāpos Grobiņas Priedulājas // Архив отдела археологии Ин-та истории АН ЛССР (далее — Архив ИИ). № VII АА, 1:11; *Idem.* Pārskats par Liepājas vēstures un mākslas muzeja izrakumiem, 1969 g... kuršu kapulauka Grobina pie "Priedulājem" // Архив ИИ. № VII А, 1:172; *Idem.* Izrakumiem Grobina 1969. gada // *Zinatniskas atskaites sesijas referātu tezes par arheologu, antropologu un etnografu 1969. gada pētījumu rezultātiem* (далее — Rt). Riga, 1970. 36—37. lpp.; *Daiga I.* Pārskats par izrakumiem Grobiņas uzkalnīnu kapulauka 1957. g. // Архив ИИ. N VIIA, 1:126; *Urtans V.* Etniskas atšķirības apbedīšanas tradīcijas un kapu inventāra Latvija 5—9. gs. // *Arheologija un ģeogrāfija*. Rīga, 1970. T. IX. 79—81. Lpp.
- ¹⁴ *Петренко В.П., Озере И.А.* Новые данные о балтско-скандинавских отношениях по материалам памятников г. Гробиня // Пробл. этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 86—98; *Они же.* Раскопки могильников в г. Гробиня // АО 1984 г. М., 1986, С. 443; *Asaris J., Ozere J., Petrenko V.* Izrakumi Grobiņā // Rt. 1986. 25—36. Lpp.
- ¹⁵ *Nerman B.* Grobin-Seeburg. S. 176—181.
- ¹⁶ В 1951 и 1957 г. раскопано несколько курганов, которые прежде уже были вскрыты "колодцами".
- ¹⁷ *Stepiņš P.* Izrakumiem Grobiņā... 36. Lpp.; *Озере И.А.* Раскопки могильника Гробиня в Придиенс в 1984 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985. С. 54.
- ¹⁸ *Latvijas PSR arheologija*. 103, 148. Lpp.; *Lietuvos archeologiniai paminklai*. Lietuvos pajurio I—VIIa. kapinyai. Vilnius, 1968. P. 86, 87; *Lietuvos archeologijos atlasas*. Vilnius, 1977. T. 3. P. 10, 16—17; *Kulikauskas P., Kulikauskienė P., Tautavicius A.* Lietuvos archeologijos brujzai. Vilnius. 1961. P. 280—281.
- ¹⁹ *Latvijas PSR arheologija*. 103. Lpp.; *Urtans V.* Etniskas atšķirības... 61. Lpp.; *Moora H.* Pirmatnijas kopienas iekarta un agra feodala sabiedrība Latvijas PSR teritorijā. Rīga, 1952. 91. Lpp. 55. zīm.; *Sturms E.* Pārskats par izrakumiem Rucavas pag. Mazkatužos 1942.g. // LVM arhivs. N AA-302; *Idem.* Pārskats par izrakumiem Rucavas kapulauka 1942. g. // *Ibid.* N AA-303.
- ²⁰ *Latvijas PSR arheologija*. 232—233. Lpp.; *Lietuvos TSR archeologijos atlasas*. Vilnius, 1977. N 4. P. 87.
- ²¹ *Nerman B.* Grobin-Seeburg. S. 16—34, 58—68.
- ²² *Ibid.* Taf. 18, 91.
- ²³ *Kleeman O.* Die beiden Fibeln von Grobin // *Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst aus den Jahren 1934. Jelgava, 1935.* S. 1—5.
- ²⁴ *Kruse E.* Necrolivonica... S. 22, 23. Tab. 35; *Urtans V.* Etniskas atšķirības... 81. Lpp.; *Idem.* Senākie depoziiti Latvijā (līdz 1200. g.) Rīga, 1977. 26, 27, 155, 156. Lpp., 63. Cit.
- ²⁵ *Nerman B.* Grobin-Seeburg. Taf. 18, 20.
- ²⁶ *Булкин В.А., Лебедев Г.С.* Пгездово и Бирка: (К проблеме становления города) // *Культура средневековой Руси*. Л., 1974. С. 11—17; *Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси. Л., 1978. С. 138 и след.; *Кирпичников А.Н., Рябишин Е.А., Петренко В.П.* Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги // *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Л., 1985. С. 48—51; *Петренко В.П.* Ладога X в. и проблемы сложения средневекового города // Тез. докл. сов. делегации на V Междунар. конгресс славянской археологии. С. 65, 66.
- ²⁷ Если вопрос о значении для поселений в районе г. Гробиня указанных походов требует дополнительных исследований, то совершенно бесспорным представляется предположение В.Н. Зоценко о переселении в конце VIII — начале IX в. шведов, изгнанных в результате восстания куршей с берегов р. Алауды в Среднее Поднепровье (см. *Зоценко В.Н.* Пути проникновения... С. 126—127), которое противоречит всей совокупности имеющихся фактов.

ЭЛЕМЕНТЫ ПИСЬМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ ЗЕМЛИ ПРУССОВ

Появление письменности является важным этапом истории древних народов, показывает определенный уровень их социального и культурного развития. Как правило, появление письменности предшествует (или совпадает по времени) становлению раннегосударственных отношений.

Исследования В.Т. Пашуто, Х. Моора и Х. Лиги показали наличие в XII–XIII вв. у племен юго-восточной Прибалтики социальной ситуации предгосударственного уровня¹. Правда, письменные источники (прежде всего: "Хроника земли Прусской" Петра из Дусбурга) фиксируют отсутствие письменности у раннесредневековых балтов, прежде всего у пруссов². Для прояснения этого вопроса у населения западных рубежей балтского мира целесообразно привлечь данные археологии.

Знаки, напоминающие руны, встречены в междуречье рек Вислы и Немана, т.е. в ареале пруссов и родственных племен, на украшениях.

1. Два пластинчатых перстня, обнаруженные на Куршской косе, имели нанесенные в одном случае два раза, в другом случае – три раза знаки, по мнению В. Герте, соответствующие руне "jaga"³. Как и руны старшескандинавского футарка из Кёрлина и Петроасы, данные надписи датируются IV–V вв.

2. Пальчатая бронзовая фибула вида "Киев" (рис. 1, 1) из погребения 548 могильника Косево 1 (Ольштынское воеводство Польши) на тыльной стороне содержала прорезное изображение знака, напоминающего руну старшескандинавского футарка "fe" ("Freye")⁴. Дата фибулы – 600–650 гг.⁵

3. Подковообразная фибула из погребения могильника Кауп без номера (инв. N V. 99. 7391 по описи бывш. Пруссия-музеум), на одной из ромбических головок которой прорезаны два руноподобных знака (рис. 1, 2)⁶. Дата фибулы — 950–1000 гг.⁷

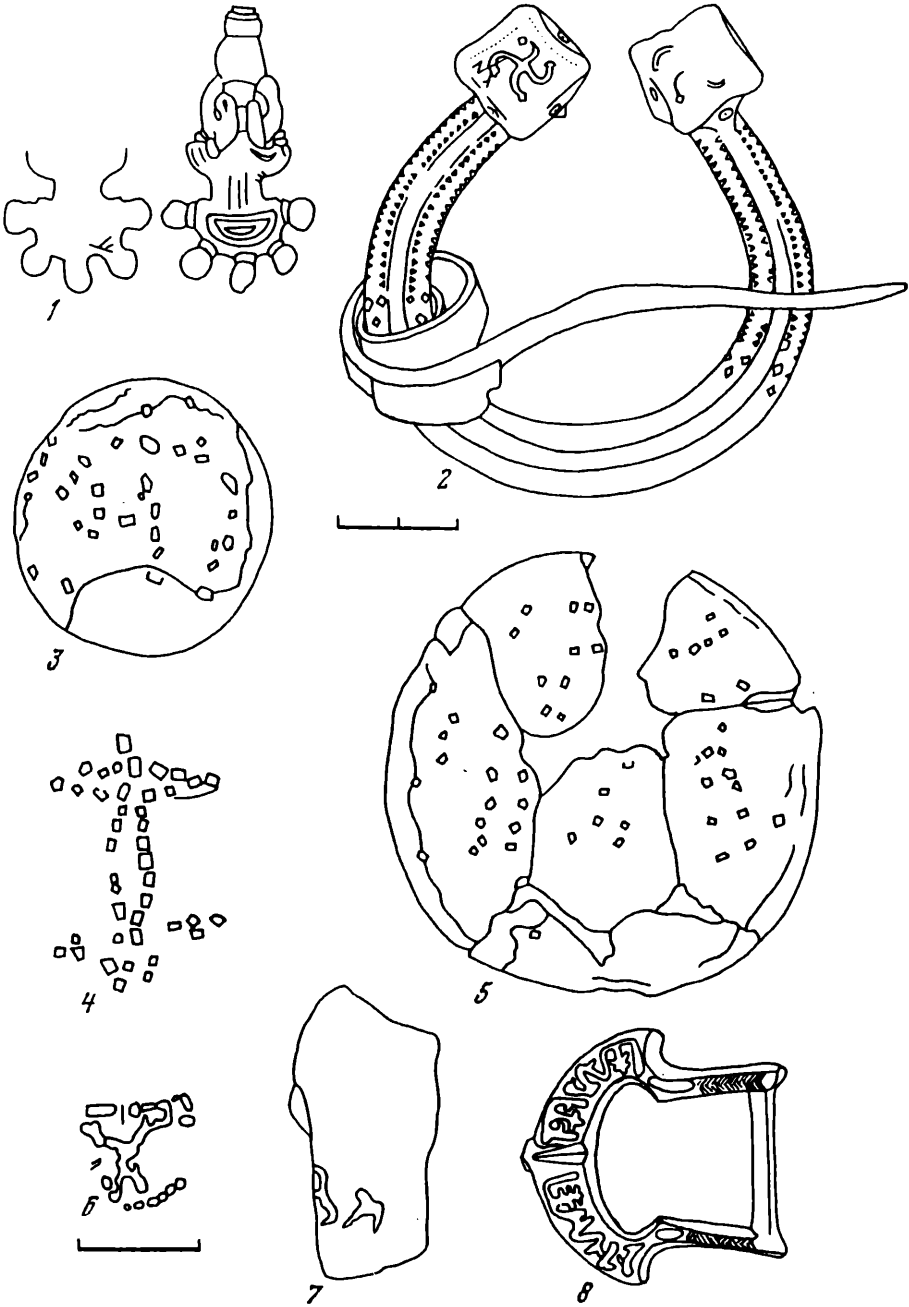
"Знаки собственности", традиционно возводимые к рунам младших скандинавских футарков⁸, встречены на оружии и бытовых предметах.

4. Секира типа М (по Я. Петерсену) из погребения 10 могильника Ирзекапинис (Зеленоградский р-н Калининградской обл.) имеет на торцевой стороне бронзовой обкладки рукоятки выбитый пуансоном знак (рис. 1, б)⁹. Последний известен среди дворовых знаков раннесредневековой Европы под названием "песочные часы" и восходит к руне "qufu"¹⁰. Дата секиры со знаком – 990–1020 гг.¹¹

5. Знаки на днищах трех круговых сосудов – временных урн из погребений 36, 49 и 64 могильника Ирзекапинис (рис. 2, 3–5). Временные урны в обряде пруссов VI–XI вв. служили для переноса кальцинированных костей с погребального костра в могилу. Здесь кости высыпали в могильную яму, а временную урну бросали рядом. Знаки на днищах сосудов выложены мелкими частицами дробленого гранита по сырой глине перед обжигом керамики. Скорее всего эти фигуры первоначально выкладывались на дощечке, на которую потом ставили перед формовкой временную урну. После обжига некоторые частицы гранита отпадали. Ввиду специфики изображения этих знаков их можно считать не просто знаками собственности хозяев сосудов¹², а скорее всего

Рис. 1. Элементы звуковых систем в материальной скульптуре раннесредневековых пруссов

1 — бронзовая фибула из погребения 548 могильника Косево 1; 2 — бронзовая фибула без номера могильника Кауп; 3 — днище сосуда из погребения 64 могильника Ирзекапинис; 4 — знак на днище сосуда из погребения 49 того же могильника; 5 — днище сосуда из погребения 36 того же могильника; 6 — знак на секире из погребения 10 того же могильника; 7 — остатки надписи на фрагменте сосуда из раскопа III могильника Ирзекапинис; 8 — имитация арабской надписи на пряжке из погребения без номера могильника Вольное; 9 — надпись на "флаге" и "гербе" пруссов

ΔΕΗΑ 0271. Αδελφ. } Η Ε Γ Ο Η . Φ 7 Α Τ 5 5 5 5 Α Χ
 843. 9

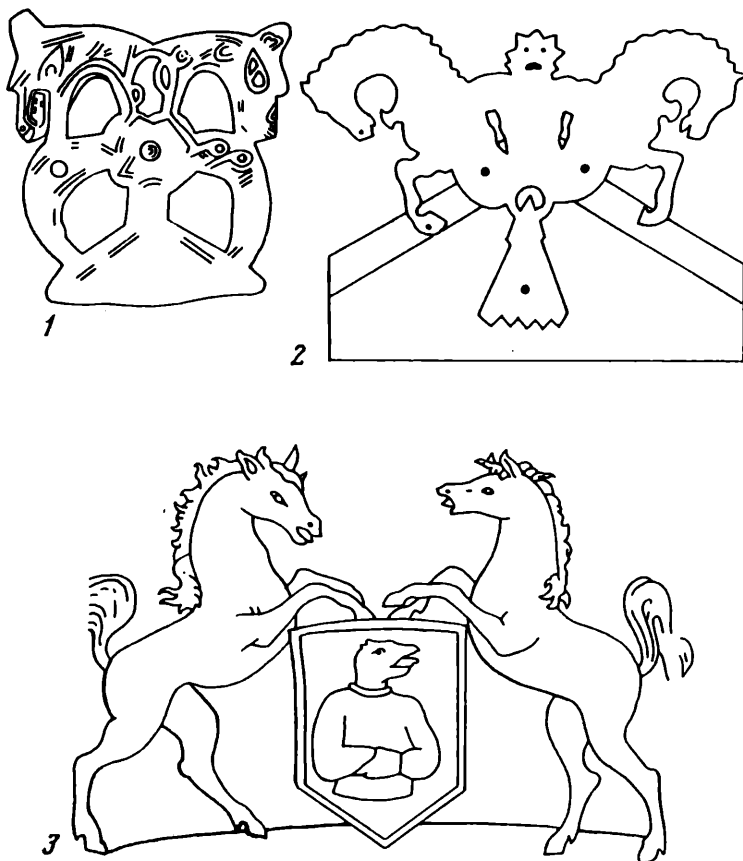

Рис. 2. Реплики посоха Криве-Кривайтиса

1 — обоймица стремени из погребения 1 могильника Ирзекапинис (изображение выполнено серебряной инкрустацией по железу); 2 — деревянное навершие фронтона из д. Пакарклис (Кедайняйский р-н Литвы); 3 — "герб Видевута" (реконструкция К. Хеннебергера, конец XV в)

тамгами тех людей, чьи кости содержались в этих временных урнах. Дата сосудов — 1020–1100 гг.¹³

6. Имитация арабской надписи представлена на бронзовой лировидной пряжке (рис. 1, 8) из могильника Вольное (Зеленоградский р-н Калининградской обл.). Имитация надписи сделана еще на восковой форме данной пряжки перед ее помещением в литейную глиняную форму. Как справедливо отметил В. Герте¹⁴, пряжка имеет аналогии в болгарских древностях Поволжья. Чуждой балтам является не только имитированная надпись, но и сама форма пряжки. Сходным образом арабские надписи моделировались на киевских подражаниях диргемам 950–1000 гг.¹⁵ Этим временем, видимо, следует датировать и пряжку из могильника Вольное.

Строчные надписи в прямом смысле слова представлены в раннесредневековом прусском материале следующим образом.

7. Два знака (буквы?), прочерченные до обжига на стенке кругового сосуда из раскопа III (вне погребальных комплексов) могильника Ирзекапинис (рис. 1, 7).

8. Текст на "знамени Видевута" (знаменитого вождя пруссов), впервые опубликованный в 1526 г. в "Прусской хронике" Симона Грунау (рис. 1, 9)¹⁶. Долгое время данные хрониста подвергались критике¹⁷. Однако в последнее время реалии, описанные Грунау, в том числе представленные на "знамени" образы прусских богов —

Рис. 3. "Знамя Видевута" (реконструкция К. Хешебергера, конец XV в)

Перкунса, Патолса и Потримпса, признаны соответствующими культуре раннесредневековых пруссов-язычников¹⁸. Проведенный недавно фактологический анализ "Прусской хроники" позволяет утверждать факт использования Грунау не дошедших до нас подлинников текста XIII в., принадлежавшего перу первого епископа Пруссии Христиана¹⁹. Последний использовал в своих записях как пропавшие к настоящему времени средневропейские хроники I тысячелетия н.э., так и непосредственную информацию представителей различных социальных слоев прусского общества. Среди последних, видимо, присутствовали и языческие жрецы, обладавшие значительным объемом данных. Подлинность сообщения хрониста о "знамени Видевута" можно косвенно доказать посредством рассмотрения упомянутого после "знамени" "герба Видевута": "Кроме того, существовал некий щит, по сторонам которого стояли две белые лошади. На щите был погрудно изображен некто вроде мужа с лицом, напоминающим медведя с разверстой пастью"²⁰ (рис. 2, 3). Данный "щит", аналогии которому есть как в археологическом (рис. 2, 1), так и в этнографическом (рис. 2, 2) материалах западных балтов, вполне реален. Правда, этот предмет не имеет отношения к геральдике и является, как и близкие ему по схеме навершия скифских жезлов²¹, ритуальным жреческим посохом. Изображение на его навершии солнечного бога Перкунса, влекомого двумя священными для пруссов белыми лошадьми, вполне логично. Видимо, этот жезл соответствует упомянутой Петром из Дусбурга "кривуле" – символу сакральной власти верховного жреца пруссов Криве-Кривайтиса²². Также и само "знамя Видевута" вряд ли было знаменем в собственном смысле этого слова. Скорее всего Христиан и вслед за ним Грунау, описывая языческие святыни, спасенные пруссами перед разгромом крестоносцами святилища Ромове²³, воспринимали их в рамках своего мировоззрения как государственные и геральдические аксессуары. Среди упомянутых выше предметов культа были жезл Криве-Кривайтиса и священный покров с изображением божеств, ограждавший святилище от глаз посторонних²⁴. Такие же священные покровы использовались в X–XI вв. в храмах западных славян²⁵. Симон Грунау сообщает, что надпись была представлена как на "знамени" (рис. 3), так и на "гербе Видевута"²⁶.

Итак, в прусском археологическом материале VI(?)–XIII вв. имеются 11 предметов со знаками письменности или с изображениями, близкими к последним. По их характеру данные знаки можно объединить в следующие группы:

I. Отдельные руноподобные знаки VI(?)–X вв., дополнительно свидетельствующие

о заметной роли скандинавов в общественной и культурной жизни западных балтов эпохи раннего средневековья. Участвовавшие в формировании прусской дружины скандинавские воины и торговцы²⁷ оставили в юго-восточной Прибалтике (как и вообще на северо-западе Восточной Европы) значительное количество памятников старше- и младшерунической письменности. Они имеют с основным магическое значение²⁸. По мнению ряда исследователей, скандинавские руны оказали прямое влияние на создание одного из вариантов знаковой системы средневековой Литвы – календарных знаков²⁹.

II. Знаки собственности (N 4, 5) XI в., частично восходящие к рунической письменности. Таково происхождение знака на секире из Ирзекапиниса (N 4). Знаки на днищах временных урн пруссов, как и изображения на латвийских пряслицах XII в.³⁰, могли являться элементами примитивного письма местного, балтского происхождения и вести свою родословную от древнейших элементов орнамента³¹.

III. Имитация арабской надписи (N 6) связана, видимо, с попыткой восточноевропейского (киевского?) мастера полностью воссоздать облик престижного иноземного украшения. Факт находки в земле пруссов этой пряжки еще раз подтверждает тесные этнокультурные контакты, наладившиеся в X в. между землями западных балтов и Киевской Русью³².

IV. Надписи на керамике и сакральных реликвиях пруссов (N 7, 8). Последний текст, приведенный Симоном Грунау и показанный им как одно целое, возможно, разделяется на две части. Это можно предполагать из смысла данных "Прусской хроники": "Итак, были на гербе и знамени буквы и надписи, нам неизвестные..."³³. В любом случае эти знаки письменности рассматривались учеными XVIII–XIX вв. как единый текст, переведившийся на основе рунической или греческой знаковых систем самым разнообразным образом³⁴. В 1904 г. литовские языковеды К. Яунюс и К. Буга, используя греческий алфавит (надпись на "знамени" была К. Бугой смоделирована), перевели сакральную надпись пруссов так: "Богов наивысших (погоды) – три: Патоллос, Перкунас, Патримпас. 1309 (год)"³⁵. Текст, как считали исследователи, был написан на древнегреческом языке. Несмотря на внешнюю логичность текста, не решен ряд вопросов, которые не были ясны и авторам перевода (время проникновения греческого письма в землю пруссов, наличие в тексте "сокращений", "датировка", данная в конце текста, и т.п.)³⁶. Перевод прусского текста, сделанный К. Бугой на заре своей научной деятельности, казался спорным самому автору перевода и впоследствии уже не привлекал его внимания. Работа над переводом надписей на "гербе" и "знамени" пруссов XIII в. требует серьезных специальных изысканий. Пока же можно предполагать, что знаки данного текста находят отдельные аналогии как в англосаксонских рунах³⁷, так и в системе письменности раннесредневековых тюрков³⁸. Подобные компоненты в формировании письменности пруссов неудивительны. Данные археологии и топонимики показывают, что как англосаксы³⁹, так и представители тюркского мира⁴⁰ принимали активное участие в социальной жизни пруссов, включались в состав их дружинной и жреческой знати.

Изложенная выше информация о памятниках письменности раннесредневековых пруссов может быть суммирована следующим образом.

Воспроизведение (возможно, имитация) руноподобных знаков в юго-восточной Прибалтике в VI(?)–X вв. отражало присутствие на этих землях пришельцев с северных берегов Балтики. Скандинавы активно участвовали в деятельности местной дружины. Результатом определенной интеграции скандинавской и прусской дружинных культур явилось внедрение некоторых принципов рунической письменности в структуру одного из вариантов местной системы знаков.

Иная система знаков (логографическая) представлена на сосудах. Её элементы отражены в "маркировке" временных урн и функционально могут примыкать к знакам собственности. Надписи на сакральных реликвиях пруссов представляют собой третий

вариант письма, наиболее развитый. Не исключено, что он возник в жреческой среде вследствие внешних импульсов.

Существование в земле пруссов в раннем средневековье минимум одной системы знаков и элементов других систем знаков связано с различными целями передачи информации, с разными материалами, на которые наносились знаки и, возможно, с использованием систем знаков различными слоями местного общества.

- 1 Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 116; Moora H., Ligi H. Wirtschaft und Gesellschaftsordnung der Völker des Baltikums zu Anfang des 13. Jahrhunderts. Tallinn, 1970. S. 52, 53.
- 2 Матузова В.И. «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга // Вопросы истории. 1986. N 7. С. 66.
- 3 Gaerte W. Nordischer Runenzauber in Ostpreussen // Unsere Heimat. 1932. N 4. S. 42.
- 4 Мельникова Е.В. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 12.
- 5 Kihl H. Das Problem der masurgermanischen Fibel in Ostpreussen // Documenta archaeologica W. La Baume dedicata. Bonn, 1956. Taf. XXIII, 11–31.
- 6 Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 12.
- 7 Кулаков В.И. Этапы истории пруссов // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989. С. 39.
- 8 Homeyer C. Die Haus- und Hofmarken. В., 1870. S. 30.
- 9 Кулаков В.И. Результаты раскопок грунтового могильника у поселка Клиновки в 1977 г. // Acta Baltico-Slavica. Bialystok, 1980. Т. XIII. Fig. 8.
- 10 Homeyer C. Die Haus- und Hofmarken. S. 145. Taf. II, D.
- 11 Кулаков В.И. Дружинные элементы в могильниках пруссов VII – начала XI в. // Археологические памятники европейской части РСФСР. Погребальные памятники. М., 1988. Рис. 4.
- 12 Кулаков В.И. Древности пруссов VI—XIII вв. // САИ Г1-9. М., 1990. С. 35.
- 13 Кулаков В.И. Дружинные элементы... Рис. 4.
- 14 Gaerte W. Die Schnalle von Schulstein min arabischer Schrift // Altpreussen. Königsberg, 1935. I. S. 65.
- 15 Rispling G. Coins with crosses and bird – Christian imitation of Islamic coins? // Fornvännen. 1987. 82. Fig. 1.
- 16 Simon Grunau Preussische Chronik. Leipzig, 1876. Bd. 1. S. 78.
- 17 Мержинский А.Ф. Ромове // Тр. X Археол. съезда в Риге. М., 1899. Т. 1. С. 355–359.
- 18 Иванов В.В., Топоров В.Н. Перкунас // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 303.
- 19 Šimenas V. Videvutis – legends ar tirkovė // Vakarų baltų archeologija ir istorija. Klaipėda, 1989. P. 43.
- 20 Simon Grunau Preussische Chronik. S. 77.
- 21 Граков Б.Н. Скифы. М., 1971. С. 83, 84. Табл. XII.
- 22 Матузова В.И. «Хроника земли Прусской» ... С. 66.
- 23 Кулаков В.И. Дружинные элементы... С. 129, 130. Рис. 8.
- 24 Simon Grunau Preussische Chronik. S. 78.
- 25 Срезневский И. Архитектура храмов языческих славян // ЧОИИДР. 1846. 3. С. 47, 48.
- 26 Simon Grunau Preussische Chronik. S. 77.
- 27 Кулаков В.И. Кауп // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 99.
- 28 Петренко В.П., Кузьменко Ю.К. Младшерунические надписи // Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. С. 153.
- 29 Dundulienė P., Straižys V. Apie senovės Lietuvių rašta // Mokslas ir Gyvenimas. Vilnius, 1985. N 12. P. 27.
- 30 Цауне А.В. Когда появилась письменность на территории Латвийской ССР? // Наука и техника. Рига, 1980. N 2. С. 23.
- 31 Эниньш Г. Загадки знаков // Родник. Рига, 1988. N 1(13). С. 36–38.
- 32 Кулаков В.И. Пруссы и восточные славяне // Тр. V Междунар. конгресса славянской археологии. М., 1987. Т. III, вып. 1а. С. 120.
- 33 Simon Grunau Preussische Chronik. S. 77.
- 34 Vasanavičius J. Apie senovės prūsų raštą // Lietuvių tautos. Vilnius, 1926. P. 12, 13.
- 35 Вига К. Videvuto vé liavos antrašas // Ibid. P. 16.
- 36 Ibid. P. 19, 20.
- 37 Фридрих И. История письма. М., 1979. Рис. 236.
- 38 Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. М., 1981. Рис. 49.
- 39 Кулаков В.И. Начало дружины пруссов // X Все-союз. конф. по изучению истории, экономики, литературы скандинавских стран и Финляндии. М., 1986. С. 189, 190.
- 40 Кулаков В.И. Степные реминисценции у ранне-средневековых сербов // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 140–143.

ИЗРАЗЦЫ ЗАПАДНОЙ ЛИТВЫ В XIV – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Важность изразцов как источника истории материальной культуры средневековых городов ни у кого не вызывает сомнения. К сожалению, изразцы из исторических городов и замков Литвы пока слабо научно обработаны и в основном не опубликованы¹. Цель настоящей работы – анализ изразцов из Западной Литвы. Предстоит рассмотреть вопрос о времени появления изразцов на этой территории, составить схему эволюции горшковых изразцов, разработать их типологию, выявить декоративные особенности пластинчатых изразцов.

Изразцы как элементы печи появились в XIII в.² или, возможно, в XII – начале XIII в. в районе Альп³. Оттуда они постепенно распространились по всей Европе. Этот путь проследила И. Осе⁴. Относительно времени появления изразцов в Прибалтике еще нет единого мнения, хотя новые археологические раскопки в городах и замках внесли в этот вопрос некоторую ясность. Если в 1969 г. К. Штраус, анализируя керамику Ливонии, время появления горшковых изразцов в Прибалтике относил к XIII–XIV вв.⁵, то новейшие раскопки в Латвии позволяют говорить о том, что только в XIV в. здесь появились первые изразцы, до рубежа XV и XVI вв. они еще мало применялись⁶. А. Таутовичюс заметил, что в феодальных замках Литвы изразцы стали известными во второй половине XIV в.⁷ Белорусские исследователи, опираясь на новейшие исследования, в том числе на дендрохронологическое датирование, появление изразцовых печей относят к началу XIV в.⁸ Таким образом, можно утверждать, что изразцы в Прибалтике и Белоруссии появляются в XIV в.

Характерная черта древнейших изразцов – круглое устье⁹. Именно фрагменты таких горшковых изразцов были найдены и в Клайпеде (рис. 1, А, 1). Они относятся к середине – второй половине XIV в. Тулово изразцов из Клайпеды – цилиндрическое, устье круглое, диаметр 12–13 см. XIV в. они датируются и в Белоруссии, хотя там они были известны и в XV в.¹⁰ Этот тип изразца эволюционировал также в высокий, цилиндрический изразец (высотой более 35 см), но уже с квадратным (12 × 12 см) устьем (рис. 1Б, 1). Такой изразец в Клайпеде датируется концом XV – началом XVI в., но как показывает археологический материал этого периода, эта форма горшкового изразца в то время уже была анахронизмом. В это время доминируют невысокие горшковые и мисочные изразцы с прямоугольным или квадратным устьем (рис. 1Б, 2, 3). Наиболее широко в печах горожан Европы они применялись в XIV в.¹¹

Не только в Клайпеде, но и в других городах Литвы так же, как и в других странах Европы, очень широко распространились и длительное время использовались невысокие изразцы с прямоугольным и квадратным устьем. В Клайпеде и в Западной Литве они датируются концом XV–XVII в., а в крестьянских домах Жемайтии, как и в Латвии, а также в Польше они применялись еще и в XIX в.¹² Характерные черты изразцов из Западной Литвы: невысокое тулово (8–14,7 см)¹³ и небольшое (13,5×13,5 – 14,5×15,5 см) устье. Но надо отметить, что в коллекции горшковых изразцов Клайпеды и других поселений Западной Литвы (Варняй, Тельшяй, Паланга, Крестинга, Швекшна, Шилуте) есть и характерные особенности: клайпедские – в среднем несколько меньшей высоты, в XV – начале XVI в. они часто украшены розеткой, концентрическими кругами, конусообразным выступом посередине днища. В середине второй половины XVI в. они иногда покрывались зеленой глазурью на тонком слое ангоба. Изразцы из других названных поселений редко были глазурированы или декорированы. Здесь найдены и горшковые изразцы с четырехлепестковым устьем высотой 14–22 см, диаметром около 17 см (рис. 1Б, 5), которые свидетельствуют об

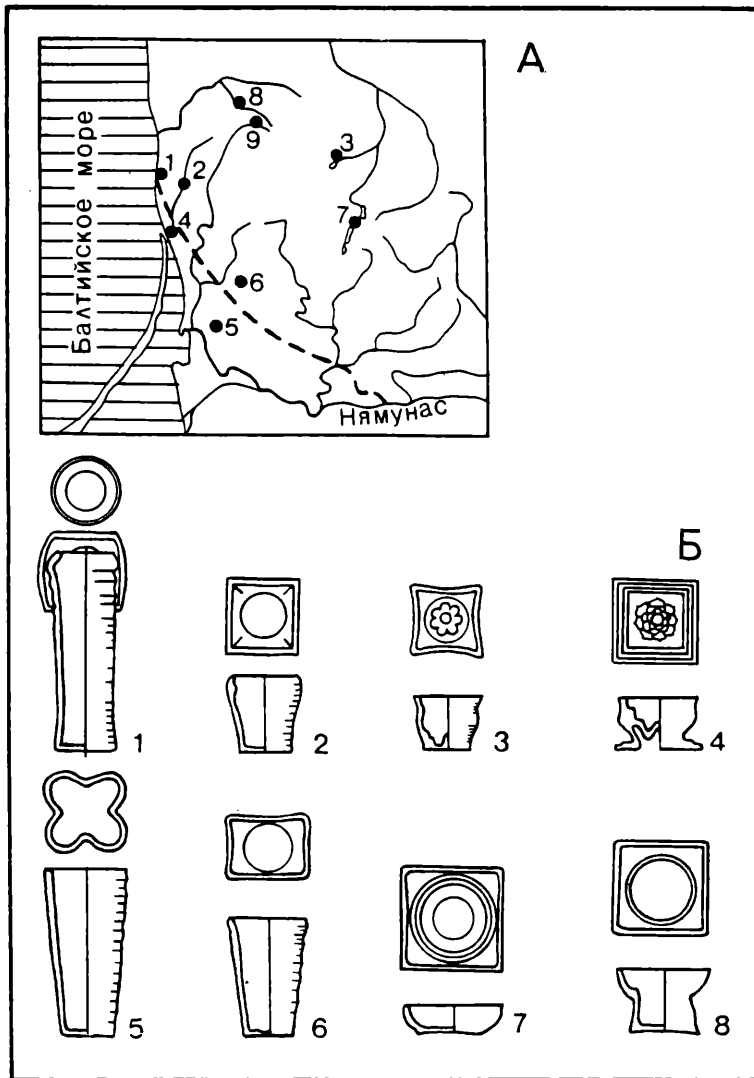

Рис. 1. Местонахождение изразцов в городах Западной Литвы и схема эволюции горшковых изразцов Клайпеды (1—4) и городов Жемайтии (5—8)

А — местонахождение горшковых изразцов: 1 — Паланга; 2 — Кретинга; 3 — Тельшяй; 4 — Клайпеда; 5 — Шилуте; 6 — Швекшне; 7 — Варняй; 8 — Моседис; 9 — Имбаре
Б — изразцы: 1—4 — Клайпеда; 5—6 — Варняй; 7 — Швекшне; 8 — Варняй

ином пути эволюции горшкового изразца в этом регионе. Именно здесь они датируются XV—XVII вв. и являются древнейшей формой изразца. По схеме Р. Франц, такие изразцы были распространены в Средней Европе¹⁴ (они известны и в Белоруссии)¹⁵ и занимали определенное место в эволюции от горшкового изразца с круглым устьем к горшковому с квадратным. Таким образом, предположение, что изразцы некоторых поселений Западной Литвы эволюционировали по схеме: горшковый изразец с устьем в виде розетки — горшковый изразец с квадратным устьем, — подтверждается и аналогиями.

Разницу горшковых изразцов из Клайпеды и поселений Варняй, Швекшна,

Кретинга и др. можно объяснить политическими обстоятельствами. С середины XIII в. побережье Балтики с низовьями Немана было захвачено немецким Орденом (рис. 1А). С того времени эти древние земли западнобалтских племен находились под политическим, культурным и экономическим воздействием Ордена. Земли жемайтов развивались в составе Великого княжества Литовского. Несмотря на торговые связи, на то, что изразцовое дело не локальное, а общеевропейское явление, местные народные традиции здесь были выразительными, они и внесли поправки в эволюцию изразцов. Не могу согласиться с мнением латвийских исследователей о том, что немногочисленные варианты горшковых изразцов в Латвии не позволяют говорить об эволюции изразцов на месте¹⁶. По моему мнению, изменение не только формы, но и отдельных частей изразца (эволюция формы венчика, тенденция уменьшения высоты и др.) позволяет предположить местную эволюцию, местные изменения в процессе изготовления изразцов.

Особенно ярко момент эволюции изразцов в Западной Литве чувствуется при переходе горшковых (мисковых) изразцов в коробчатые. Если в Клайпеде в конце XV – начале XVI в. это отражает круглая румпа, прикрепленная к декорированной пластине, то в городах Жемайтии этот момент зафиксирован в горшковом изразце с отогнутой верхней частью, из которой сделана квадратная пластина (рис. 1Б, 8).

Возвращаясь к вопросу о времени появления коробчатых и других пластинчатых (фризы, карнизы, цоколи, коронки и др.) изразцов, надо добавить, что прибалтийский регион по сравнению с Венгрией, Чехословакией, где такие изразцы известны уже в конце XIII – начале XIV в.¹⁷, отстает более чем на полтора века. Правда, в последнее время при раскопках в Вильнюсе найдены готические геральдические изразцы раннего периода¹⁸, но этот материал еще ждет более конкретной интерпретации. Однако это не меняет общей картины, так как в абсолютном большинстве памятников Литвы¹⁹ и Латвии²⁰ такие изразцы распространяются только на рубеже XV–XVI вв.

Конечно, не все формы изразцов эволюционировали из горшковых. Так, с горшковыми изразцами не связаны коронки, фиалы, изразцы-башни, карнизные изразцы. В первую очередь хотелось охарактеризовать декоративные пластины, которые эволюционировали из полуцилиндрических изразцов²¹. Это большие изразцы с прямоугольной (29–30 × 18–20 см) пластиной и очень низкой (до 1,7 см) румпой, которую точнее можно назвать рамкой. Особая черта этих изразцов – декоративность и то, что сначала они в печи имели только декоративную функцию (как фиалы, башни, колонны)²². Большинство декоративных пластин были украшены горельефными библейскими сюжетами, выполненными по всем канонам их изображения. На изразцах этого типа изображены: распятие Христа (рис. 2, 8), битва святого Георгия со змеем (рис. 2, 3), Мадонна с младенцем на руках (рис. 2, 5), святой Себастиан (рис. 2, 2) и др. (рис. 2, 10). Эти изразцы часто покрывались многоцветной глазурью (синей, желтой, красной, зеленой), хотя иногда были глазурированы зеленой глазурью, или встречались терракотовые. Они датируются концом XV – началом XVI в. Дендрохронологическое датирование уточнило, что они были в стенке печи до 1526 г. Именно в 1525 г. в Пруссии было введено лютеранство, и оно определило наименьшее использование библейских сюжетов не только на вещах утилитарного назначения, но и в самой церкви.

В Литве (исключая низовье Немана) и Латвии изразцы с изображениями на библейские темы встречаются редко, что свидетельствует о том, что в печах они редко применялись. В Средней и Северной Европе они были известны довольно широко, особенно близкие аналогии клайпедским известны на территориях Австрии и Швейцарии²³. Об этих близких связях прибалтийских городов свидетельствует и латвийский материал. В Рижском музее хранится изразец с изображением "распятие Христа" и надписью "Hans Verman. 1562"²⁴. Печи из аналогичных изразцов с этим именем и сейчас экспонируются в музеях Цюриха, Берна²⁵.

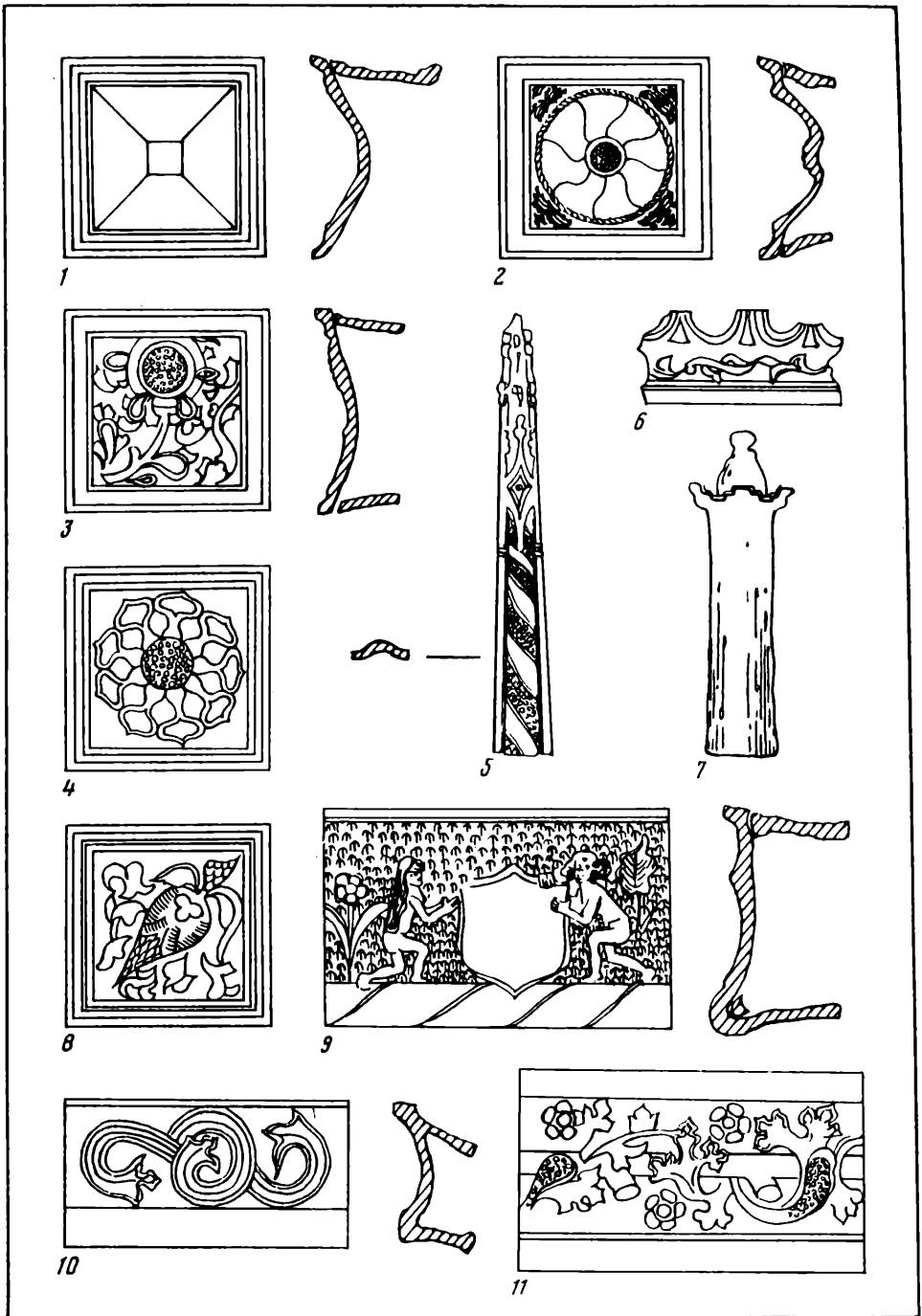

Рис. 2. Изразцы (1—11) из Клайпеды конца XV — начала XVI в. (до 1525 г.)

Декоративные пластины-изразцы украшались и другими композициями: изображением короля (рис. 2, 11), гербовым щитом (рис. 2, 4), бытовым сюжетом с изображением готической изразцовой печи²⁶, растительным орнаментом, а в середине XVI в. – бытовыми сценами в стиле Ренессанса. Но характерно и то, что они чаще покрыты только зеленой глазурью, декор – более низкий рельеф. Аналогии этим изразцам известны также в Средней Европе²⁷. Клайпедские декоративные пластины-изразцы с этими сюжетами датируются концом XV – серединой XVI в. Во второй половине XVI в., когда печи стиля поздней готики заменяют ренессансные, декоративные пластины в Клайпедзе исчезают. Характерно то, что в других городах Западной Литвы такие изразцы пока неизвестны.

Следующая многочисленная группа изразцов – коробчатые. Они состоят из квадратной (15,8 × 15,8 – 17,5 × 17,5 см) или прямоугольной пластины и ramпы с отогнутым валиком. Длина ramпы в среднем 5,5 см. Пластины изразцов конца XV – начала XVI в. декорировались прямоугольным или шарообразным углублениями и стилизованным растительным орнаментом (рис. 3, 1–3), многолепестковой розеткой (рис. 3, 4). Если геометрический орнамент традиционно применялся и во второй половине XVI в., то изразцы со стилизованным растительным орнаментом в Клайпедзе датируются концом XV – началом XVI в. Часть этих изразцов была полихромной и использовалась вместе с декоративными пластинами-изразцами в одной печи. Изразцы с геометрическими мотивами широко известны во всей Европе, но декорированные розеткой и асимметричным растительным орнаментом концентрируются в регионе Австрии и датируются тоже концом XV – началом XVI в.²⁸ Похожие изразцы известны и из Вавеля²⁹. М. Пяткевич-Дерениова также акцентирует связи Вавеля с изразцовыми центрами Австрии и Венгрии³⁰. На клайпедские изразцы главное влияние имел регион Австрии, а не Венгрии.

В середине XVI в. некоторые декоративные сюжеты исчезают, их заменяют симметрически расположенный стилизованный растительный орнамент (арабеска), трельяж, на изразцах появляются изображения рыцарей, исторических личностей. Они уже выполнены в стиле Ренессанса, покрыты только зеленой глазурью.

Указанные типы коробчатых изразцов более характерны для Клайпеды. В городах Жемайтии в это время среди коробчатых изразцов выделяются несколько типов симметрически расположенного стилизованного растительного орнамента, а также геометрические мотивы. Более широко коробчатые изразцы здесь стали применяться в конце XVI–XVII в. С. Герберштэйн, в середине XVI в. побывав в Литве, в "Записках о Московии" описывает дома жемайтов с очагом посередине помещения³¹. Думается, он видел жемайтский крестьянский дом "pumas". Как показывают итоги раскопок в городах Жемайтии, еще в XVI в. и там встречались дома с очагами³², несмотря на то что изразцовые печи уже не были новостью.

Другие группы изразцов конца XV – первой половины XVI в. немногочисленны. Карнизные изразцы декорировались растительным орнаментом (рис. 3, 10, 11), геральдическими композициями (рис. 3, 9), мотивом "зубцов" средневекового каменного замка (рис. 2, 6). Коронки декорировались бутонами (рис. 3, 6), которые встречаются и в более позднее время, крестом, иногда в связи с растительным орнаментом (рис. 2, 1). Чисто декоративную функцию, подражая отдельным элементам костелов, замков и алтарей, имели готические фиалы (рис. 3, 5), башни (см. рис. 3, 6), ножки (рис. 2, 7). Они часто встречаются в европейских материалах – в печах готического стиля и показывают декоративность печи того времени.

В середине – второй половине XVI в. в декоре карнизных фризных изразцов появляются трельяж, растительный орнамент, фигуры льва и грифона и др. Исчезают фиалы, башни, некоторые мотивы, характерные для готики. На изразцах доминирует зеленая глазурь, исчезает полихромия.

Возникает вопрос о месте производства этих изделий. В клайпедских письменных

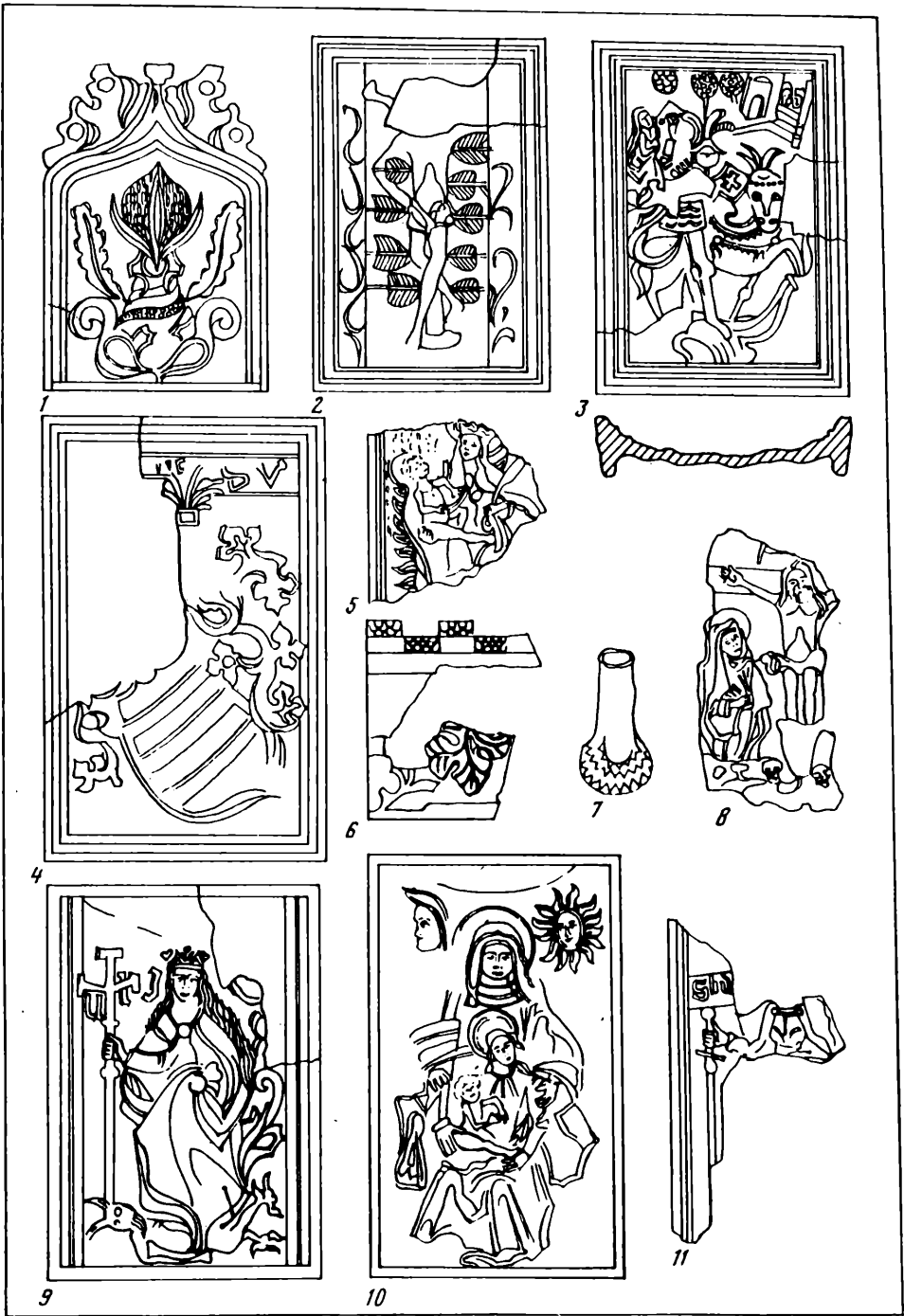

Рис. 3. Изразцы (1—11) из Клайпеды конца XV — первой половины XVI в.

источниках местное производство изразцов упоминается только в 1681 г.³³ Анализ декоративных сюжетов уже показал связь со Средней Европой, особенно с регионом Австрии и Швейцарии. Но это не означает, что сами изразцы привозились оттуда. Найдены керамические матрицы того времени и бракованные изразцы, местные декоративные мотивы, наконец химический состав изразцов³⁴, позволяют утверждать, что клайпедские изразцы были изготовлены на месте. Жемайтские изразцы тоже в большей части изготавливались на месте. Другое дело – сюжеты на изразцах. Они могли поступать в виде рисунков или матриц из Средней Европы. Конечно, отдельные экземпляры изразцов тоже могли быть привозными, но в основном это продукция местных мастеров. Мысль о том, что комплекты изразцов редко привозились издалека, подтверждают и многочисленные письменные источники Риги³⁵. Более вероятной представляется торговля изразцами между Клайпедой и некоторыми селениями Жемайтии (Швекшна, Тельшяй, Плателяй) в XVII.

Подводя итоги, можно утверждать: 1) изразцы на территории Западной Литвы появились в середине — второй половине XIV в.; 2) производство клайпедских изразцов находилось под большим влиянием традиций Средней Европы, в первую очередь региона Австрии и Швейцарии; 3) в городах Жемайтии в изразцах проявляются местные традиции; 4) изразцы изготавливались в основном местными мастерами.

¹Tautavičius A. Vilniaus pilies kokliai (XVI–XVII a.). Vilnius, 1969; *Genys J.* Klaipėdos dekoratyvinės plokštės // *Muziejai ir paminklai.* Vilnius, 1983. 5. P. 53–58; *Idem.* Klaipėdos kokliai ir jų gamyba XVI–XVII amžiuje // *Architektūros paminklai.* Vilnius, 1984. IX. P. 43–53; *Žulkus V., Genys J.* Klaipėdos XV–XVIIa. krosnys (Archeologiniai duomenys) // *Muziejai ir paminklai.* Vilnius, 1984. 6. P. 56–63; *Каталинас К.* Вильнюсские пластинчатые изразцы XV–XVII вв. с “кованым” орнаментом // *Древности Литвы и Белоруссии.* Вильнюс, 1988. Е. 135–141; *Он же.* Вильнюсские карнизные изразцы: (к вопросу о развитии вильнюсских пластинчатых изразцов XV–XVII вв.) // *Археология и история Пскова и Псковской земли.* Псков, 1988. С. 116–117; *Genys J.* Senieji Klaipėdos kokliai // *Mokslas ir gyvenimas.* Vilnius, 1989. P. 23, 24; *Katalynas K.* Gotikos epochos krosnys Vilniaus Žemutinėje pilyje // *Kultūros barai.* Vilnius, 1989. P. 56–59.

²*Strauss K.* Kacheln und Öfen der Mark Brandenburg. Strassburg, 1926. S. 17; *Swiechowska A.* Kafle Warszawskie // *Szkice staromiejskie.* Warszawa, 1955. S. 163; *Franz R.* Die Kachelofen. Graz, 1969. S. 24.

³*Осе Й.* Возникновение изразцовых печей в Латвии // *Археология и история западных балтов.* Клайпеда, 1989. С. 138.

⁴Там же. Рис. 1.

⁵*Die Geschichte der Töpferzunft vom Mittelalter bis zur Neuzeit und die Kunsttöpfereien in Alt-Livland (Estland und Lettland).* Basel, 1969. S. 38.

⁶*Осе Й.* Возникновение изразцовых печей... С. 142, 143.

⁷*Tautavičius A.* Vilniaus pilies kokliai... P. 2.

⁸*Паничева Л.Г.* Хронология белорусских изразцов XIV–XVII вв. // *КСИА.* 1984. Вып. 179. С. 72; *Трусов О.А.* Памятники монументального зодчества Белоруссии XV–XVII вв. Минск, 1988. С. 132.

⁹*Swiechowska A.* Kafle... Tabl. I, A; *Franz R.* Die Kachelofen. Fig. 12a.

¹⁰*Трусов О.А.* Памятники монументального зодчества... С. 133.

¹¹*Swiechowska A.* Kafle... S. 164. Tabl. 1, B.

¹²*Ibid.* S. 165; *Jablonskis J.* Puodynėmis dengtos krosnys vakaru žemaičiuose // *Kraštotyra.* Vilnius, 1966; *Осе Й.* Возникновение изразцовых печей... С. 139.

¹³По соотношению высоты тулова и ширины устья они относятся к горшковым и мисочным. К последним относятся такие, у которых устье шире высоты изразца.

¹⁴*Franz R.* Die Kachelofen. S. 24, 25. Fig. 12a.

¹⁵*Трусов О.А.* Памятники монументального зодчества... С. 134.

¹⁶*Осе Й.* Возникновение изразцовых печей... С. 143.

¹⁷*Voii P., Holl J.* Anciens carreaux de poele Hangrois. Budapest, 1963. Pl. 1–3; *Richterova J.* Sredoveke kachle. Praha, 1982. Tabl. 13, 14.

¹⁸*Katalynas K.* Gotikos epochos krosnys... P. 56–59.

¹⁹*Tautavičius A.* Vilniaus pilies kokliai... P. 2–4; *Genys J.* Klaipėdos dekoratyvinės plokštės. P. 53–58; *Idem.* Klaipėdos kokliai... P. 43; *Каталинас К.* Вильнюсские пластинчатые изразцы... С. 135–144.

²⁰*Осе Й.* Возникновение изразцовых печей... С. 143.

²¹*Franz R.* Die Kachelofen. Fig. 13.

²²*Žulkus V., Genys J.* Klaipėdos... P. 59.

²³*Walcher von Moltheim A.* Beiträge zur Geschichte der Deutschen Keramik // *Altes Kunsthandwerk.* Wien, 1928. Abb. 12; *Franz R.* Die Kachelofen. Abb. 265–266.

²⁴*Tunzelmann H.* Die alte einheimische Kachelkunst und die Ofenkacheln im Rigaer Dommuseum. Riga, 1933. S. 16. Abb. 4.

- ²⁵Franz R. Die Kachelofen. Abb. 265–266.
- ²⁶Этот изразец был опубликован в статье: *Genys J. Klaipėdos dekoratyvinės plokštės*. P. 55.
- ²⁷*Ambrosiani S. Zur Typologie der älteren Kacheln*. Stockholm, 1910. Fig. 52; *Piatkiewicz-Dereniova M. Kafle wawelskie okresu wczesnego renesansu // Studia do dziejow Wawelu*. Krakow, 1961. T. II. Fig. 6, 7.
- ²⁸*Piatkiewicz-Dereniova M. Kafle...* Fig. 51, 52, 65.
- ²⁹*Ibid.* Fig. 34, 43.
- ³⁰*Ibid.* S. 340.
- ³¹Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1908. С. 195.
- ³²Раскопки под руководством автора проводились в Варняй (Тельшяйский р-н) в 1988 и 1989 г.
- ³³*Sembritzki J. Geschichte der Königlich-Preussischen See und Handelsstadt Memel*. Memel, 1926. Aufl. 2. S. 146.
- ³⁴Таблица с данными химического анализа опубликована: *Genys J. Klaipėdos kokliai...* P. 53.
- ³⁵*Tunzelmann H. Die alte einheimische Kachelkunst...* S. 26–44.

ХРОНИКА

О.А. ЩЕГЛОВА

О РАБОТЕ ОТДЕЛА СЛАВЯНО-ФИНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ
ЛОИА АН СССР В 1988–1990 ГГ.

Отдел славяно-финской археологии ЛОИА продолжал работать по двум основным направлениям: "Культура и города Древней Руси" и "Археология Северо-Запада РСФСР" (Славяне и финны)", а также по темам: "История и культура ранних славян" и "Этнокультурные трансформации в Балтийском регионе". С 1988 г. в Отделе разрабатывается и история отечественной науки.

В Отделе работает 17 человек, после защиты кандидатских диссертаций в 1988 г. в него пришли Н.И. Платонова и А.А. Пескова, в 1989 г. был переведен из Москвы С.В. Белецкий.

В сентябре 1988 г. Отдел потерял двоих старейших сотрудников: ушли из жизни П.А. Раппопорт, возглавлявший архитектурно-археологическое направление в исследованиях культуры Древней Руси, и Ф.Д. Гуревич, признанный авторитет в изучении материальной культуры древнерусского города.

За три года в Отделе были закончены 13 плановых тем. В первую очередь следует отметить представленные в виде монографий и уже частично опубликованные в ряде статей многолетние исследования А.Н. Кирпичникова "Русские средневековые города по рисункам голландского путешественника Николаса Витсена (Псков, Печорский монастырь, Новгород, Торжок, Тверь, Москва)", Е.Н. Носова "Новгородская земля IX–XII вв." и Е.А. Рябина "Финно-угорские племена в составе Древней Руси (К истории формирования древнерусской народности)", представленная к защите в качестве докторской диссертации.

В 1990 г. вышли из печати монография Е.Н. Носова "Новгородское (Рюриково) городище" (Л.); двухтомник "Финны в Европе. VI–XV вв. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования" (М.), второй выпуск которого – "Русь, финны, саамы, верования" – состоит в основном из статей сотрудников Отдела, и сборник материалов конференции "Города Верхней Руси. Истоки и становление" (Торопец). В 1989 г. изданы тезисы проведенного в Ленинграде в том же году советско-датского симпозиума "Взаимодействие древних культур в бассейне Балтийского моря" (Л.) и конференции "Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур. История и археология. (Нарва). Всего же за три года вышло из печати более 150 статей сотрудников Отдела (свыше 100 а.л.).

Архитектурно-археологическая группа продолжала начатое под руководством П.А. Раппопорта изучение зодчества западнорусских земель. А.А. Пескова исследовала остатки каменного храма XII в. в составе стен сохранившейся Успенской церкви XVI в. в г. Дорогобуже – центре одного из удельных княжеств Древней Руси. М.В. Малевская изучала каменный замок XIV в., построенный на детинце Владимиро-Волынского княжества польским королем Казимиром Великим. В 1988 г. начала

работу "Интерьер в русском зодчестве X–XII вв." аспирантка Т.А. Чукова (руководитель А.Н. Кирпичников). В январе 1990 г. при участии Эрмитажа были проведены научные чтения памяти П.А. Раппопорта, посвященные вопросам изучения древнерусского зодчества. Они собрали более 70 специалистов Москвы, Ленинграда, Киева, Чернигова, Новгорода, Пскова и других городов, чтения решено сделать периодическими.

О.В. Овсянников, защитивший в 1989 г. докторскую диссертацию "Города Архангельского Поморья эпохи средневековья (историко-археологическое исследование)", работает над археологической картой русских средневековых памятников Арктического побережья Европейской части СССР. Архангельская Арктическая экспедиция под его руководством исследовала памятники Ненецкого национального округа в низовьях р. Печоры: Ортинское городище VI–IX вв. – укрепленный центр племени печора, святилище VI–XIII вв. на р. Гнилке и слои XVI–XVII вв. Пустозерска.

Систематически исследуются Старая Ладога и синхронные памятники Приладожья. На северо-западном бастионе Староладожского Земляного городища А.Н. Кирпичниковым и В.А. Назаренко изучались напластования конца IX – первой половины X в., выявлены остатки пирса и складских помещений на берегу р. Ладожки, железоплавильный комплекс. Под руководством Е.А. Рябина соискатель Т.Б. Сениченкова работает по теме "Керамика Ладоги VIII–X вв. как источник для реконструкции культурных процессов на Северо-Западе Руси", а аспирант О.И. Богуславский (руководитель А.Н. Кирпичников) – над диссертацией "Южное Приладожье в конце I – начале II тысячелетия н.э. (Опыт культурно-исторической периодизации)".

Выполнив темы "Древняя весь" и "Дома мертвых" в археологических памятниках Восточноевропейского Севера (К постановке проблемы), В.А. Назаренко начал работу над каталогом деревянных конструкций в погребальных памятниках лесной зоны Восточной Европы. Приладожским курганным отрядом (В.А. Назаренко, О.И. Богуславский) проведены раскопки памятников VIII–X вв. у с. Городище на р. Сясь, включающих сопковидные насыпи, остатки городища и поселение, а также ряд курганов и дерево-земляных сооружений типа "домиков мертвых" в Тихвинском, Волховском и Бокситогорском районах Ленинградской обл.

В Бокситогорском р-не провел раскопки селища IX–X вв. и курганов у д. Васьково Ижорский отряд Е.А. Рябина. Погребальная каменная вымостка I–II вв.н.э. исследована им и у д. Валговицы Кингисеппского р-на Ленинградской обл.

В.А. Лапшин подготовил к изданию в Ленинградском отделении Фонда культуры первый том "Археологической карты Ленинградской области". Разведочный отряд в Ленинградской обл. завершил обследование памятников восточных районов для второго тома "Археологической карты..." и начал работы в районе Приозерска.

А.И. Сакса закончил тему "Материальная культура населения Финляндии и Северо-Западного Приладожья в конце I – начале II тысячелетия н.э." и монографию "Карельская земля в эпоху средневековья". Исследования, проводимые Приозерским отрядом под его руководством, дополняют и изменяют сложившиеся представления о древней кореле. Так, в крепости Корела в слоях новгородского времени XIV–XV вв. обнаружено 8 свинцовых печатей 1430-х годов, свидетельствующих о присутствии в крепости владычных наместников, впервые выявлен и самый нижний горизонт корелы XII–XIII вв. Параллельно с исследованием карельских памятников в Приозерске и районе Сортавалы А.И. Сакса работает над "Очерками археологии Финляндии VI–XIII вв."

Н.В. Хвощинская, закончившая обработку материалов могильника Залахтове, представила работу "Материальная культура финского населения западных районов Новгородской земли". Второе направление ее исследований – анализ тканей из раскопок средневековых памятников восточно-балтийского региона.

Проникновение славянского культурного влияния и славянского населения в зону

расселения восточных финнов исследовали В.А. Лапшин, ведущий также тему "Этнокультурные контакты в зоне Суздальского Ополя Х–ХІ вв. (По материалам лепной керамики Гнездиловского поселения)" и Е.А. Рябинин, который в течение двух лет изучал памятники Галичского р-на Костромской обл. Особенно интересно мысовое городище у с. Унорож с мощным слоем ІХ–ХІІІ вв. и наземными деревянными постройками. По-видимому, работами Заволжской экспедиции 1988–1989 гг. впервые исследован племенной центр мери в бассейне Галичского озера, стоящий на Сухоно-Вычегодском пути, связывавшем Прибалтику с Прикамьем и Приуральем, а его включение в систему международных связей и в сферу славянского влияния следует относить к Х в. Аспирант А.Г. Иванов из Ижевска (руководитель Е.А. Рябинин) работает над диссертацией "Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (Середина І тысячелетия н.э. – конец ХV в.)".

Новгородская областная экспедиция Е.Н. Носова параллельно с продолжением работ на Рюриковом городище вела раскопки на поселениях Новгородской округи, синхронных начальному этапу становления города: на селище Васильевское и на селище и городище Георгий на р. Верже. Могильники ХІ–ХІV вв. Удрай І и ІІ исследовала в Батецком р-не Новгородской обл. Н.И. Платонова; Лужский отряд Новгородской экспедиции произвел также раскопки на курганном могильнике ХІІІ–ХV вв. Озера 1 в Волосовском р-не Ленинградской обл.

Гдовский отряд (С.Г. Попов) ведет разведки и раскопки в Гдовском р-не Псковской обл. Изучено городище Сторожинец, исследуется могильник культуры длинных курганов и селище у д. Горка на р. Плюссе, где найдены материалы раннего железного века и культуры длинных курганов. Цель раскопок – получение материалов для сопоставления археологической хронологии с радиоуглеродной (С.Г. Попов работает в составе Радиоуглеродной лаборатории ЛОИА).

Культурно-исторические процессы в западных районах Новгородской земли во второй половине І – начале ІІ тысячелетия н.э. исследует соискатель С.Л. Кузьмин (руководитель Е.А. Рябинин). Аспирант П.Е. Сорокин (руководитель А.Н. Кирпичников) начал работу над темой "Водные пути Новгородской земли".

Возросший объем охранных раскопок в исторических городах заставил ввести в тематику Отдела изучение позднего средневековья. В.А. Туленев, закончив тему "Церковь доминиканского монастыря в Выборге", приступил к исследованию застройки средневекового Выборга. В 1988–1990 гг. Выборгская экспедиция провела работы в Кафедральном соборе 1418 г., исследовала "подвалы Борхада" ХVІ в.

С псковской тематикой связаны работы В.И. Кильдюшевского. Завершены "Декоративная керамика Пскова ХVІ–ХVІІ вв." и каталог-определитель к нему, начато исследование о декоративных облицовках сводов печей из Пскова, которое базируется на новых материалах, полученных в процессе охранных раскопок Окольного города Пскова.

В разработку псковской проблематики активно включился С.В. Белецкий, работающий в соавторстве с В.Д. Белецким над большой плановой темой "Актовые печати средневекового Пскова".

Ивангородская экспедиция (В.П. Петренко) продолжала исследования напластований ХV–ХVІІІ вв. в крепости и на посаде Ивангорода. А.В. Курбатов приступил к работе над диссертацией "Кожевенное производство ХV–ХVІІІ вв. в городах Северо-Запада России по археологическим данным" (руководитель О.В. Овсянников).

Д.И. Фояков закончил плановую тему "Посад древнерусского города на примере Торопца". В 1989–1990 гг. Торопецкая экспедиция проводила охранные раскопки на Красном Валу ХVІ–ХVІІІ вв. и могильнике Привалье ХІІ–ХІІІ вв. С 1990 г. Д.И. Фояков и М.В. Малевская возобновили работы на Малом Городище.

Тему "Памятники Курземского Приморья VII–IX вв. и проблемы балто-скандинавских связей" ведет В.П. Петренко. Курземской экспедицией исследовались могильники с подкурганными и грунтовыми погребениями Приедиенс І и ІІ, грунтовый

могильник куршей Ручзукалис I, были обнаружены синхронные поселения в районе г. Гробиня. Новые материалы подготовлены В.П. Петренко к публикации в Риге.

Тему "Раннеславянские памятники Днепровского Левобережья в III–VII вв." завершила В.М. Горюнова. Вместе с О.А. Щегловой и Г.А. Романовой она ведет работы Днепровской Левобережной экспедиции в районе с. Гочево на юге Курской обл.: осуществляется планомерное исследование гнезда поселений киевской и черняховской культур. О.А. Щеглова работает над темой "Проблема западных связей в материальной культуре Среднего Поднепровья VII–IX вв. (импорты, влияния, заимствования)".

В 1989–1990 гг. в Отделе прошел стажировку сотрудник АН МССР Н.П. Тельнов, подготовивший кандидатскую диссертацию "Восточнославянские древности Днестро-Прутского междуречья VIII–X вв.". Завешила работу над диссертацией "Население степного междуречья Дуная и Днестра конца VIII – начала XI в.н.э. (Балкано-дунайская культура)" аспиранта В.И. Козлова (руководитель С.А. Плетнева).

Изучение истории археологической науки ведут Н.И. Платонова и О.А. Щеглова. В рамках темы "Очерки истории РАИМК–ГАИМК–ИИМК. 1919–1941 гг." Н.И. Платонова закончила разделы "Русская археология на исходе 1920-х годов и "Г.А. Бонч-Осмоловский. Этапы творческой биографии" к юбилейной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.А. Бонч-Осмоловского (1990 г.). О.А. Щеглова работает над систематизацией научного наследия М.А. Тихановой в Рукописном архиве ЛОИА. В 1988 г. по инициативе Отдела проведена конференция "Восточная Европа: древности римского времени и средневековья", посвященная памяти М.А. Тихановой.

В 1988–1990 гг. сотрудники Отдела приняли участие в ряде международных конференций и симпозиумов: VI и VII Советско-финляндские симпозиумы "Культура народов Восточной и Северной Европы" (Хельсинки, 1988) и "Культурное наследие славян и финно-угров" (Таллинн, 1990 г; доклады Е.Н. Носова, О.В. Овсянникова, Е.А. Рябинина, В.А. Назаренко, А.И. Сакса), в 1989 г. в Ленинграде советско-датский симпозиум "Взаимодействие культур в бассейне Балтийского моря" (выступали Е.Н. Носов, Е.А. Рябинин, А.Н. Кирпичников и В.П. Петренко). А.Н. Кирпичников принимал участие в международных коллоквиумах "Состояние и перспективы исследования средневекового вооружения в Европе", проводимых в Польше (Карниты, 1988 г; Ольштин, 1990 г.); А.И. Сакса выступал на VII Международном конгрессе финно-угроведов (Дебрецен, Венгрия, 1990 г.); Н.В. Хвоцинская – на VI Международном симпозиуме по изучению древних тканей (Копенгаген, Дания, 1990 г.). Доклады по проблемам исследования городов Балтийского региона были сделаны Е.Н. Носовым (конференция "Морская торговля и мореплавание на Балтике". Роскильде, Дания, 1989), Е.А. Рябининым (междисциплинарный симпозиум в г. Сигтуне. Швеция, 1989 г.), В.П. Петренко (конференция "Культура городов Прибалтики". Щецин, Польша; семинар "Город на Балтике". Бирка, Швеция, 1990 г.).

А.К. Кирпичников выступал на всесоюзной конференции "Археология и социальный прогресс" (М., 1989), В.П. Петренко – на XI всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии (Архангельск, 1989), Е.А. Рябинин – на международной конференции "Балто-славянские языки и проблема урало-европейских связей" (М., 1990), Д.И. Фоянков, В.П. Петренко и О.А. Щеглова участвовали в конференции "Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР" (Суздаль, 1989).

Е.А. Рябинин, Н.В. Хвоцинская, В.А. Лапшин, А.И. Сакса и В.А. Назаренко участвовали в работе I и II финно-угорских чтений, которые начали регулярно проводиться в Ленинграде с 1988 г.

Сотрудники Отдела принимали активное участие в тематических и региональных конференциях разного уровня. Среди них – постоянно действующие семинары "История и археология Новгородской земли" (доклады Е.Н. Носова – 1988, 1989, 1990 гг.,

А.Н. Кирпичникова и В.А. Назаренко – 1988 г., О.И. Богуславского – 1989, 1990 гг.), "Археология и история Пскова и Псковской земли" (доклады В.И. Кильдюшевского – 1988, 1989, 1990 гг., А.Н. Кирпичникова – 1988 г., О.В. Овсянникова – 1989 г., С.В. Белецкого – 1989, 1990 гг.), "Чернигов и его округа в IX–XIII вв." (доклады В.А. Назаренко, А.А. Песковой – 1988 г.), "Волхов и Волховская земля" (доклады В.А. Назаренко, Е.А. Рябинина и О.И. Давидан, Н.И. Платоновой, О.И. Богуславского). Были представлены доклады на конференциях "Православие в Древней Руси" (В.А. Лапшин, Е.А. Рябинин. Ленинград, 1988 г.) и "Александр Невский и его время" (А.Н. Кирпичников, Е.А. Рябинин, С.В. Белецкий, А.И. Сакса, Ленинград, 1990 г.). О.В. Овсянников выступил с докладами по истории и археологии Русского Севера на Арктической конференции (Архангельск, 1990); В.П. Петренко регулярно освещает новые результаты своих полевых работ в Риге на сессиях (1988, 1990 гг.); О.А. Щеглова сделала сообщения о новых исследованиях на Днепровском Левобережье на совещаниях в Курске (1988, 1989 гг.), на I Гомельской областной конференции по историческому краеведению (1989 г.) и "Археология центрально-черноземных областей" в Белгороде (1990 г.); Н.И. Платонова выступила на конференциях "История гуманитарной науки в СССР в 1920–1930-х годах" (Л., 1989 г.) и "История и историография отечественной археологии" (ЛГУ, 1990 г.); В.А. Лапшин рассказал о своих исследованиях в Суздальском ополье ("Древнерусская керамика X–XIII вв.". М., 1989; "Уваровские чтения", Муром, 1990; "Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья", Нижний Новгород, 1990).

За три года на заседаниях Отдела были представлены к защите 3 докторские и 2 кандидатские диссертации. Помимо О.В. Овсянникова, защитили докторские диссертации В.С. Патрушев – "Лесное Поволжье на рубеже эпохи бронзы и раннего железа X–VI вв. до н.э." (1989), М.П. Сотникова – "Древнейшие русские монеты X–XI, вв. как исторический источник" (1990), Л.Г. Хрушкова – "Раннехристианские сооружения Восточного Причерноморья (Особенности и место в контексте христианской археологии)" (1990). Кандидатские диссертации защитили в 1988 г. А.А. Пескова – "Древнерусский город Изяславль XII–XIII вв. (По материалам городища у с. Городище близ Шепетовки)" и Н.И. Платонова "Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (По археологическим данным)", соискатели В.Й. Ланг – "Археологические памятники железного века в низовьях реки Пиритта (Северная Эстония)" и Ю.Т. Уртанс – "Языческие культовые памятники Латвии", в 1989 г. – В.М. Горюнова – "Городок на Ловати X–XII вв. (К проблемам становления города в Северной Руси)", в 1990 г. стажер Н.П. Тельнов – "Восточнославянские древности Днестро-Прутского междуречья VIII–X вв."

Расширились международные связи отдела. Сотрудники участвуют в разработке совместных научных проектов с учеными Финляндии, Дании, Норвегии, Швеции, Польши и Чехословакии. Ежегодно летом в Староладожской экспедиции знакомятся с методикой и результатами полевой работы специалисты из Финляндии, ФРГ, Дании, Норвегии, на раскопках в Бирке (Швеция) провел полевой сезон 1990 г. В.П. Петренко. С подводными исследованиями затонувшего у берегов Швеции корабля "Крона" ознакомились Д.И. Фояков и В.А. Тюленев, освоившие технику работ под водой.

В работах Приозерского отряда приняла участие П. Уйно из Финляндии, а в Новгородской областной экспедиции участвовали Дж. Оксли и М. Брисбейн из Великобритании.

В 1988–1990 гг. Отдел провел более 80 заседаний, на которых было заслушано около 100 докладов и сообщений. Большой интерес вызвали расширенные мемориальные заседания Отдела, посвященные памяти И.И. Ляпушкина (1988) и П.Н. Третьякова (1990).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	– Античные древности и средние века. Свердловск	МАВГР	– Материалы по археологии восточных губерний России
АО	– Археологические открытия	МАЕСВ	– Материалы по археологии Европейского Северо-Востока, Сыктывкар
АС	– Археологический съезд	МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
АЭГМ	– Археологические экспедиции Гос. Музея Грузии. Тбилиси	ОЛЕАЭ	– Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете
ВВ	– Византийский временник. М.	ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
ВУАК	– Всеукраинский археологический комитет	РАН	– Российская академия наук
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры	СА	– Советская археология
ГИМ	– Государственный Исторический музей	САИ	– Свод археологических источников
ЗОРСА	– Записки Отделения русской и славянской археологии. СПб.	СЭ	– Советская этнография
ЗРАО	– Записки Русского археологического общества. СПб.	ТИЭ	– Труды Института этнографии РАН
ЗРВИ	– Сборник радова Византологического института	ТПУАК	– Труды Полтавской ученой архивной комиссии
ИА	– Институт археологии РАН	ХГИАМЗ	– Херсонский Государственный историко-археологический музей-заповедник
ИАК	– Известия археологической комиссии	ЧОИДР	– Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете
ИГАИМК	– Известия ГАИМК	AS	– Anatolian Studies
КСИА	– Краткие сообщения института археологии РАН	BSA	– Annual of the British School Athens
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры	DOP	– Dumbarton Oaks Papers
ЛОИА	– Ленинградское отделение Института археологии РАН	ESA	– Eurasia septentrionalis antiqua

RESÜMEE

ARTIKEL

V.V. Sedov. Die Verbreitung des Christentums im alten Russland

Es handelt sich um das Bestattungsritus, um die Funde der Kreuzchen und anderen christlichen Symbol und auch um die Kirchenerrichtung im X–XIII Jh.n. im Zusammenhang mit dem Prozess der Verbreitung des Christentums inmitten der ostslavischen Bevölkerung. Die neue Religion wurde von den Slaven-Heiden schleichend empfangen. Im X Jh. hat die Christentum nur die Bevölkerung der Städte Kiev und Novgorod bedeutend berührt, im XI Jh. – fast alle grosse Städte des Russlands (Abb.1). Die aktive Verbreitung des Christentums hat im Land nur im XII Jh. begonnen (Abb. 2). In den nordlichen Territorien des Altrusslands ist dieser Prozess seit der Mitte XII Jh. lebhafter geworden, dass durch die Schaffung des Staatswesens in einzelnen Territorien, durch das rapide Wachstum der Städte und durch die Kirchenerrichtung bedingt wurde (Abb. 3). Zur Mitte XIII. Jh. hat die altrussische Bevölkerung ausgenommen dem Novgorodischen Land und die nordlichen Peripherie des Altrusslands, wo die Überbleibsel der Heidentum noch im XIV.–XV. Jh. erhalten haben, hauptsächlich die neue Religion empfangen.

D.A. Belen'kaya.

Die kupferischen Plastik der Städten des Moskauer Altrusslands (XIII.–XV. Jh.)

Die 150 kupferischen Leibkreuzchen und einige steinerne Gussformen, die in der Städten der Moskauer Altrussland gefunden wurden, wurden durchgesehen. Die Kreuzchen wurden vom Autor in 5 Typen und in 10 Untertypen (Abb. 1). verteilt, ihre Datierung erarbeitet (Abb. 2). Für XIII–XIV. Jh. ist die Vielfältigkeit und die komplizierte Formen charakteristisch. Im XV. Jh. wurden die Formen einfacher, aber die Ornamental- und Ikonographieabbildungen auf dieser Kreuzchen wurden komplizierter. Im Artikel wurden einige technischen Verfahren durchgesehen. Das novgorodische Giesshandwerk hat zum Beispiel die alte Traditionen erhalten.

A.L. Alexandrovskij, N.A. Krenke.

Die Erforschung der mittelalterlichen Ackerkrümen in Moskau und im Moskauer Gebiet

Es handelt sich um die archäologischen Bodenprüfung, die in 9 Orten des Moskauer Gebietes durchgeführt wurden. Die archäologischen Bodendurchschnitten mit den Unterscheidungsmerkmale des uralten Acker und des anderen agrogenischen Niveau wurden gezeigt (Abb. 2). Die bestatteten Ackerniveaus wurden für verschiedenen Perioden der Geschichte dieser Umgegend offenbart. Es wurde bestätigt, dass die Ackerniveau der XI.–XIV. Jh. geringe Dicke gehabt hat, dass die Felder sich neben der Siedlungen befindet haben und dass die Lehmboden hauptsächlich in dieser Zeit aufgepflückt wurden.

Zur Problem der Entstehung der altrussischen Glasshandwerk

Während der Ausgrabungen im 1989 in Moskau wurde eine gelblich-grüne Glassbarre, die das Vorprodukt für die Glasswerkstätten gewesen ist, gefunden. Die Analyse hat gezeigt, dass das Glass auf den Kali-Typ Bezug gehabt hat und aus dem Westeuropa abstammte (Abb. 1). Die Kartierung der Glass der verschiedenen Klassen und Typen (Natriumglass – Abb. 2, Bleiglass – Abb. 3. die Fundortstellen der verschiedene Typen – Abb. 4) gestattet die Schlussfolgerung zu ziehen, dass in dieser Zeit die meiste Glasswerkstätten die Glassbarre und das Glassbruch benutzten. Aller Wahrscheinlichkeit nach wurde das Blei-Potlaschglass im grossen Zentren des Altrusslands produziert.

PUBLIKATIONEN

A.V. Sazanov

Die rotlackierte Importkeramik der ersten Hälfte VII. Jh. von Hersones

Das rotlackierte Geschirr der ersten zwei Jahrzehnten VII. Jh., das von die Ausgrabungen eines Brunnens von I Stadtviertel des nord-östlichen Rayon von Hersones gekommen ist, wurde veröffentlicht. Die Verteilung der Münzen (IV. – der Anfang VII. Jh.) und der verschiedenen Typen der Keramik wurde gezeigt (Abb. 1). Die rotlackierte Keramik wurde von den Gruppen "Spätromische C" und "Afrikanische rotlackierte Gefässe" der Klassifikation von J. Hayes entsprechend repräsentiert (Abb. 2–3).

G.A. Massalitina

Die handmodelierte Keramik von der prähistorische Ansiedlung und der Siedlungstätte Moščina

Die Ergebnisse der typologische Analyse des Tongeschirrs aus der Ausgrabungen der Ansiedlung Moščina (III.–VIII. Jh.) wurden dargelegt. Die polierte Keramik (Abb. 1) (die Verteilung dieser Keramik und die Typen der Ornamentation (Abb. 2), die Gefässe mit der groben Oberfläche, die die Hauptgruppe der Keramik der Moščina-Ansiedlung gewesen ist (die Typen I und II – Abb. 3, der Typ III – Abb. 4), wurden durchgesehen.

A.M. Šovkoplas, I.O. Gavrituchin

Die Komplexe der Pražski-Kultur von Obolon' und einige Problemen der Erforschung der Korčak-Kultur

Es handelt sich um die Resultaten der Ausgrabungen im 1964–1973 der Ansiedlung der Pražski-Kultur Obolon', die sich im Nordteil Kiev befindet. Die Keramik und die Funde von den Erdhütten und von den Wirtschaftsgruben wurden auf der Abb. 2, 3 eingebracht. Die erarbeitete von der Autoren Unterscheidungsmerkmale der Pražski-Keramik wurden auf der Abb. 4 wiedergegeben. Die Analyse der Keramik hat die frühere Phase zu bestimmen gelassen. Die frühere Pražski-Keramik verbreitet sich auf den Korčak-Denkmalern weit (Abb. 1).

Ju. Ju. Morgunov

Drei prähistorische Ansiedlungen XII.–XIII. Jh. im Mittellauf Sula

Es handelt sich um die Untersuchung der 3 befestigten Ansiedlungen (die Pläne – Abb. 1, die Funde – Abb. 2, 3), die sich im Sula-Stromgebiet in der südlichen Grenzzone des

Perejaslavl'-Lands befinden. Sviridovka war eine städtliche Ansiedlung, Bezsalj war eine kleine Festung, die für die Schützung der Strasse nach Süden gegründet wurde, Berbenitzj war eine Festung der feodalistischen Tork-Adel, die hier die russische Grenzwache ausgeübt hat.

N.A. Makarov, N.N. Česnova

Die Ansiedlung Krylovskoje neben Velikij Ustjüg

Es handelt sich um die Ausgrabungsmaterialien der Ansiedlung Krylovskoje (1988), die sich im Stromgebiet der Oberen Severnaja Dvina befindet (die Querschnitten und die Feldpläne – Abb. 1, die Funde – Abb. 2, 3). Die Kombination der altrussischen und perm-finnischen Elementen ist für die oberen Schichte charakteristisch. Die untere Schicht gehört zur finnischen Vanvizdinski Kultur, die in Nord-Ural (die Stromgebiete Vyčegda und Mezen') verbreitet.

M.V. Sedova

Die Überbleibsel der Heidenreligion in mittelalterlicher Kultur Susdals

Es handelt sich um die Spuren der mittelalterlichen Bevölkerung Susdal, die archäologisch in der Form des Bauopfers während der Errichtung der Häuser, der Verteidigungsanlagen und im Bestattungsritus fixiert wurden. Folgende Ausgrabungsfunde (die Zeugnisse der Heidenüberbleibsel) sind auch: ein Idol des Perun (Abb. 1), Amulette-Anhänger (Abb. 2), eine Bewährer-Zmeevik (Abb. 3). Die Fragen der historischen Geländekunde von Susdal, die mit dem Heidentum zusammenhängen, wurden durchgesehen.

R.F. Voronina

Über ein Schütz-Amulette der Krjukovo-Kužnovskij Bestattungstätte

Es handelt sich um ein Gürtelschmuckwerk (Ein Koppelschloss mit einem Türchen (Abb. 1), das im Grab 39 der mordovischen Krjukovo-Kužnovskij Bestattungstätte (VIII–XI Jh.n) gefunden wurde. Die Abbildungen auf dem Koppelschloss – ein Rhombus, Solarzeichen, ein Baum, ein Vogel und eine Schlange – wurden als ein Sunnbild der Göttin der Fruchtbarkeit (ein Universumsmodell, das die kosmogonische Vorstellungen zum Ausdruck bringt) ausgelegt.

V.G. Puzko

Der im Jahre 1812 in Perejaslavl' gefundene Schatz

Die Gegenstände (Abb. 1), die es im auf dem Fluss Trubež neben Perejaslavl' Juznyj im Jahre 1812 gefundene Schatz gab, wurden erforscht. Diese kunstlerischen Erzeugnisse des Handwerks sind ein Zubehör des weltlichen Gebrauchs des XI Jh. Ein Medaillon mit der ziselirten Abbildung, der heiligen Nikolai (Abb. 2), das im byzantischen Reich hergestellt wurden, besonderes Interesse erweckt.

V.P. Petrenko, I.A. Vipse.

Die Erforschung der Bestattungstätten Grobinas Priediens in West-Lettland

Es handelt sich um die Ausgrabungen im 1984–1985 der Bestattungen im Umgebund der Stadt Grobina, wo die befestigte Ansiedlung in der Mitte VII. Jh. von Schweden gegründet wurde, und wo eine Handelniederlassung von den Gotland Ansiedlern später geschafft wurde. Die neueste Ausgrabungen liessen die ehemaligen Beobachtungen von B. Nerman zu präzisieren (Abb. 1 – der Feldplan und die Durchschnitte des ausgegrabenen Hügels, Abb. 2 und 3 – die Funde von der Hügelgräber, Abb. 2 – die Funde von den Erdgruben).

V.I. Kulakov
**Die Elementen der Schriftkultur der Bevölkerung
des Preussischen Lands**

Die Funde mit runenähnlichen, buchstabenähnlichen und anderen Zeichen von den Bestattungstätten der Preussen (Abb. 1, 2) wurde analysiert. Die Abbildung "der Fahne von Videvut" (Abb. 3) wurde im Jahre 1526 im "Preussenchronik" von Simon Grunau veröffentlicht. Der Autor kam zur Schlussfolgerung über die Existenz im Preussischen Land im Mittelalter irgendeines Zeichensystems und einzelner Zeichenelementen, die die Information imstande zu übergeben gewesen sind.

I.Genis
Die Kacheln von West-Litauen im XIV. – erster Hälfte XVI. Jh.

Es handelt sich um die Sammlung der Ofenkacheln, die von Klajpeda und anderen Orten des West-Litauens stammt (die Karte – Abb. 1-A; die Typen – Abb. 1-B, 2 und 3). Die erste Kacheln sind im West-Litauen in zweite Hälfte XIV. Jh. aufgekommen. Sie wurden unter starker Einfluss der mitteleuropäischen Traditionen von den lokalen Handwerker hergestellt. Die lokalen Unterscheidungsmerkmale der westlitauischen Kacheln wurden allmählich ausgearbeitet. Es gibt auch Importfunde.

CHRONIK

O.A. Ščeglova
**Die Abteilung der slavo-finnischen Archäologie
LAIA AW UdSSR im 1988–1990**

Im Artikel handelt sich es um die Tätigkeit der Mitarbeitern einer von der Unterabteilungen des Archäologischen Instituts im Laufe der 3 Jahren. Die Hauptrichtungen der Arbeit waren "Die Kultur und die Stadt des Altrusslands", "Der Archäologie des Nord-Westes des Altrusslands (Slaven und Finnen)".

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>В.В. Седов.</i> Распространение христианства в Древней Руси	3
Д.А. Бельская . Медная пластика городов Московской Руси (XIII–XV вв.).....	11
<i>А.Л. Александровский, Н.А. Кренке.</i> Изучение средневековых пахотных горизонтов в Москве и Подмоскowie	20
<i>О.М. Олейников.</i> К проблеме возникновения древнерусского стеклоделия	32

Публикации

<i>А.В. Сазонов.</i> Импортная краснолаковая керамика первой половины VII в. н.э. из Херсонеса	40
<i>Г.А. Массалитина.</i> Лепная керамика городища и селища Мощины.....	46
<i>А.М. Шовкопляс, И.О. Гавритухин.</i> Комплексы пражской культуры с Оболони и некоторые проблемы изучения памятников типа Корчак.....	52
<i>Ю.Ю. Моргунов.</i> Три городища XII–XIII вв. в Среднем Посулье	62
<i>Н.А. Макаров, Н.Н. Чеснокова.</i> Поселение Крыловское под Великим Устюгом.....	68
<i>М.В. Седова.</i> Пережитки языческих верований в средневековой культуре Суздаля	77
<i>Р.Ф. Воронина.</i> Об одном обереге Крюково-Кужновского могильника.....	86
<i>В.Г. Пуцко.</i> Переяславский клад 1912 г.	90
<i>В.П. Петренко, И.А. Вирсе.</i> Исследование могильников Гробиняс Приедисис в Западной Латвии....	95
<i>В.И. Кулаков.</i> Элементы письменной культуры населения земли пруссов.....	104
<i>Й.А. Генсис.</i> Изразцы Западной Литвы в XIV – первой половине XVI в.	110

Хроника

<i>О.А. Щеглова.</i> О работе Отдела славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР в 1988–1990 гг.	118
Список сокращений	123

Научное издание

Средневековая археология Восточной Европы

КСИА, вып. 208

Утверждено к печати Институтом археологии Российской академии наук

Руководитель фирмы "Наука – История" *И.П. Кузнецов*
Редактор издательства *Л.И. Тормозова.* Художественный редактор *И.Д. Богачев*
Технический редактор *Л.В. Русская.* Корректор *Т.И. Шеловалова*

Набор выполнен в издательстве на компьютерной технике

Подписано к печати 19.01.93. Формат 70×100 1/16. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 10,4. Усл.кр.-отт. 10,7. Уч.-изд.л. 12,1. Тираж 650 экз. Тип. зак. 73 .

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12